ВЕЛИКИЙ & УЖАСНЫЙ 5

ЕВГЕНИЙ КАПБА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Чем больше сила - тем больше ответственность. С ростом могущества как Резчика и вождя Орды, Бабаю Сархану все чаще приходится поднимать голову над провинциальной возней на окраинах Хтони. Великая и ужасная заноза в заднице вызывает у власть имущих бешеное желание или испепелить выскочку, или - использовать в собственных интересах. Попытка - не пытка? Ну нет, только если не имеешь дело с черным уруком! Принц из помойки, крысиный король и боевой бариста продолжает причинять добро, наносить радость и раздавать счастья для всех и даром, и плевать ему на последствия.

- Великий и Ужасный-5
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23

Великий и Ужасный-5

Глава 1
Спуск

Трос гудел, жумар, карабины и прочая металлическая хренотень со сложными альпинистскими названиями поскрипывала и позвякивала, я болтался в темном зеве пещеры, как говно в проруби, время от времени поглядывая наверх. Честно говоря, уже можно было начинать беспокоиться: пацаны сверху капитально тупили. Подошвы ботинок упирались в поросшую мхом сырую стену пещеры, башка под каской с фонариком чесалась, пальцы ощущали холод камня, цепляясь за скальные выступы, а еще — хотелось жрать.

Пока добирались к Вороньему Прорыву на внедорожниках, пока разбирались со снаряжением — перекусить не успели, так что я мечтал уже спуститься на дно двухсотпятидесятиметрового природного колодца и сунуть руку в мешок с припасами. Главный принцип туризма какой? Правильно: взять побольше, унести подальше и все это там сожрать! Даже если туризм экстремально-хтонический. Но до конца спуска было еще капец как долго. Я преодолел не больше одной пятой пути в бездну.

— Эй, там, наверху! — заорал я. — Уснули, что ли? Евгеньич, ёлки! Чего застряли?!

Ответом мне была тишина. И обрезанный конец веревки, который, грациозно извиваясь, спланировал сверху. И связка гранат, прилетевшая прямо мне на башку!

— Данц! — ударились гранаты об каску, отскочили и улетели вниз.

— Сука… — горестно вздохнул я и вжался в стену.

Внизу грохнуло, послышался шум падающих камней, стены пещеры дрогнули. Ну, что за гадство! И кой хрен мне теперь делать? Решение пришло моментально: я почувствовал, как качнулась под ногой каменная глыба, и заорал:

— А-А-А-А-А! — и усилием обеих нижних конечностей вырвал ее из стены и столкнул вниз, в бездонную тьму.

Ляпнуло и ухнуло, поднялось облако пыли. Может, подумают, что я помер? Вжавшись в стену, я пытался руками и ногами по очереди нащупать какой-нибудь из колышков, оставленных для крепления страховки другими, более адекватными и умелыми спелеологами.

— Будем надеяться, что он сдох, — раздался чей-то голос сверху.

— Может, обрушим тут всё к чертовой матери? — спросил

второй. — Этот орк — очень живучая сволочь.

— Обрушим? Тебя потом самого обрушат… Слышал, как он свалился? Образина, килограмм двести, наверное, весит… Валим отсюда скорей, пока эти не расчухались! Займись снарягой, чтобы они и не думали спускаться и помогать ублюдку, — посыпались мелкие камешки, гады сверху убрались от края входа в пещеру.

Меня малость отпустило: «эти» не убиты. «Эти» могли расчухаться! Так что мне оставалось просто подождать и понять — что за хрень там сверху произошла за те несколько минут, которые я висел в темноте. Зато — было время поразмыслить, как я дошел до жизни такой…

Всё очень просто: нужны были деньги. Неприлично много денег. За зиму «Орда» выросла на порядок, отделения общества хтонической самопомощи, они же — заведения общепита — появились практически во всех сервитутах от Черного моря до Байкала, и я носился по матушке-России как сумасшедший, исследуя местные прорывы и аномалии, занимаясь резьбой по шкуре новых ордынцев и подготавливая личный состав, материальную базу и административный ресурс к худшему. К чему худшему? К войне, конечно. Хурджин заверил — дед соврать не мог. Мертвые не врут.

Я не очень-то врубался, как оно всё будет, но встретить грядущие потрясения с голой жопой и кардом за спиной мне не улыбалось. Ну да, уруки не могут пользоваться огнестрелом. Не имеют права! А снага? На снага такой запрет не распространялся! Одними пожарными топорами многого не навоюешь, хотя для наших, ордынских орков это оружие и стало самым любимым с подачи моей омерзительной шестерки первообращенных мерзавцев. А кроме снага у меня были тролли, люди, гномы, даже — лаэгрим! Кстати, довольно много, чуть ли не полсотни. Эти ребята, проживавшие в Братске, видосы с моим крокодительством в Ород-Раве, то бишь — Баргузине оценили правильно. И спасение поселка на берегу Байкала, и замес с лесорубами, и прочее, всякое-разное. Бывают адекватные эльфы! И, что характерно, в неадекватном обществе они не задерживаются…

— БАБАЙ!!! — заорал спустя миллион лет Евгеньич. — Бабай, ты там не сдох?

— Не дождетесь! — откликнулся я. — Даже колышки нащупал и зацепился. Хрена с два я теперь сдохну!

— Фу-у-ух! — раздался облегченный вздох. — Нас тут какой-то хренью заморозили… Что-то вроде стазиса: протупили минут пятнадцать, могли только смотреть в одну точку. Мы с Кузей раздуплились, а остальные еще в каталепсии… И это! Сожгли почти всё снаряжение, гады! Рейд отменяется!

— Кто это был? — спросил я.

— А че-о-орт их знает! — бессильная злоба явно переполняла моего собеседника. — Маски, комбезы… Кто угодно! Без магии не обошлось.

Магия… Чертова гребаная магия! Тут из кожи вон лезешь, стараешься стать великим и могучим, а какая-то падла просто берет — и замораживает соратников, пока я тут на голой стене зависаю! Поубивал бы, честное слово!

— Подняться сможешь? — с некоторой надеждой спросил сталкер.

— Нет уж, дорогой вы мой Редада Евгеньич, если я поднимусь, то мы хрена с два заказ отработаем. А деньги нам капец как нужны!

— Так ты что — один полезешь? Там же эти… Ну, твари там. И как минимум один колдун. Бабай, не дури, у тебя получится подняться! — про тварей я помнил и про колдуна тоже.

— И пять пропавших девушек. И двенадцать шахтеров. И четыре наших пацана! Это не обсуждается, я буду спускаться и постараюсь их найти. Тут у меня веревки метров двадцать, колышки имеются, так что я потихонечку, помаленечку… Там отцепил, тут прицепил…

— Двести метров? У тебя же никакой альпинистской подготовки! — возмутился касог. — Подниматься легче, чем спускаться…

— Бабай! Гоу-прошка целая? — заорал раздуплившийся Кузя. — Давай, снимай там всё! Это будет фильм ужасов ваще-то! От первого лица! Назовем «Урук кродецца!» Пацаны говорили — твари на звук реагируют, так ты там их тихонечко убивай, ага? Чтобы они тебя не услышали. Мы спустим тебе еду и батарейки, и светильники, я наковыряю тут кое-чего! У меня есть капроновый шнур, этот… Порнокорт! Паро-врот! Пранакрот!

— Евгеньич, дай ему леща, пусть заткнется, а? Но припасы лишними не будут, если есть возможность — спускайте. Шнур тоже пригодится. Я тут приму, потом ниже спущу… Даже если упадет — что-то уцелеет, всяко ниже, чем с четверти кэмэ падать! — перспектива одиночной экспедиции меня не пугала, почему бы и нет, в принципе? — Или вместе с мешком спущусь, если подцепить на карабин удастся.

Отдохнуть от суеты и бесконечной круговерти вопросов и проблем Орды, которые приходилось решать в последние месяцы, попробовать отыскать пропавших девчонок-идиоток, которые решили, что можно просто так взять и отправиться в горы Сан-Себастьянского сервитута, раз они такие сильные и независимые. Найти колдуна и его ценное имущество, о котором все только и

трендели с тех пор, как я вернулся на Маяк, ну, и шахтеров — по возможности. Но это вряд ли, с нападения на Акарамарские шахты таинственных тварей прошло больше двух недель…

Даже Воронцов, который и предложил мне организовать экспедицию, пообещав хороший денежный приз от нескольких кавказских горнодобывающих компаний — и тот не настаивал на том, что я должен найти бедных работяг живыми. Прояснить их судьбу — это другой вопрос. А вот девчонки — они пропали три дня назад, и всякое могло быть. Вдруг — получится?

— А че с пеммиканом случится? — удивился Кузя. — Я кидаю, нах!

И кинул.

— А шнур, дебил? — заорал Евгеньич. — Я тебя убью!

— А… Ять! Эй, не бейся, эй! Одбузди бой доз, дабдалзя дуддых бдивыдек од дубого удуга! Одбузди, говодю!

— Кончайте потасовку! — рявкнул я. — Главное — остальное не швыряй! Мне тут всё, что угодно может понадобиться… Я буду двигаться потихоньку, а вы не тупите — соберите ресурсы в кучку, спустите мне что можете и двигайте в «Орду», у Хуеморгена есть связь с Воронцовым, нужно его предупредить о ситуации!

Так что я спускался, монотонно перещелкивая карабины от колышка к колышку, которые тут набили прежние поколения спелеологов-альпинистов чуть ли не через каждый метр, и пытался понять, что это за странное такое нападение произошло. Явно — целились лично в меня, а не в Орду. Не оставили бы они в живых Евгеньича и Кузю, и всех остальных, если бы хотели нанести нашей организации максимальный урон. Явно — миндальничали, но ко мне испытывали стойкую неприязнь. Кто захочет так избирательно со мной расправиться? Мне приходили на ум только две категории граждан: эльфы и аристократы. И тем, и другим присуще понятие о чести, и среди тех, и среди других есть персонажи, которые с радостью бы от меня избавились. И возможностей куча, магических и технических.

Так или иначе — с причинами каталепсии, которая охватила моих товарищей, разберутся потом. Это может быть магия, дротик со снотворным, стазис-поле техногенного характера… Что угодно!

Мимо меня на капроновом шнуре спустилась непромокаемая сумка, и я крикнул:

— Вира помалу! Метра два вытяните, я перехвачу!

— Ты как выбираться-то собрался? — Евгеньичу приходилось кричать изо всех сил, потому как двигался вниз я довольно шустро.

— Так выходов несколько! И спелеологи до Прорыва писали в сети, что есть ход к морю, значит, надо просто идти за текучей водой. Если не вернусь через три дня — падажжите!

Сумку я подцепил на один из карабинов альпинистского обвеса, рядышком с кардом, и принялся спускаться дальше: потихонечку, помаленечку… Фонари на каске работали исправно, колышки, вбитые в скалу, держались крепко, я насвистывал мелодию за авторством Высоцкого из фильма «Вертикаль» и думал про мультик «Ну погоди», где Волк так же ее насвистывал, цепляясь за веревку, а Заяц ему яйца ножницами отрезал… Или не яйца? Что там было-то?

Темнота окружала меня, пятно света от входа становилось все более крохотным, но мне, если честно, было наплевать. Мы, черные уруки, вполне комфортно чувствуем себя в темноте.

Так-то я вообще — Бабай, это я сижу во тьме под кроватью и в шкафу по ночам, скриплю половицами и завываю на чердаке. Не всегда, правда, под настроение… Но одного ублюдка из Ирининбурга так перевоспитывать пришлось, он меня в уральскую Хтонь на беседу с Полозом пускать не хотел. Но после того, как я его за ногу схватил, когда он ее со своего траходрома неосторожно свесил, дядька мнение изменил кардинально и утром на всё согласился. Выглядел, правда, заспанным и перепуганным, но взамен на одноразовую татау Ловца Снов сопроводительные документы подписал… Ибо нефиг!

Наконец ноги мои крепко встали на горизонтальную поверхность.

— ПОРЯДОЧЕК!!! — заорал я, понятия не имея о том, услышали меня товарищи наверху или нет.

Мешок с пеммиканом и химические трубочки-светильники валялись тут же, на камнях. Благо, взрыв связки гранат не вызвал обвала, и вход в пещерную галерею не обрушился. Оттуда отчетливо шибало Хтонью… Если телепорт мой нос распознавал как запах озона, эльфийская природная магия отдавала имбирными нотками, то Хтонь — что здесь, что в Сан-Себастьяне, что на бескрайних просторах Васюгана или в подземном лабиринте Полоза — везде, как мне казалось, пахла калёным железом. Гарь и окалина — что-то такое, сложно объяснимое.

Что там Кузя говорил про тварей, которые ориентируются на слух? Я заглянул в галерею и принюхался: кроме Хтони повонивало еще и говнецом. Охота была мне там от них прятаться, тихариться и переживать! И вообще, в тесноте махаться мне не с руки! Вот тут, на дне колодца — какая удобная арена!

— Вставай, проклятьем заклеймё-о-о-онный

Весь мир голодных и рабов!!! — заорал я, сделав ладони рупором и переходя на гроул.

Внутри что-то явно зашевелилось, так что я продолжил концерт по заявкам:

— Кипит наш разум возмущё-о-онный

И в смертный бой идти готов!

Прислушавшись, я распознал шлепанье босых ног по камням и наддал еще громче:

— Весь мир насилья мы разрушим

До основанья, а затем… Я ПООТРУБАЮ ВАМ БОШКИ!

Первая башка взмыла в воздух сразу же, а тело ляпнулось на камни, заливая их алой кровью. Вторая все-таки не прям отрубилась: лезвие карда застряло в позвоночнике, так что пришлось пинком отшвыривать тушку монстра прочь и отскакивать самому, чтобы не оказаться в окружении. Сволочи повалили из галереи целой толпой!

Плевал я на окружение, окружение — это даже хорошо, можно атаковать в любом направлении! Но рассмотреть их хотелось, потому что уж больно подозрительно чудища из Вороньей пещеры походили на самых обыкновенных снага! Что такое дюжина безоружных снага против урука с мечом? Если не дать себя схватить, то просто скот на бойне. Отскакивая и уворачиваясь, и рубил кардом, отсекая конечности и разбивая головы, иногда пускал в ход ноги, пинками расшвыривая подслеповатых и от того беспомощных кузенов по орочьей крови. И это — монстры?

— Р-Р-Р-РА-А-А-А!!! — громкий крик действовал на них угнетающе, они замирали и начинали вертеть головами, и хватались за уши, и явно страдали.

А я их убивал. Чувствовал ли я жалость к сородичам? Не особенно. Я зловредных зеленокожих и раньше не особенно жалел. А эти пещерники ведь не были настоящими, живыми более-менее разумными (если это слово подходит к снага) орками. Хтонические твари, как есть. Или какое-то племя диких обитателей гор попало под воздействие Хтони, или — они тут изначально сформировались как квинтэссенция страхов и ужасов той, моей Земли… Сколько таких легенд бродило об обитателях подземелий там, в разных частях света? Даже само слово — «Орк» — обозначало подземный мир и его хозяина, римский аналог Аида. Может быть, эти предания и имели основу здесь, на Тверди, и вернулись таким причудливым образом… Так или иначе — ни децимация, ни татау тут не помогли бы. Этих уродов в истинную веру не обратишь, мастерок и лопату в руки не всучишь и макарену танцевать не заставишь…

— Н-на! — я разрубил надвое последнего, отпрыгнул в сторону, чтобы не обляпаться в крови, и прошелся по дну колодца, попинывая тела убитых чудищ и бормоча под нос: — Фигня какая-то, а не фильм ужасов… С другой стороны, герои триллеров предпочитают носиться и орать, и светить фонариком, вместо того чтобы взять хороший дрын и рубануть поперек рожи ублюдку…

Сложилось стойкое впечатление: это еще не все. Не может быть, чтобы такой шорох по всей горной части сервитута навели какие-то слепые голые снага! Ну, девчонок они, может, и могли бы напугать, но, кажется, акарамарские шахтеры накостыляли бы им как положено! Значит — будем искать дальше.

Я нагрузился сумками, распихал по карманам химические фонарики, в правую руку взял кард и пристроил его на плече. На левом бедре, в кобуре, расположилась сигнальная ракетница — эдакая эрзац-замена огнестрелу, которую я облюбовал во время путешествий по уральскому лабиринту. Ни один самый въедливый полицейский, милиционер или опричник не мог мне ничего предъявить: в каком смысле в Хтони или просто в диких горных или таежных дебрях путешественник не имеет права таскать с собой аварийно-спасательные средства! Ну, а тот факт, что у меня в патронташе на поясе имелись еще и заряды зажигательные, и со слезоточивым газом, и еще с кое-какой дрянью — так это уже нюансы. Не пойман — не вор! И пофиг, что на черных уруков не распространяется презумпция невиновности…

Но главная задача этой приблуды в кобуре — это всё-таки освещение. В темноте подземелий создать яркую вспышку света иногда бывает очень, очень полезной затеей! Но тратить заряды на каждую галерею было бы чрезмерным расточительством… Я снял каску, отрегулировал мощность фонарей, которые располагались у обоих висков, любовно протер черный логотип с белой дланью и напялил ее обратно себе на голову. И сунулся в широкий проход.

Шаги гулко звучали в подземном царстве. Карстовая пещера, глубочайшая в мире и одна из самых больших по протяженности, представляла собой настоящий дворец с известняковыми узорами на стенах, колоннами сталактитов, подземными озерами и водопадами… Дух захватывало от окружающей красоты! Всё-таки разумно я поступил, что выманил тварей на дно колодца, теперь можно идти, любоваться…

— Зараза… — сказал я, когда луч фонаря выхватил из окружающей тьмы полуобглоданный скелет в шахтерской спецовке. — Налюбовался.

И, засмотревшись на жертву слепых снага, тут же вляпался в огромную кучу говна. И ее размеры говорили о том, что вляпался я как в буквальном, так и в фигуральном смысле. Ни один из убитых мной снага не смог бы насрать столько, если бы даже сожрал ведро пургена. Определенно, Воронья пещера и одноименный прорыв скрывали в себе немало тайн!

Я потратил немного времени, чтобы осмотреть место трагедии, и несколько в стороне нашел оторванную руку бедолаги, и забрал идентификационный браслет — все-таки лучше, чем ничего. Родные хоть судьбу его знать будут. Скажу, что умер быстро, сорвался в пропасть.

Правое предплечье зачесалось, я закатал рукав и увидел, как золотые искорки пробегают по татау с Ёжиком. Что ж, заблудиться мне не грозит! Эх, найти бы девчонок в состоянии более сохранном, чем шахтер… Не медля больше ни минуты, я собрал барахло и зашагал вперед, осматривая все ответвления, гроты и ниши и обходя мутные черные лужи и участки со странным, колышущимся маревом. Никакого желания проверять, что за хрень тут явила миру Хтонь, мне не хотелось.

И, вопреки всему, настроение у меня было боевое: я прямо сейчас находился на своем месте и делал то дело, для которого годился лучше всего!

* * *

Глава 2
Ритуал

Визиты в многочисленные российские хтонические дебри заставили меня пересмотреть свои взгляды на Сан-Себастьянскую Аномалию. Я прямо зауважал ее! Такого разнообразия и плотности осквернённой флоры и фауны я не встречал нигде. То ли этническое и расовое разнообразие населения сказывалось, то ли курортный статус и постоянная ротация приезжих, которые тащили с собой свои проблемы, заморочки и страхи — сложно сказать. Но теперь, собственными глазами, ногами и кардом изучив с дюжину хтонических территорий, я совершенно точно знал: обычно в каждой отдельно взятой аномалии или прорыве можно было вывести некую закономерность, ситуация там развивалась в определенных тематических рамках. Кроме Сан-Себастьяна.

Так, например, в Васюгане преобладала зимне-новогодняя тематика, если так можно выразиться. Дедморозы, снегурочки, снежные человеки и всякие мерзлявцы нескольких видов. В Уральском лабиринте Полоза обитали разнообразные змеюки, воплощая все возможные варианты герпетофобии: огромные тварины метров по двадцати в длину, маленькие змейки, плюющиеся ядом, наги-змеелюды, змеи о трех головах или о четырех хвостах, всякие там гидры и прочие мифические чешуйчатые гадины. И так далее… Где-то бал правили пауки, в других местах — слизкая биомасса, принимающая формы в зависимости от потаенных страхов противника (конечно, в моем кратком справочнике это явление стало именоваться Солярисом). А в заброшенных многоэтажках городка Алыкель, что под Норильском, жути нагоняли летающие сгустки тьмы, которые я по аналогии с книжками про Гарри стал именовать обскурами.

Но, что характерно, каждая из тварей вполне себе подыхала, если ее секануть мечом или настрелять в нее из автомата. Лично наблюдал, как пара опричников решетила солярисов отросток из автоматов Татаринова зажигательными пулями. Получалось изумительно! Интересно, что срабатывало: сами пули или вера опричников в то, что эти пули должны сработать? В любом случае, Вороний Прорыв должен был подчиняться все тем же законам.

Есть измененные слепые снага? Значит, будут и другие исковерканные хтонью гоминиды. Скорее всего — из таких родных и близких мне хомо террибилис, сиречь — орков. Судя по

кучам говна, которые я встречал тут и там, пока пробирался по гротам и галереям, скоро я должен был повстречать как минимум троллей.

Материалы по пещере, которые я изучил, говорили о том, что протяженность ее составляет около шестнадцати тысяч метров, так что те трое суток, которые я обозначил в начале спуска в качестве дедлайна, были довольно скромной оценкой. Это ж не пробежать надо, а обыскать прям! Я же девчонок искал, колдуна и шахтеров. И находил, что характерно…

Спустя шесть часов поисков и полтора десятка зарубленных хтонических снага — шесть айди браслетов уже лежали у меня в кармане, и я продолжал методично осматривать все закоулки, выковыривая оттуда монстров, рубая им головы и выискивая следы пребывания живых людей. Свежие следы, в смысле. Такие, как окурки, мусор, отпечатки рифленых подошв на… Они попадались, но редко. Несвежих хватало: спелеологи, которые открыли пещеру, наколотили в стены колышков, даже таблички оставили. Мол, сифон «Два Капитана», грот «Афалины» и всё такое прочее… Тоже — попаданцы, или опять — параллельное культурное развитие?

Я как раз засмотрелся на следы жирной копоти, как раз над табличкой с этими самыми капитанами, когда серый сталагмит справа от меня зашевелился, и из него высунулись мощные мускулистые лапищи, открылись горящие тьмой глаза и троллячья клыкастая пасть.

— Р-р-р-ра-а-а? — в голосе твари было немало удивления, как будто он не ожидал встретить кого-то в своих владениях.

Еще больше хтонический тролль удивился, когда я сунул ему в пасть кард и дернул на себя, выдирая шипом нижнюю челюсть, а потом крутанулся вокруг своей оси и полоснул по голому серому пузу. Заливая кровью пол, он рухнул ничком.

Я прошелся по кругу, тыкая кардом в сталактиты: а ну, как еще твари полезут? Ловко он замаскировался, пещерник этот! Интересно, настоящие Хурджиновы сородичи так умеют, или это только благодаря Хтони такие способности к мимикрии появились? И как насчет зрения — тоже слепой или нормальный? Схватка прошла слишком скоротечно, понять было сложно.

— Скучно, товарищи. И тролли у вас ненастоящие. Настоящий тролль бы мне круто наподдал, даром, что я Резчик, — вслух проговорил я, сложил аккуратно на полу пещеры свой скарб и сунул руку в воду, которая плескалась в сифоне.

Сифон — это такой проход, под водой. По крайней мере, на табличке было так написано. Если есть проход — значит, он куда-то ведет, верно? Значит, нужно его обыскать, потому как свежие

пятна копоти сами по себе в пещерах не появляются! Сплавать, в принципе, было можно, водичка градусов пяти меня не особенно смущала. Холодно, но терпимо. Тем более — я собирался активно шевелиться, а не ванны там принимать.

Раздевшись до трусов и нацепляв на запястья чуть ли не по дюжине гибких химических светильников-трубочек, чтобы обеспечить себе минимальную видимость под водой и не спалиться при этом, я в левую руку взял кард, на шею надел ремешок-резинку с гоу-прошкой и нырнул.

Тут было неглубоко. Проход в скале под водой располагался на глубине полуметра ниже уровня пола и был довольно широким, так что, цепляясь за неровности в стенах и отталкиваясь ногами от дна, я шустро продвигался вперед, мысленно отсчитывая секунды. Я прекрасно представлял себе возможности этого тела, и ровно на половине той психологической отметки, когда воздух мог начать заканчиваться, готов был повернуть назад. Но — не стал, потому что впереди забрезжил свет явно магического происхождения. Повезло! Сифоны порой и несколько километров в длину тянутся!

Почему магического? Потому что я представить себе не мог, за каким хреном какой угодно придурок потащил бы с собой в Хтонь электрическую светомузыку. Разноцветные лучи всех цветов радуги буравили воду, отражались от поверхности и выплясывали диковинные танцы. Оттуда, снаружи, раздавались странные звуки, похожие то ли на речитатив, то ли на повторение ведических мантр. Я вжался в одну из стенок сифона и медленно-медленно всплыл, цепляясь за выступы в стенках и стараясь не шуметь, высунув наружу одни глаза. Как крокодил.

Похоже, я прибыл по адресу. Ситуация прямо требовала, чтобы в нее вмешались, так что тихо-тихо сковырнув с запястий светящиеся браслеты и утопив их в воде, я без плеска выбрался на бережок и спрятался за камнем, стараясь не звякнуть кардом.

Картина предстала предо мной смутно знакомая: на полу грота намалевана красно-бурая звезда, над которой в воздухе висел хрустальный шар, испускавший разноцветные потоки света. На концах лучей корявой звезды, которых было семь, располагались представители местной фауны и люди! Тела хтонических тролля, снаги, гоблина и черного урука (нихрена себе!) соседствовали с лежащим тут же шахтером в оранжевой спецовке и двумя девушками-спелеологами в комбинезончиках. И вокруг них бегал какой-то дерганный сутулый тип с сальными космами. В пиджаке, брюках и штиблетах. И с факелом в руках. Вот откуда копоть! Но как он, такой модный, сквозь сифон пролез?

Эти его штиблеты меня доконали. Кто тащится в лакированных туфлях с острыми носами и охренительными каблуками в Хтонь? Ладно — в Хтонь, в любую пещеру? Что за идиот? Или — не идиот? Как он тут вообще оказался? Есть другой проход? Тогда почему он такой чистенький? И как же копоть у таблички? Телепорт использовал?

— Отлично, отлично! — оживленно забормотал тип в пиджаке. — Прекрасно!

От хтонического тролля по лучам звезды побежали фиолетовые сполохи, геометрическая фигура постепенно засветилась вся, наливаясь силой и мощью. Несчастные на ее концах зашевелились, твари тоже принялись дергаться. Колдунишка одним прыжком вскочил в центр звезды, коснулся рукой висящего в воздухе хрустального шара… Фиолетовое свечение, скопившись в срединном многоугольнике, вспыхнуло с новой силой и ударило в хрусталь, а ритуалист заорал дурным голосом:

— О, да-а-а, да, детка! Вот так вот! Иди к папочке!! — и задергался в экстазе. Факел выпал из его пальцев, зашипел и погас.

Мои брови поползли куда-то в район линии роста волос. Какой, однако, крепко поехавший обосранец! Нашарив рукой подходящий известняковый сталагмит, я, уже не боясь нашуметь, с хрустом его отломил и запустил прямо в башку этого придурка. Звук столкновения натечного минерального образования с черепушкой маньяка был подобен удару в пустой глиняный горшок!

— Ять! — колдун отпустил шар и ухватил себя за череп в месте удара чисто рефлекторно, и этим, похоже, нарушил ритуал.

Хрустальный шар загудел — и вдруг как будто сорвался с подвеса, добавив по башке незадачливому пиджачнику всем своим немалым весом.

— Ой, яа-а-ать! — он упал на пол, обливаясь кровью из разбитой головы, и тут все пошло вразнос.

Шахтер и девушки дернулись и замерли без движения, а вот хтонические твари, наоборот, вскочили, бодрые и активные, принялись принюхиваться, и мало-помалу двинулись в сторону колдуна.

— Ну, нет, — сказал я и встал в полный рост. — Эта скотина мне самому нужна. У меня к нему серьезный разговор!

Я прыгнул вперед, становясь между скорчившимся в позе эмбриона колдуном и хтоническими ребятами.

— Шли бы вы отсюда, а? — я был готов поклясться, что урук и тролль перемигнулись!

Как они это сделали, будучи слепыми? Или это у меня уже пошаливало воображение? Да и было отчего: парень в штиблетах со своими ритуалистическими закидонами произвел на меня огромное впечатление…

Гоблин и снага кинулись в атаку тут же, без проволочек, явно ориентируясь на шум шагов. Мелкая носатая падла раззявила свой рот, полный гнилых зубов — и огреб ногой с разворота, тут же улетев в сифон Двух Капитанов и булькнул, опускаясь под воду. Снага повезло несколько больше — ему удалось даже ухватить меня за руку своей пятерней, когда я отвлекся на гоблина, но удар рукояти карда в голову ошеломил его, я вырвался, отпрыгнул — и рассек ему туловище.

Тролль и урук, подслеповато расставив верхние конечности, двигались ко мне. Свет от хрустального шара постепенно тускнел, так что я мог потерять свое преимущество как единственный зрячий парень в этой богадельне и потому торопился действовать:

— АЛЁ, ГАРАЖ!!! — рявкнул я, и эхо отразилось от стен грота. — ЛОК-ТАР ОГА-А-АР!!!

Гроул на грани инфразвука действовал на них ошеломляюще. Вообще, даже при всех своих впечатляющих физических кондициях и потрясающем слухе твари эти нормальному бойцу или просто — физически крепкому вооруженному мужчине могли доставить проблем только в том случае, если бы мы оказались в полной темноте… Ять! Ну, вот кто меня заставлял даже думать в эту сторону? Хрустальная сфера окончательно погасла и последним источником света остались лежащие на дне сифона под водой фосфоресцирующие браслеты.

— Р-р-р-р! — осквернённые Хтонью сородичи уже искали меня.

А я что? Я отпрыгнул к сифону и встал по пояс в воде. Подсветка была откровенно хреновой, но смутные тени различать удавалось. Первым кинулся тролль — и я встретил его ударом сверху вниз, отсекая правую руку и сбивая с траектории. Не обращая внимания на потерю конечности, он поднялся на ноги и кинулся снова, стремясь повалить меня, но я уклонился и, перехватив кард, ударил шипом ему в череп, на манер клевца или чекана. Тролль скопытился, но и кард с собой утащил на дно!

Урук был тут как тут. Здоровенная лысая образина, с бледноватой и мокроватой для нашего племени кожей, иссиня-черными слепыми глазами, ногтями как у старой бабки и мерзким выражением орочьей хари. По ней я и врезал, классической боксерской двоечкой, а потом ушел в нырок, уклон, еще нырок, пропуская над собой его деревенские замахи. Он рычал и кидался, а я уклонялся и отступал крохотными шажками,

а потом улучил момент, чуть присел и, придавая импульс удару, резко распрямил ноги и впечатал капитальный апперкот ему в подбородок, отбросив за пределы сифона, тут же нырнул, нащупывая рукоять карда, застрявшего в башке у тролля, уперся — и освободил оружие. После этого расправиться с хтоническим уруком было делом одного прыжка и трех ударов.

— Отсутствие свежего воздуха и неправильное питание свели вас в могилу! — сказал я, подобрал со дна сифона химические светильники, надел их на руки и отправился нащупывать колдунишку.

Травма на его башке была пустяковой — просто кожу рассекло, хотя и выглядело скверно, так что я похлопал его по щекам, чтобы привести в чувство, а когда это не помогло — макнул несколько раз лицом в сифон. Он там, под водой, раскрыл глаза, увидел трупы гоблина, тролля и урука и мигом взбодрился.

— Ы-ы-ы-ы, что ты наделал! — заорал он. — Трое суток работы! Столько усилий стоило затащить их всех сюда! Мужик, ты не представляешь, как крупно влип! Тебе конец, слышишь?

— Да? — я перевернул его лицом к себе и проникновенно глянул в глаза. — Ты так думаешь?

— О-о-о-о-ой! — его испуг был сильным и непритворным!

— Нет, это даже очень интересно: хтонических тварей ты не боялся и вполне сноровисто использовал для ритуала, а увидев меня — чуть ли не обдристался? Эти типы что, симпатичнее меня?

— Да! В смысле — нет! Ты же Бабай из Орды! Как ты тут оказался? А-а-а, черт, они наняли тебя, чтобы найти этих девок! Вечные проблемы с этими девками! Надо было дождаться пока они свалят нахрен из пещеры и украсть еще парочку шахтеров… Всем плевать, если пропадут мужики, понимаешь? Но стоит в новостях мелькнуть миленькой мордашке, как народ возбуждается до последней крайности! —

Я мог бы ему сказать, что заплатили мне именно горняки, а девчонок я взялся искать, скажем так, на общественных началах, но толку с этого было бы ноль: колдунишка явно находился не в адеквате, так что я ухватил его за шкирки и затащил следом за собой в воду, намереваясь побеседовать по душам уже там, с той стороны, в галерее, где остались мои припасы и снаряжение. После того, как возьму хороший фонарь и обследую ритуальный грот, конечно, и проверю состояние людей. Надежды на то, что они выжили, было мало, но всё-таки, всё-таки… И — да, я хотел забрать хрустальный шар и прочее ценное имущество, что уж тут скрывать!

Колдун сопротивлялся для проформы, но в сифоне быстро

сдулся и даже помогал мне, отталкиваясь ногами. Плыть тут было всего ничего, так что уже спустя три минуты я вынырнул с другой стороны, мощным рывком вытянул на берег ритуалиста и сразу же заметил некую фигуру, которая метнулась от кучи моей снаряги в сторону.

— Куда-а-а!? Куда потащил? — завопил я.

Еще чего мне не хватало — остаться тут голому и без света! Что за дичь?

— Так вы живой? — раздался испуганный молодой женский голос. — Вы настоящий, не чудовище?

— Я черный урук, самый настоящий, живой и очень-очень сердитый! Не сметь воровать мои вещи, я сам с тобой ими поделюсь, потому как спасать тут всех пришел!

— Да-а-а? — удивления было прям очень много. — А это…

В лицо мне ударил свет одного из моих фонарей, я прищурился, но пленника не выпустил, а, наоборот, встряхнул его как следует:

— А этот засранец там… По ту сторону, в общем, в соседней пещерке, твоих подружек прикончить пытался. И шахтера. И еще кое-кого, но об этом лучше не надо.

— Не верь ему! Он чудовище! А я человек! — заорал колдун. — Он убил всех и хочет убить меня! У тебя пистолет? Стреляй в него!

Этот кретин принял за пистолет мою ракетницу! Но, черт побери, получить сигналку в брюхо мне точно не улыбалось. Это как минимум расточительно, а как максимум — чертовски больно!

— Не, ну ты погляди, какой кусок говна! — я еще раз потряс колдуна. — Смотрите, дамочка, он одет в пиджак, брюки и штиблеты! Это же очень подозрительно, не находите? Какой дурак попрется в пещеру в штиблетах?

— А вы и вовсе в трусах! С медведиками! Какой дурак попрется в пещеру в трусах с медведиками? — резонно заметила она. — Вы мне оба не нравитесь!

И как мне ей объяснить в сжатые сроки, что на урукские размеры в принципе найти шмотки — это целая проблема? Не на заказ же трусы шить? Тут уж не до выбора принта: и медведики, и сердечки, и прочая дичь в ход шла… Пришлось искать другие аргументы:

— Так моя-то снаряга — вот она, перед вами! Я-то, как нормальный парень, разделся, прежде чем в сифон нырять!

— Что-то в этом есть, — луч фонаря шатнулся, как будто она кивнула. — Но я понятия не имею, что делать в такой ситуации. И я очень хочу есть, устала и замерзла, и не знаю, как отсюда

выбраться!

— Дамочка, — сказал я. — Давайте я свяжу этого типа, а вы его покараулите, пока я не вернусь. Там ваши подружки — то ли живые, то ли мертвые, сложно сказать…

— Мертвые! — заявил колдун, а потом опомнился: — Ты их сам убил, на моих глазах! Стреляйте уже, стреляйте, пока он и нас не убил!

— Нет, всё-таки пиджак и штиблеты -это и вправду как-то слишком… — фонарь приблизился, и луч снова оказался направлен мне в самое лицо. — Так я вас знаю! Вы — Бабай Сархан! Тот парень из фудтрака! Я вас видела в Карасуне, на концерте! Я… Ох, мне плохо…

Фонарик вдруг выпал у нее из рук, ударился о каменный пол и погас. И тут же, спустя секунду, послышался шум падающего тела. Вот ведь гадство! Я мигом почувствовал себя героем дебильной загадки про волка, козу и капусту. И главная проблема была в том, что я ни в детстве, ни сейчас понятия не имел, как она решается.

* * *

Глава 3
Заемная сила

Вопрос я решил довольно просто: вырубил колдуна аккуратным ударом по многострадальному кумполу, связал, уложил в стороночке. Внимательно осмотрел галерею, потыкав во все сомнительные места кардом, никого не обнаружил и установил две растяжки с гранатками — на расстоянии двадцати пяти-тридцати метров с одной и другой стороны. Девушку, а скорее — молодую женщину, спрятал в нише у стены, уложив на спальнике, закутал термическим покрывалом, под голову ей пристроил рюкзак. Ну, и ракетницу сигнальную оставил, чтобы могла постоять за себя.

Молодая леди, попавшая ко мне в лапы, обладала довольно приятной наружностью и выдающимися формами. Определить это не мешали жуткие лохмотья вместо комбеза и волосы — как пакля, и лицо — в грязище. Но настоящая красота — она очевидна, ей прорехи в одежде не помеха! Она и сквозь прорехи выпирает, можно сказать. И пощупать! Но я ничего щупать не стал, я приличный урук. И так бедолажная настрадалась, чтобы ее всякие уруки щупали. В общем — бережно я с ней обращался, по-джентльменски.

Позаботившись о незнакомке, я прихватил с собой аптечку, кислородный баллон и солидных размеров мешок для добычи — и двинул на ту сторону. Челночное плавание по сифону, вот как это называется! Меня оно уже даже начало задалбывать, если честно. Но мои праведные труды были вознаграждены: девчоночки всё-таки оказались живы! По крайней мере, автодиагност из аптечки выдал вполне себе приемлемую картину: обезвоживание, истощение, потеря сознания, но в целом — никакой страшной угрозы для жизни не обнаружено. В этом плане мне жутко нравился местный техномагический прогресс: имея приличные деньги, можно было накупить кучу ништяков, которые даже из такого дубового в медицинских делах типа, как я, сделают вполне приличного фельдшера! Кроме автодиагноста у меня с собой имелся еще умный инъектор, и оба этих прибора гарантировали полную совместимость и взаимодействие по беспроводной связи, так что мне оставалось только прислонить коробочку инъектора к локтевому сгибу сначала одной девушки, потом — второй, и машинка впрыснула им необходимый минимум препаратов. И не всегда нужно татау бить, чтобы подлечить кого-нибудь… А то ведь получится как в той

поговорке: по лягушкам из пушек…

А вот шахтер помер, жалко мужика. И все мои навыки резчика были тут бессильны. Доконал его колдунишка. Все-таки пара недель — это не три дня, не вынес дядька тягот и лишений. Ох, и отольются мерзавцу-ритуалисту шахтерские слезы… Я его коллегам горняка доставлю, пусть хоть растерзают, у меня на душе ничего и не пошевелится. Тех, кто чужими жизнями жертвует ради своих малопонятных эгоистичных целей, гасить надо наглухо. Своей жизнью — жертвуй сколько влезет, хоть башку о стенку разбей. А девок красивых трогать не смей! И шахтеров. Шахтеров тоже не стоит трогать. Вообще, много полезного народа на свете, так что нехрен руки распускать и в пентаграммы человеков запихивать. Хотя, если семь углов — то это ведь септаграмма получается? И в нее тоже запихивать не надо, однозначно.

Девушки были в безопасности, пусть и в окружении трупов, так что я занялся сбором трофеев. У ритуалиста кроме хрустального шара с собой имелось множество всяких диковинных плошек, банок, склянок, кувшинчиков, подвесок, статуэток и прочих штучек-дрючек, которые он расставил в строгом порядке на перекрестьях кровавой фигуры, хрен пойми зачем. Определенно, нужна была чья-то консультация по поводу всей этой магической дребедени, поскольку негодяя этого я уже раскусил: он являлся настоящим пустоцветом. И все эти штуковины ему нужны были как костыли для инвалида, без них он ничего путного намагичить бы не смог. Хотя он и так не смог, со штучками, но это скорее всего потому, что ему сталагмитом в башку прилетело, а не потому, что штучки не помогли.

Собрав добычу в мешки, я снова нырнул под воду — и выволок их наружу, примостив рядом со связанным колдунишкой, который так и валялся без чувств.

Потом настал черед спасать жертв ритуалиста. Чтобы девушки не очнулись в воде, я настроил инъектор, и он впрыснул в каждую пациентку лошадиную дозу успокоительного, так что мне оставалось только зафиксировать (окей, окей, связать!) конечности веревкой, плотно приложить кислородный баллон с маской к носу и рту, закрепить резинкой на затылке — и вперед, продолжать челночно-сифоновое плавание, сначала с одной, потом — со второй.

Было неудобно, но я справился с обеими. И ни разу ни одну из них башкой об известняковые стены не ляснул. Сам, правда, долбанулся, но это — мелочи. В плюс играло, что в отличие от молодки, которая уже спала под одеялком, эти альпинистки-пещеролазки оказались довольно миниатюрными. Килограмм по

пятьдесят весили, не больше. И, судя по всему, возрастом были гораздо моложе. Может, студентки? В любом случае, они намокли и замерзли, так что мне пришлось доставать еще аварийные пакеты и закутывать и этих дамочек термическими спасательными покрывалами. И укладывать их туда же, в нишу. Но это всё были полумеры. Возникла срочная необходимость приготовить еду, горячее питье и согреть их капитально. А для этого нужен был костер!

У меня с собой имелось сухое горючее, но не прям много. Котел плова не приготовишь! А дрова найти в пещере — та еще задачка, для дебилов. Зато здесь можно было найти мага, пусть и недоразвитого, а маги, даже недоразвитые, порой умеют делать всякие интересные финтифлюшки! Так что я набрал воды в ладони из сифона и плеснул в лицо колдунишке.

— Эй, чучело! Вставай, пора приниматься за общественно-полезный труд мне во благо…

— А? О! Ой, ять! А-а-а-а! — реакция его была понятной, но неприемлемой.

— А ну — цыц! Девочки спят! — я мигом ухватил его за горло. — Будешь орать — заткну рот твоим же ботинком. Если сейчас сможешь говорить спокойно — кивни.

Он кивнул. Я убрал руку от горла и спросил:

— Как звать тебя, чучело?

— П-п-п-почему чучело? — драматическим шепотом спросил он.

— Потому что с виду ты человек, а в башке у тебя — опилки! — пояснил я. — Кой хрен ты в штиблетах в Хтонь поперся?

— А… — он был явно озадачен. Не такого вопроса колдунишка ожидал от черного урука! — А что — нельзя?

— Нельзя хрен об чужие занавески вытирать и при дамах материться! А еще — людей воровать, чтобы на них опыты ставить! — отмахнулся я.

— Так это не опыты! — возмутился он. — Это уже веками отработанные практики! Ради заемной силы!

— А? — удивился теперь уже я. — Это что за хрень? Ладно, всё — потом. Давай вот что мне скажи, болезный: есть из чего костер разжечь? Я тут просто подумываю: мне тебя с переломанными пальцами на руках дальше вести или с целыми?

— Пальцами? Почему — пальцами? — его растерянности не было предела.

Конечно, проводя ритуалы в Хтони, очнуться в лапах у черного урука — не самый закономерный результат. Был. Годик назад. Теперь с подобными ему паскудами такие сюрпризы будут случаться все чаще и чаще…

— Ну, как… Ноги я тебе ломать не буду, мне еще, по всей видимости, девчонок на себе нести. Так что сам пойдешь. Нос сломать — так говорить будешь невнятно, а у меня к тебе куча вопросов… Потому — пальцы, — кажется, доходчивей было уже некуда. — Говори, падла, из чего у тебя костер развести можно!

Я ухватил его за ухо и немного приподнял над каменным полом. Общение с Кузей кое-чему меня научило, и теперь я уже врубался, с каким типом личностей такой способ диалога будет самым эффективным.

— А-а-а! Зеленая склянка!- тут же смекнул он. — Налей в блюдо, будет долго гореть! А-а-атпусти!

Я отпустил, и колдун брякнулся башкой на камень. Ну, сам попросил, что уж тут. Зеленую склянку я нашел быстро и металлическое блюдо подходящего размера — тоже. Пододвинув его поближе к посудине, усадив напротив себя и глядя на его реакцию (а ну, как сбрехал и сейчас будет большой бабах?), я налил мутную тягучую жидкость в емкость, чиркнул самой обычной спичкой, и жижа заполыхала — невысоким, но жарким и ярким пламенем.

— Годится. Так и быть, разрешу тебе посидеть и погреться об мой костер, если расскажешь, за каким хреном ты всё это устроил. Но учти — начнешь бормотать заклинания или нести околесицу, я тебе мигом по щам настучу! — погрозил ему пальцем я. — Ты ведь знаешь, кто я, ага? Понимаешь, что со связанными руками и без твоих артефактиков такого пустоцвета, как ты, я в бараний рог скручу за три секунды?

— М-м-мда! — закивал он. — Скрутишь. Ты меня убьешь?

— Я-то? Нет, пока не собирался, — отмахнулся я. — Хотя ты и редкостный гад. Разве что если по пути сдохнешь, тогда сильно переживать не буду. А так мне за тебя живого дороже обещали, чем за мертвого.

Он приободрился и обрадовался. И зря! Заказали-то мне всю это поисково-спасательную операцию воротилы горного бизнеса, клиенты Демидовых. Это они владели шахтами в Акарамаре, то есть опосредованно — сам его светлость Григорий Демидов ди Сан-Донато. Так что смерть ублюдка будет весьма неприятной…

— Как звать-то тебя, чучело? — уточнил я.

— Игорь, — тут же откликнулся колдун. — Денисович. Кулябкин!

— Куля-а-абкин! Так ты — ученый, получается? Это что — я по твоим статьям Воронью пещеру изучал? — мне даже стало как-то обидно.

— Доктор естественных наук! — он прям гордился этим, даже плечи расправил! — Преподаю геологию и спелеологию на

отделении геомантии, в колледже. Ну, и не только. Пиромантам и гидромантам геология тоже необходима…

Не знаю, чего он разоткровенничался? Может, прерванный ритуал на него так влиял, а может — мои угрозы пальцы поотламывать?

— В магическом колледже, значит, — кивнул я. — Многоранная личность! Пустоцвет-геомант, ученый, преподаватель, геолог, спелеолог, ритуалист и просто говнюк. Понятно теперь, каким хреном мужики из Акарамары, которая за сорок километров отсюда, в Хтонь попали. Заманил, падла? Наставил статичных порталов, да? Интересно, сколько таких исчезновений — твоих рук дело? Ой, и не делай лицо оскорбленной невинности, мне тебя живьем доставить велено, а про «целый и невредимый» ни слова не было. Как думаешь, Игорёша, что будет полезнее для твоего организма: если я быстро всех погибших шахтеров найду, и мы выбираться станем, или я тебя тут с девчатами оставлю, вручив им, например, что-то острое? А сам на поиски двинусь?

Игореша, подлец, вдруг закатил глаза — и дунул! И пламя из плошки ринулась мне в лицо! Я рефлекторно зажмурился — и врезал леща, вслепую. Явно — попал! Завоняло паленными волосами, так что мне пришлось мигом бежать к сифону и окунать в него башку. А потом — макать в сифон Игорешу, потому как иными способами в себя он приходить не хотел.

— Посмотри ты, какая все-таки говна, а не человек! — пожурил его я. — Ты еще и пакостничаешь? Совсем охренел? Я — Бабай Сархан, мне твои пустоцветные фокусы что слону — дробина!

— Вот! Вот! — заорал он, мотая мокрой башкой и пребывая явно не в себе. — Легко тебе! Ты вон какой! Всем вам! Вы вон какие! Эльфы — живут черт знает сколько, все красивые, как с картинки, гномы в любой технике по щелчку разбираются, руки у них, понимаешь, золотые! Снага — не болеют никогда, тебе, уруку, магия — как слону дробина! Ты вона какой здоровый, и бицепсы у тебя, и трицепсы, и девкам, небось, нравишься! А я? Каково это — быть простым человеком, а? Что мы можем? То голова болит, то жопа, то аллергия, то грибок на ногтях, то зубы надо лечить! Знаешь, как я мечтал об инициации? Мечтал стать кем-то! Каждый день с семи лет мечтал, что стану магом! Настоящим геомантом! И что? Да, инициация произошла, а потом — пшик! Я никто! Пустоцвет, нищий преподаватель в жалком колледже на окраине России! Что у меня есть? Знаешь, каково это — чувствовать свою ущербность, чувствовать презрение от тех, кто сильнее? Да мои ученики, прошедшие инициацию второго

порядка, презирали меня, я это ощущал всякий раз! Эти сучки глумились надо мной, шушукались! Конечно, они ведь — первокурсницы, думали, что у них всё впереди! Что? Что бы ты стал делать, если бы ежедневно чувствовал себя никчемным, ничтожным, не могущим повлиять ни! На! Что! Ни на что в этом сраном мире! Для которого нет места под солнцем, кроме крохотной квартирки и нищенской зарплаты в жопе мира! Не знаешь? Откуда тебе знать, ты же не человек, ты — черный урук, тебе повезло!

На этом моменте я дико расхохотался, мне аж плохо стало. Ну, и выронил я его в сифон, и полежал он там, пока я не проржался как следует.

— Мне и вправду повезло, Игореша, — бормотал я, оттаскивая его к блюду с огнем. — Лучше быть черным уруком, чем таким параноидальным эгоцентричным сукиным сыном, как ты. Квартира! Зарплата! Способности к магии! Происхождение — титульная нация и титульная раса! Родился в курортном городе! Мозгом Боженька не обидел, мордашка у тебя тоже ничего, симпатичная! Штиблеты вон какие… Ты чертов везунчик, Игореша! Если бы у меня были на старте такие штиблеты, я бы думал, что мне дьявольски фартануло. Но у меня нашлись только резиновые шлепанцы и разгромленная берлога в самой жопе жопы! Студентки шушукались на него… От меня бабы панические атаки ловят и мелко-мелко креститься начинают, а тут — шушукаются…

— Дуры потому что, не понимают ничего, — раздался женский голос из ниши. — Спасибо вам, господин Сархан, что нас спасаете.

— Тихо, тихо, Маргарита Львовна! — девчули едва ли за руки ее не хватали. — Это же урук! Он же…

— Спокойно, барышни! — эта видная дама выбралась из ниши и типично женскими движениями принялась приводить себя в порядок. Настолько, насколько это вообще было возможно, учитывая обстоятельства. — Спокойно. Этот конкретный урук — самое лучшее из того, что мы могли повстречать в нашей ситуации. В которой, между прочим, виноваты именно вы! Так что раскрыли свои ротики и повторили следом за мной: «Спасибо, господин Сархан!»

— Но Маргарита Льво… — студентки были явно к такому не готовы.

— Никаких «но»! — она даже стала дирижировать ладонями. — Смелее: «спасибо…»

— Спасибо, господин Сархан… — проблеяли спасенные.

— Ну вот, умнички! — царственно кивнула молодая

женщина. — А теперь дальше отдыхайте, а я хотя бы умоюсь, и если мне повезет — со мной поделятся одеждой…

— Есть комбез, — сказал я. — Оранжевый. Автоподгонка по размеру. Девушки, у меня их шесть, если что, я не знаю, за каким хреном мне их сбросили, но имейте в виду… Трупы я из сифона вытянул, на ту сторону, так что можно мыться. Вода холодная, но я уже-уже ставлю суп вариться, через несколько минут — согреетесь.

— Вот! — смелая сударыня сделала грациозный жест рукой и так взмахнула ресницами, и так глянула, что у меня мурашки по спине побежали, несмотря на ее запачканное лицо и спутанные волосы. — С огромной благодарностью приму вашу помощь, сочтемся, когда выберемся. Поверьте, вы не останетесь разочарованы!

И, ничтоже сумняшеся, без всякой рисовки разделась донага и, взвизгнув от холода, принялась плескаться, произведя среди меня своим поведением и природными данными настоящий фурор. Я быстренько отвлекся и принялся крошить пеммикан в самый обычный армейский котелок, который я закрепил на двух камнях, стоящих прямо в полыхающем алхимическим пламенем блюде. Хоть в этом падла-Игореша не обманул — огонь и не думал гаснуть, давал достаточно жара и света. Девчонки-студентки, привлеченные ароматами и теплом огня, подобрались поближе, огибая связанного и обезвреженного колдунишку по широкой дуге.

Выбирать между маньяком и уруком — удовольствие ниже среднего, это было понятно. Но у меня тут булькал супчик из пеммикана. И пеммикан был не абы какой, а из говядины с овсянкой, специями и сушеными овощами, да и воду я в ручейке набирал, который со стены струился, а не из долбаного сифона, так что пища обещала получиться вполне нормальная. А с галетами и вовсе — завтрак чемпионов! Или то- ужин? Во времени я точно потерялся.

— Господин Сархан, а можно и нам комбинезоны? — пискнула одна из девчат. Сколько им лет-то было? Шестнадцать? Восемнадцать? — Маргарита Львовна уже оделась, и мы как раз окунемся, и переоделись бы, а потом поедим… И спасибо вам еще раз!

— Какие хорошие обучаемые девочки, — покивал я. — Вот такие мне очень нравятся, таких и спасать приятно. Меня, если что, Бабай зовут, мне двадцать лет… Или девятнадцать еще? В общем — явно не шестьдесят четыре, чтобы господином называть. Мы почти ровесники. Берите-берите комбезы! А вы, Маргарита Львовна, берите-берите ложку, я к вам инъектор не применял,

когда вы чувств лишились, вам силы надо восстанавливать…

— Марго! — сказала она. — Мне тоже не шестьдесят четыре.

Взяла ложку и, быстро-быстро дуя на еду и строя гримаски от горячего варева, принялась рубать супчик. Конечно, не шестьдесят четыре! Этой кудрявой черноволосой красотке было что-то около тридцати. Но очень, очень роскошные «около тридцати». Я успел рассмотреть женщину перед купанием, но и сейчас, в стандартном оранжевом комбезе она смотрелась чертовски привлекательно! Спортивная, высокая, с породистым лицом, явно — постоянная клиентка всяких фитнесов-спа-косметологов… Я на самом деле на нее засматривался, что уж тут? И — да, кого-то эта Марго Львовна мне напоминала. Может, и вправду — в Карасуне виделись, да и вообще — Сан-Себастьян не так и велик, по сути — большая деревня…

— Пусть будет Марго, — согласился я, вгрызаясь в кусок пеммикана. — Очень приятно познакомиться. Не расскажете, Марго, что за хрень тут происходит?

— Можно на «ты». А что тут такого удивительного происходит?.. Всё как обычно: заемная сила, — проговорила она и тряхнула пышной гривой кудрявых волос. — Нет места лучше, чтобы работать с заемной силой, чем Хтонь. А для такого опытного ритуалиста, как Игорь Денисович — так и подавно… Вы ведь сами все слышали: у него явный комплекс неполноценности в довесок к целому букету психических расстройств. Я ведь и сама повелась, хотела сделать хороший сюжет из карстовых пещер для канала… И дуры эти две: «Наш Кулябкин такой, наш Кулябкин — эдакий! Просто лучший в мире!» А потом — р-р-р-р-аз! И за углом вместо Анакопийской пещеры — Воронья! Я на границе с Маяком жила, Хтонь ни с чем не перепутаю!

— Заемная сила? — до меня потихоньку начало доходить. — Погодите-ка! Вы что — тоже маги? Все трое? Он что — высасывал ману или что-то типа того?

— Ну, эти пигалицы — недавно прошли инициации первого порядка, а я — десять лет как пустоцвет, — повела плечом она. — Именно: высасывал ману. Работал на разности потенциалов! Шахтеры — цивильные, хтонические твари — со знаком минус, мы — со знаком плюс. Это если схематично.

— Зараза… — сказал я. — И что, это распространенная практика?

Марго сделала очередной свой грациозный жест, который должен был обозначать что-то вроде «фифти-фифти».

— Для многих родовитых пустоцветов это единственный шанс хотя бы временно встать вровень с прошедшими инициацию второго порядка истинными магами… Но обычно богачи для

этого используют вассалов, которые делятся энергией добровольно. Но откуда у такого жалкого человечишки, как Кулябкин, вассалы, верно?

У меня просто бомба в голове взорвалась: это же надо было год тут прожить и Хтонь носом перепахать, чтобы совершенно случайным образом на такую дрянь наткнуться! Частые визиты аристократов на Маяк в сопровождении дружинников и всякие мутные телодвижения клановых бойцов вокруг Аномалий вдруг заиграли новыми красками! И причины, по которым любые намеки на уничтожение Прорыва или Аномалии воспринимались резко в штыки всей местной элитой, становились еще более явными…

Я взглянул на Марго совершенно новыми глазами:

— А вы на телевидении не работаете? — внезапно пришло мне в голову.

Вот где я ее видал! По ящику! Хотя и не смотрю почти, и в заведениях своих не держу, но поди ж ты — примелькалась!

— Угадали! Работаю! — очаровательно-профессионально откликнулась она, обаятельно улыбнулась и приняла самую привлекательную позу из всех возможных, учитывая котелок, ложку, пещеру и бессознательное тело Кулябкина неподалеку. — Веду прогноз погоды, но очень хочу в вечерний эфир. Бабай, дадите мне интервью, если выберемся отсюда?

— Маргарита Львовна-а-а-а! — запищали переодетые и чистенькие девчули. — Что вы такое говорите? Что значит — «если»?!

И, конечно, в этот самый момент грохнула одна из растяжек!

* * *

Глава 4
Свежий воздух

— Р-р-ракетница!!! — заорал я, подхватил кард в одну руку, блюдо с огнем — в другую, выпнул на видное место каску с фонариками и помчался в сторону взорвавшейся гранаты.

Марго Львовна меня поняла моментально: кинулась к каске, включила свет, подхватила сигнальный пистолет и одним из этих своих фирменных жестов направила студенток в нишу.

— Патронташ у рюкзака! — надеюсь, она услышала мой вопль, потому что в следующую минуту в галерею ворвался взбешенный взрывом гранаты тролль.

Выглядел этот капитальный товарищ весьма внушительно! Огромный, мощный, пузатый! Осколками его покоцало, но такой толстой туше было явно наплевать на какие-то осколки. Бледноватая слизкая кожа вместо толстой шкуры и волос (шерсти?) приятного синего оттенка, который всегда отличал сородичей Хурджина, явно давала понять — это хтоническая тварь. А подслеповатые метания по галерее указывали на главное уязвимое место: глаза!

— Н-на! — я швырнул в него блюдо с огнем, и горючий состав, брызгая на пол пещеры, после удара о троллячью морду живо расплескался по его башке, груди и пузу, вызывая невыносимые страдания.

Тварь заметалась по галерее, врезаясь в стены, сшибая сталактиты и сталагмиты и опасно приближаясь к нашей стоянке. Я кинулся наперерез, ушел в полуприсед — и крутанулся вокруг своей оси, подрубая голени хтоническому троллю, и тут же кувыркнулся назад — но тщетно! Монстр ударил на слух — и меня как поленом по уху приложило, я улетел черт знает куда, ноги кверху, башка промеж коленей… Кубарем прокатился по полу и тут же вскочил — безоружный, но очень злой! Тролли, ять — это страшная сила! Но нас так просто не возьмешь!

— ДАХ!!! — ракетница влупила как положено, зажигательный снаряд врезался в спину монстру, который уже намеревался сожрать меня.

Ошеломленное ужасными болевыми ощущениями и грянувшим в замкнутом пространстве громом, чудовище снова потеряло ориентацию и заметалось по всей галерее, хромая сразу на обе ноги и пытаясь сбить пламя. Я мельком глянул на боевитую Марго Львовну — она, хоть и выронила сигналку с непривычки, но тут же подхватила обратно и стала перезаряжать.

Света от фонарей с каски хватало, да и тролль полыхал будь здоров, так что я разглядел тусклый блеск карда, вцепился в него — и подскочил к чудищу. Рубанул наотмашь, сверху, как заправский кольщик дров — и отхреначил ему левую руку по самое плечо, потом — отскочил, крутанулся в нижней стойке и секанул по уже раненой ноге.

Монстр рухнул на пол.

— Я выстрелю? Выстрелю? — она была тут как тут, с ракетницей.

— Не-е-е… — выдохнул я. — Экономь боеприпасы.

И ударил тролля шипом в висок. Тварь дернулась несколько раз и затихла.

— Ух, сложный, гад! — мне понадобилось несколько секунд, чтобы восстановить дыхание и высвободить кард. — А потом они говорят, что у уруков дурацкие мечи! Хрена с два обычной плоской железякой так бы вышло! А таскать с собой и меч, и чекан — это как-то фу…

— А таскать винтовку? — поинтересовалась Марго. — Ой! Вам же нельзя, да! Вам — в смысле урукам. Потому у тебя и ракетница вместо пистолета, да?

— Ага… Поэтому. Ну, и вообще — меч это эстетически красиво, — я вытер клинок об одежду колдуна и попинал его ногой по ребрам. — Собираем манатки и снимаемся с лагеря! Мне еще шахтеров искать и сталкеров наших… А тут шестнадцать километров вот такой вот красоты!

— А я помогу найти, хочешь? — телеведущая-метеоролог очень ловко принялась паковать вещи. — Я ведь маг, кое-что умею.

— Да? Это было бы охренительно! — обрадовался я.

— Тогда дай мне пару минут… — она села в позу лотоса, расправила плечи, закрыла глаза и глубоко вдохнула.

И вдруг волосы на ее голове разметались в стороны, будто наэлектризованные! Или — не будто? Между ними и в самом деле посверкивали электрические разряды! Крохотные искорки пробежали по влажному полу, и через секунду блестели уже в самом конце галереи, а потом — дальше, дальше…

— Правда, она классная? — спросили девчули. — Наша Маргарита Львовна?

— Очень классная! — кивнул я. — А она что, не только телеведущая?

— Не-е-е! Она на аэромантии работает, на полставки. Ну, и у нас пары проводила, про атмосферу там… Муссоны, пассаты, аврора бореалис — всякое такое. Очень интересно! Даже лучше, чем Кулябкин! — на своего препода они смотрели с неприкрытой

злостью. — Правильно вы сказали — настоящий говнюк! Дядю жалко, который шахтер! Жаль, что вы его не выручили…

— И правда, жаль. Давай, говнюк, хватай поклажу, — я навесил на Игорёшу, который только-только встал, мешки со снарягой и трофеями. — Будешь тащить тяжкий груз!

— У меня черепно-мозговая травма… Мне нельзя тяжести! — просипел он.

— Хочешь — будет еще и пара внутренних кровоизлияний? — поинтересовался я. — Меня твои словеса вообще ни разу не трогают, веришь?

Маргарита Львовна в этот самый момент открыла глаза, улыбнулась мне и сказала:

— Я всех нашла. Пятерых завалило в момент перехода, портал неправильно сработал, остальных этот гад употребил. Еще ваши, ордынские… Их твари убили, в меандре этом, как его… Гурвинок? Это Кулябкин знает, где находится. Веди, Кулябкин. А то ведь я Бабаю всё-всё расскажу, и он тебя… Что ты с ним сделаешь?

— Честно? Отдам Демидову.

— О-ой-о-ой! — Кулябкин мигом прибавил шагу. — За мной, за мной, я знаю короткую дорогу!

Я только матюгнулся: за такие слова в турпоходе обычно сильно бьют по лицу. Очень, очень дурной тон произносить это вслух!

* * *

В компании девчонок, их преподавательницы и гребаного Сусанина-Кулябкина путь во тьме стал веселее и разнообразнее, но при этом — опаснее. Магические способности студенток-геоманток были весьма полезными для горнодобывающей отрасли и почти никак не применимы в бою. Они отлично чуяли подземные полости, могли почти моментально назвать все виды минералов и металлов, что скрывались в недрах гор, но обрушить лавину на башку или разверзнуть бездну под ногами — увы, нет. Возможно, стрессы и пойдут им на пользу, вызвав инициацию второго порядка, и тогда у нас тут появятся две Хозяйки Медной Горы, но это произойдет очень не скоро — Игорёша здорово высосал у них энергии… Так что Даша и Маша — так их звали — всё-таки были балластом: груз не несли, постоять за себя не могли.

А вот Марго Львовна, докушав супчик, выпив немного алкоголя и обретя уверенность в себе благодаря, скорее всего,

моим восхищенным взглядам, вполне сноровисто несколько раз приложила молниями из рук мелких хтонических гоблинусов до состояния полного паралича. На снагу заряда уже не хватало. То есть приятного и для них было мало, колбасило тварей знатно, но боеспособности не лишало. Но и такая помощь была нелишней! Теперь я понял, как она выжила в пещерах и почему так сильно задолбалась, что лишилась чувств, только лишь встретив меня в галерее. Сам сталкивался с истощениями подобного рода…

Мы потратили двадцать часов, чтобы найти всех погибших шахтеров и собрать их айди браслеты. И наших сталкеров-новичков тоже обнаружили, правда — по частям. Как там звали того парня? Позывной — Симург, а по имени и не упомню… И с ним два снага, из наших, обращенных. Погибли ни за хвост собачий, тут в Вороньем Прорыве нет почти ничего ценного в плане ингредиентов или хтонических артефактов.

Зато трупов — великое множество, и кое-кто из мертвецов оказался счастливым обладателем редкого имущества, которое, конечно же, перекочевало ко мне в мешки. Благодаря татау я на ощупь мог различать магические вещицы, пальцы начинало покалывать всякий раз, когда я касался очередной подвески, колечка, кинжала или трости, в которой заключалась хотя бы и малая толика волшебства. Ювелирные украшения, технические приблуды типа тех же инъекторов, планшетов, фотокамер, оружия и всего прочего также становились моей добычей, без всякого зазрения совести.

Судя по очень грустным глазам Кулябкина, он дико жалел, что не сообразил подзаработать таким образом. Многие из его порталов работали по сути вхолостую: заманивая пустоцветов и цивильных в Хтонь, они делали их добычей тварей. Здесь погибли десятки человек и не-человек тоже! Оказавшись в полной темноте, под землей, даже решительные личности пасовали перед кровожадными незрячими тварями… Просто представьте: спускался в подвал за бутылкой вина или заглянул во время туристической экскурсии по пещере за поворот, куда не ходят организованные группы — и здрасте, вас уже жрут хтонические твари! Ловушки Кулябкина были, похоже, примитивны, и с весьма плохим наведением. Кое-кто, конечно, выбирался. Ведь навели меня демидовские горянки именно на Вороний Прорыв, несмотря на то, что шахтеры пропали в Акарамаре!

Или ритуалист не занимался мародерством совсем по другим причинам? Боялся вылезать из относительно безопасных мест вроде того грота за сифоном Двух Капитанов? Опасался вступать в схватку с тварями? Нам-то драться приходилось регулярно! То есть — мне и Марго Львовне. Остальные предпочитали визжать и

вжиматься в стены.

— Вот! — почти одновременно воскликнули девушки, резко остановившись. — Тут близко! Тут очень близко поверхность!

Я замер и принюхался. Определенно — в воздухе пещеры добавилось растительных ноток! Я бы даже сказал — цветочных!

— Маргарита Львовна? — я повернулся к этой замечательной во всех отношениях женщине.

— Марго. Марго, Бабай, или я сильно обижусь! — эта реплика не помешала ей, щелкнув пальцами, отправить в путешествие по стенам пещеры несколько своих ручных искорок. — Вот здесь. Отсюда дует, здесь — тонко.

Я сложил мешки и оружие, подошел к стене пещеры и постучал:

— Сова, открывай! Медведь пришел! — звук был гулкий, мне показалось даже, что скала подалась.

— Какая сова? Какой медведь? — зашушукались девчонки.

У нас имелось всего три варианта: добираться до главного входа, которым попал в пещеру я — это раз. Выбрать еще какой-нибудь из двух карстовых колодцев и попытаться вылезти наружу по ним — это два. И пробить себе проход прямо здесь — это три. Карабкаться по отвесной стене как минимум двести пятьдесят метров в первом случае и что-то около трехсот — во втором мне вообще не улыбалось. То есть один бы я, пожалуй, залез. Но тащить на себе еще и вот этих вот всех… Нет уж, увольте. Тем более — чуйка подсказывала: скоро Вороний Прорыв разродится Инцидентом, а проверять, как именно тут проходит Инцидент, мне категорически не хотелось. Так что оставался один, последний вариант:

— А ну-ка, разошлись в стороны, — скомандовал я и огляделся.

Колонна сталактита толщиной с мою ногу показалась мне подходящим тараном, так что я, ощущая оскомину на зубах от жалости к любимому оружию, воткнул шип карда в еле заметную трещину у вершины сталактита, пошатал хорошенько — и вынул. Поработал над основанием известняковой хреновины таким же образом и, решив, что этого будет довольно, взялся за него обеими руками.

Конечно, ять, он разломался пополам и с грохотом рухнул на пол! Следовало ли ожидать чего-то иного? Едва сдержавшись, чтобы не выматериться (дамы смотрят!), я ухватил нижнюю — уцелевшую- половину. Благо, длина примерно в метр двадцать позволяла ее использовать по назначению! Размахнувшись, ударил в тонкое место в стене, потом — еще и еще раз! Стена дрожала, сотрясалась и, ясное дело, осыпалась мне прямо на

башку! Меня капитально набило камнями, залепило всю рожу землей, в волосах моих скопилась тонна известняка, а во рту — трехэтажные проклятья.

И в тот же самый момент начал надрываться планшет в сумке. Он трезвонил и дребезжал, как припадочный, просто разрывался, и мне на самом деле захотелось убежать в Хтонь, рубать недобитых тварей и дожидаться инцидента. А вот РЕШАТЬ ВОПРОСЫ и ДЕЛАТЬ ДЕЛА вообще не захотелось!

— Ура-а-а!!! — запищали девчонки и ломанулись вперед, но тут же были остановлены резким окриком Маргариты Львовны.

— А ну стоять, дуры! Куда-а-а рванули, пигалицы! Занять место в походном строю! Подчиняться приказам, пока рейд не завершен! Бабай, нужна помощь? — золото, а не женщина!

— Помощь? — переспросил я, прислушиваясь к своим ощущениям и чувствуя, как встают на теле дыбом все волоски. — Помощь нам очень нужна! Хватай планшет, выбирайтесь отсюда и бегите к японой матери. И вызывай кого угодно: полицию, опричников, пожарных, скорую помощь, службу отлова тараканов… Но лучше — Орду. Наш телефон — два два три, три два два, два два три, три два два!

— Что происходит? — голос Маргариты был очень, очень серьезным.

— Инцидент происходит, — сказал я. — Прямо сейчас.

— Но сирены… А, черт, какие тут сирены? За мной, пигалицы, за мной, шевелите ножками! — она хлопнула их руками с электризованными пальцами по стройненьким попам, и студентки, вереща, рванули в проход, чтобы тут же заорать: — Море-е-е!!!

И это была последняя хорошая новость для меня на сегодня. Я едва успел крепким лещом вырубить Кулябкина и за жопу и шиворот выбросить его наружу, и приготовить кард, как в конце галереи с жутким топотом и утробными звуками появилась целая гребаная толпа гоблинов и снага, которые на секунду замерли, ошеломленные потоками света, льющимися из-за моей спины, из дыры в стене. А потом, почуяв наши запахи, они еще больше сбрендили и рванули ко мне, как стадо долбанутых слепых берсерков, воздев свои руки-крюки к потолку, раззявив рты и выпучив черные незрячие глаза.

— Лок-тар огар!!! — заорал я, перехватывая кард обеими руками, нагнетая ярость и собирая в кучку остатки внутренней энергии.

Татау налились золотом, время как будто замедлилось, кард в моих руках внезапно потерял львиную долю своего веса, мышцы налились силой, разум стал ясным, как погожий весенний денек

вроде того, что царил там, снаружи. «Похоже, потом меня опять капитально вырубит!» — подумал я прежде, чем нанести первый широкий, размашистый удар по накатывающему лавой врагу.

* * *

Лежать под деревом было здорово. Они там вокруг чего-то суетились, бегали, прыгали, на камеры снимали и в Хтонь заглядывали. А я нюхал мимозу, которая цвела тут буйным цветом, и лежал себе, привалившись к гладкому стволу, и даже ножкой не дрыгал. Лень было. Даже жевать лень было и водичку пить.

Как оказалось, новый выход в Вороний Провал образовался метрах в двадцати от берега моря, возле той самой трассы, по которой я из Сан-Себастьяна в большой мир поехал в свое время. Этим я, конечно, большую свинью сервитуту подложил, а вот Орде открыл новую точку для базирования. Чем многие километры в горы по бездорожью переться, здесь бунгало с кофе и шаурмой и сталкерско-охотничьим лагерем открыть куда как сподручнее!

Тем более, сервитутскому начальству и правоохранителям грех было жаловаться: инцидент — по крайней мере, ту его часть, что в эту сторону поперла — я подпритушил. Подзарубил. Целым штабелем. Ну, и они меня подранили и подпритомили. Так притомили, что даже явление Бахара Двухголового не особенно произвело впечатление: ну, бегает урук, дрэдами размахивает и орет, и возмущается, что я подвиги без него совершаю. Ну, пусть бегает.

И журналисты, которые тыкали камерами в Маргариту Львовну, тоже мне до лампочки были, и полицейские, и опричники с незнакомым офицером во главе. А вот какой-то мелкий урукский негодяй лет одиннадцати, который вздумал колупаться в моих вещах — это меня прям взбодрило:

— СУКАПАДЛА!!! — заорал я, мигом вскочив с места. — ПОЛОЖЬ ШАР!

И этот маленький засранец, один из многих маленьких засранцев, что стали настоящим бедствием для Маяка после переезда к нам табора Поджигателей, выронил мой ненаглядный хрустальный шар, и самый главный боевой трофей ляпнулся на камни и покатился… Покатился к сраному входу в сраную Хтонь, и свалился туда, и исчез во тьме!

— Мне похрен как, пацаны, — зловещим тоном проговорил я.- Но шар вы мне достанете.

Их там уже была целая банда, этих кровожадных грязных ободранных патлатых клыкастых дикарей, которых по ошибке зовут детьми. И все они пялились по очереди то на меня, то в Хтонь своими горящими буркалами! А услышав мои слова, радостно завыли по-волчьи:

— Ау-ы-ы-ы!!! — и, отпихивая один другого, кинулись навстречу верной смерти, прямо в пролом в скале, как будто в Вороньем Провале волшебник в голубом вертолете эскимо раздавал. Хотя какое, к черту, эскимо? Как минимум — говядину!

— Им кабздец, — констатировал Бахар.

— Мальчишкам? — Марго, посвежевшая, расчесанная и накрашенная, но во все том же оранжевом комбезе, в котором только что давала много-много интервью своим коллегам, была тут как тут.

— Не-е-е! — отмахнулся Швабр. — Хтоническим бедолагам. А наших гребаных папуасов только атомной бомбой убить можно. Или площадным заклинанием ультимативного уровня. Кстати, позвольте представиться: Бахар Шваброvич Двухголовый, заместитель креативного директора Орды по крокодительству.

Дрэдастый борнейский урук был сама галантность и явно уже заимел виды на Мадриды. А вот хрен ему. Может, у меня самого — виды! В конце концов — полгода это даже слишком значительный срок для орка. Особенно для орка!

— А? — она ошарашено поглядела на Бахара, явно пораженная его манерами и статусом. Но потом опомнилась: — Маргарита Львовна Рошаль, магистр естественных наук, преподаватель Сан-Себастьянского колледжа магии, веду прогноз погоды на Первом Черноморском…

Я всё это время пытался испепелить соплеменничка взглядом, и он наконец это ощутил и ловко слился:

— А-хм! Пойду я всё-таки присмотрю за ними, что ли… А то разнесут всю Хтонь, что трофейные команды делать будут? Там и так-то особенно поживиться нечем, а после этих дикарей так и вовсе…

Какой умный Швабр, аж приятно стало. Не зря замом назначил! Марго тоже была очень умной и всё сразу поняла. И потому, стоило только Бахару скрыться в темном провале Хтони, как она приблизилась ко мне, очень близко, так, что я чувствовал ее кудряшки на своей щеке, и сказала:

— Ты обещал мне интервью, — в самое ухо жарко прошептала она. — И не смей соглашаться, когда тебя осадят мои коллеги. Вон они уже точат ножи по твою душу! Я первая на тебя глаз положила, помни это!

Сунула мне в карман визитку с контактами, чмокнула в щеку

— в опасной близости от губ, оставив след от алой помады, и пошла к трассе, виляя бедрами. Прямо к шикарному черному электрокару, возле которого ее поджидал загорелый блондин в кислотного цвета футболочке и таких же шортах. Он тоже был кудрявый, как гребаный серфер из американских фильмов.

— Однако! — проговорил я, задумчиво вертя в руках картонку с адресом электронного ящика.

Но раздумье было недолгим: ко мне мчались журналисты.

— Господа и дамы акулы пера, пираньи микрофона и мурены видеокамер! Сегодня я не в настроении, и потому — первому, кто задаст мне вопрос, я откушу хлебало, — громко и четко произнес я. А потом добавил: — Остальные имеют шанс на эксклюзив.

* * *

Глава 5
Дом, милый дом

— В последнее время я думаю: на кой хрен тут стоит стена, если Орда ждет Инцидента, как манны небесной, и готовится к нему, как к празднику? До нас всё равно ни одна псина не добегает! — мой любимый охранник по имени Алёша стоял и курил у ворот на КПП. — А потом кто-то из ваших бесенят насирает на камеру или швыряет тухлые овощи в амбразуру ДОТа, или пробует перелезть через отвесной трехметровый бетонный забор с колючей проволокой сверху, и я думаю уже о том, что по проволоке следовало бы пустить электрический ток. А амбразуру закрыть каким-нибудь бронестеклом.

— Что, и тебя допекли? — участливо поинтересовался я.

— Мне кажется, что я не в полиции служу, а в психдоме, — пожаловался он. — Бабай, это ведь ты виноват. Ты по своему собственному желанию, в трезвом уме и твердой памяти пригласил сюда этих… Этих…

— Черных уруков? — поднял бровь я. — Так тут уж выбирай, Алёшенька — или дудочка, или кувшинчик. Или Инциденты как раньше, по самые гланды, когда твари до «Семирамиды» докатывались, а дожди из кислоты пополам с кровищей даже на Академгородке шли, или — мы, грешные.

— Честно говоря, я даже не знаю, что лучше, — он докурил, бросил бычок под ноги в кучу таких же бело-оранжевых остатков самоуничтожения и пошел в дежурку.

— Говнюк ты, а не Алёшенька, — громко сказал я. — Это черная неблагодарность, я считаю. Мы делаем твою работу, а что детки корнеплодами швыряются — так это всё пустяки, дело житейское. К народу надо помягше, а на вопросы смотреть — ширше!

— Куда уж ширше! — вякнул из дежурки Алексей. — В Европах, говорят, закон есть — если уруки больше трех собираются вместе, в них разрешено стрелять всем и каждому! А наш Государь вас, иродов, почему-то возлюбил и привечает!

Я уже не стал рассказывать прописные истины про дискриминацию урук-хая, толку от этого ведь — ноль! Но ляпнуть в ответ что-то было нужно:

— Поэтому уруки в Европе, если и собираются больше трех, то только для того, чтобы что-нибудь сжечь, кого-нибудь оттрахать и выпотрошить. Ты давай ко мне на кофе заглядывай, я тебя к маяку свожу, посмотришь, что там творится, сразу твоя

система ценностей с ног на голову перевернется…

— Нет уж, — Алеша нажатием кнопки заставил створки ворот раскрыться. — Мое место тут. Мое дело — пропускной режим блюсти. Вот я и блюду!

— Блюди! — махнул ему рукой я и шагнул в Сан-Себастьянскую Хтонь, на родной Маяк, по родному Проспекту.

Здесь всё было так, как надо. Ну да, разбитые окна зашиты листами облупленного металлопрофиля и горбылём с намалеванными поверх граффити. Да, у части зданий не хватает крыш и пары этажей, и там, сверху, растет жизнелюбивая южная зелень и расцветают цветы. Конечно, вместо социальной рекламы о вреде курения и алкоголя у нас выплясывают голографические эльдарки в бикини, а все стены обклеены афишами Надымского чемпионата по кулачным боям и обрисованными плакатами Миха Стасяйлова, Киркора Филиппова и Тиля Бернеса. И да, на Проспекте полно типов со свирепыми рожами, с ног до головы обвешанных оружием, но…

Но мусора теперь почти и нет, ямы на Проспекте — заделаны, у свирепого народа в глазах — решимость и веселая злоба, а не безнадега и фатализм, которые я видел тут еще год назад! Дымят трубы предприятий, грохочут и гудят инструменты на бесконечных стройках, звенят клинки и бахают винтовки на тренировочных площадках… Вьются над башкой дроны, лучи солнца с трудом пробиваются сквозь хтоническую хмарь. Пахнет порохом, кровью, специями, жареным мясом, кофе и каленым железом, конечно… И реют над жилыми домами, заведениями и блокпостами черные знамена с белой дланью! Вот я и дома!

— Хуеморген!!! — орут гномы из подвальчика.

У них там мастерская по заточке и шлифовке клинков всех форм и размеров.

— Гар-р-рн! Бабай-ять идет-нах! — машут мастерками и шпателями снага со строительных лесов. Ими руководит Тройка, один из моих первых зеленых адептов. — Лок-тар огар!

— Бабай, у тебя спина белая! — тычут пальцами гребаные папуасы непонятного пола и возраста, клыкастые и патлатые, и корчат рожи с крыш, где играют в бесконечного кича и откуда швыряются в прохожих теми самыми овощами, а еще — дохлыми птицами, мелкими тварями и кирпичами. Милые детишки предпубертатного возраста!

Хрена с два, не куплюсь на их дебильные подколки. Но в витрину галантерейного магазина Мефодия, которому помог когда-то расторговаться мылом, на всякий случай посмотрел — мало ли, мелкие гады успели намазать мне куртку? Не, не успели.

В общем, хорошо тут было. Лучше, чем за стеной! И придумал это всё я! Придумал — и сотворил. Ну, или заставил других сотворить, всякое бывало. Главное — вот оно, мое детище. Вот она — Орда, из одной забегаловки с кофе и фастфудом выросшая в Идею, которая получила свое материальное воплощение в десятках градов и весей Государства Российского! Кто у нас тут великий и ужасный, а? Я — великий и ужасный!

— И Ельцин такой молодой

И юный! Октябрь впереди… - от избытка переполнявших меня радостных чувств громко и пафосно пропел я, а потом остановился и матерно выругался.

Какой, в жопу, Ельцин? Что за дичь в голову лезет? Что, снова нервишки пошаливают? Вроде ж только-только из очередной зарубы, и черепов прибавилось, и маны — через край, и прерванный ритуал за подвиг неведомые силы засчитали и закорючек на предплечье добавили… А поди ж ты — Ельцин! Нам такого и за деньги не надь, и даром не надь…

«Орда» с ее манящими кофейными запахами осталась в стороне. Конечно, тянуло меня туда, встать за стойку с легендарной уже байкальской бочкой, которая теперь работала тумбой для кассового аппарата и ДЗОТом по совместительству, сварить тысячу маленьких чашечек кофейку, потрепаться с пацанами… Но всё состояние мое отчетливо свидетельствовало о том, что пить мне нужно не кофе, а этиловый спирт. Ладно, спирт — это не эстетично. Например — полынный абсент. От него меня хоть на полчаса развезет, и думы окаянные перестанут в башку лезть.

А напиваться абсентом нужно не в «Орде». Для таких низменных развлечений есть «Надым»! И плевать, что еще утро, и он не работает. Для меня — всегда работает! Достав планшет, я вызвал Витеньку и уже через секунд тридцать лицезрел его осьминожью нежную физиономию и еще две дикие, но очень симпатичные рожицы — неких урукских барышень, которых я не видел черт знает сколько месяцев.

— Витенька! Ну, и вы, Шерочка с Машерочкой… Открывайте «Надым», великий вождь изволит грустить и намерен выпивать весь абсент в вашем заведении! — заявил я.

— Задолбешься выпивать, — тут же заявила Шерочка.

— У тебя жопа слипнется столько сахара разбавлять! — подхватила Машерочка.

— А нахрен мне сахар? — удивился я.

— Чтоб жизнь медом не казалась! — категорично заявили орчанки.

О, сукападла, пару секунд общаемся, а у меня уже мозг

плавится! Какие мерзкие всё-таки существа эти черные уруки!

— Витенька… Если притащишь с собой на бар этих двух шиншилл, я тебе все щупальца оборву, а им — жопы надеру, — пригрозил я.

— Ой-ой-ой, можно подумать! Мы тебе сами предлагали, ничего ты не захотел отодрать! — не, ну не гадовки, а? Совсем осьминога в краску вогнали!

— Не отодрать, а надрать! — возмутился я. — И вообще! Я тут вождь! Так что открывайте быстро заведение, мне грустить негде! У меня неприятное чувство внутри, и сожрать кого-нибудь хочется!

— Да-а-а, да! Грустить он будет, как же. Еще скажи, что у тебя депрессия… Сходи к Финардилу, проверься — может это бычий цепень! — эти обе, похоже, никогда не намеревались заткнуться, так что я просто вырубил планшет и решил, что, если они не успеют открыть дверь, то выломаю одну из решеток на окнах.

Про грусть — это я, конечно, загнул. Грусть — это кортизол, а кортизол у уруков вырабатывается в микроскопических количествах, да и то лишь в том случае, если в борще мяса выловить не удалось. Но задумчивость присутствовала. На какую тему? Известно на какую! Проблемы у мужчины бывают в двух случаях: когда у него нет женщины и когда у него есть женщина. Появление всей такой обаятельной и привлекательной Марго, которая сначала демонстрировала весьма определенную симпатию, а потом — усвистала в закат с каким-то кучерявчиком на спорткаре, внесло раздрай в мою суровую аскезу, которую я взял на себя после последней переписки с Эсси, месяцев пять назад.

Я решительно шагал к «Надыму» и волей-неволей постоянно принюхивался. Олеандры, рододендроны, бесконечная мимоза и прочие субтропические сорняки цвели и пахли как сумасшедшие. Вокруг них гудели сердитые хтонические пчелы, собирая хтонический нектар для хтонического меда. И, набравшись сладкого груза, целыми эскадрильями, подобно тяжелым бомбардировщикам, мчали куда-то в сторону бассейна, который располагался в центре Маяка. К месту обитания Слонопотама! Это что, шерстяной мерзавец пасеку себе разбил? Вот напьюсь абсента, возьму с собой сэкономленный сахарок (вот еще, буду я всякими извращениями зеленую отраву портить!) и пойду в армрестлинг с мамонтом играть! С другой стороны — если он будет хоботом бороться, то это будет уже не арм, а… Как там хобот по-английски?

— Заходи, давай, скорей! — дверь заведения приоткрылась, выглянул Витенька в голубом халате с розовенькими

осьминожками (ути божечки!) и поманил меня щупальцем.

Я оглянулся и нырнул в «Надым». Зачем конспирация? Потому, что ты только дай некоторым местным повод, они не то, что до обеда, они на рассвете уже клуб бы осадили! Витенька на всякий случай повесил табличку «Спецобслуживание» на дверь, и мы пошли по гулким пустым коридорам в огромный зал, мимо танцпола, помостов, ринга, столиков и всего прочего, что кипело жизнью в ночные часы, а теперь не давало даже малейшего представления о том, какое светопреставление происходит в этом злачном месте с наступлением темноты.

Сверкающая хромом барная стойка не стала преградой для Витеньки, он лихо перемахнул через нее, и полы халата с осьминожками взметнулись, демонстрируя его худые, но крепкие икры. Он прошелся вдоль тускло поблескивающего стеллажа с бутылками, достал причудливую емкость примерно в литр объема с зеленой жижей внутри, две узкие стеклянные рюмки — и тут же выставил батарею из пивных банок.

— Это мне, — сказал он и набулькал полынного яда нам обоим. — Я чарку с тобой жахну за компанию, а потом вот попью. Так что там тебя так накрыло, в этой пещере?

— Будем! — сказал я. — Не чокаясь.

И опрокинул в себя адское снадобье. Никогда не пейте абсент, дети. Если вы не урукские дети, конечно. Это квинтессенция мерзости и экстракт гадости. Очень вредно для здоровья.

— Смотри, — сказал я. — Она мне написала, мол, я всегда буду для нее желанным гостем и дорогим другом, и любую помощь мне лично и Орде в частности она готова оказать с привлечением всех ресурсов Росомах и всего Ород-Рава по первому моему слову. Она даже написала, что всегда рада будет меня видеть и надеется на продолжение теплых и дружеских отношений! Это через месяц после того, как отослала меня прочь.

— Ну! — сказал Витенька. — Классно же! И поехал бы!

— Давай, еще наливай, а то сейчас отпустит, и я опять ничего не расскажу, — я пристукнул ногтем по бортику рюмки, которая издала тонкий звон.

— Выговориться — оно надо, — он то ли специально, то ли машинально налил и мне, и себе. — А то ты, как бешеный электровеник, носишься и суетишься, засуетил уже всех. Выдохни, расслабься наконец, прекрати догонять непонятно что! Давай, будем!

Мы бахнули еще, и управляющий «Надымом» октопус нетерпеливо постукал щупальцами по стойке:

— Так она тебя пригласила, значит, а ты что?

— А я ее пригласил! Сказал, мол, кидай всё и приезжай, я знаю, как вернуть этому Кухулину Иллидановичу… То бишь — Кедеэрну Элрохировичу корону! Ты думаешь — я зря к Полозу гонял? Эта змеюка мне всё рассказал! У него было верное средство… Я бы принес это средство в Ород-Рав, и эта душа леса, этот био-гео-хрен-пойми-кто или как там назвать всю эту хрень, от страха бы обосралась! — я ляпнул кулаком по столу. — Кедеэрнович хоть и мудень, но в том, что я его обрил налысо и зататуировал, не виноват. Чего его низвергать с престола? Пусть бы дальше правил! А Эсси — мне вернуть! Давай, добавляй.

Он добавил, мы бахнули.

— Так погоди… А в чем разница? Почему ты не хотел к ней ехать, а она к тебе должна была? Это двойные стандарты получаются, женщина — она что, не личность что ли? — конечно, при двух подругах-орчанках Витенька не мог не быть феминистом, бесхребетное головоногое существо!

— А я объясню! Когда Эсси пришла в Орду, кем она тут была?

— Ну, кем угодно… — пожал плечами Витенька. — Начала уборщицей, а потом стала одной из тех, кто определяет… Как ты это говоришь? Политику партии!

— Вот! Мне, тебе, нам всем, всей Орде она нравится просто потому, что она — Эсси, менеджер по киллингу, такая, какая есть. Нам пофиг, кто у нее батя, и откуда она родом. Нас интересует, что она делает, что она говорит, как себя ведет и вообще… Она сама! Вся! Ага?

— Ага, — кивнул Витенька.

Он прекрасно понимал, что я имею в виду. Испытал это на своей шкуре.

— Бахнем! — сказал я, и полынная дрянь снова полилась по рюмкам.

Меня уже капитально прихватило, Витеньку, похоже, тоже. Оставалось не так много — детокс от татау скоро сработает, и мне станет мерзко и тошно от своих откровенностей. Потому что это совсем не в духе Бабая Сархана, непробиваемого и неунывающего крысиного короля и принца помойки, мясника из Сан-Себастьяна. Это, скорее, стиль товарища Бабаева, вшивого интеллигента и недобизнесмена.

— Так что там? — из Витеньки пёрли щупальца во все стороны и занимались форменным рукоблудием, ощупывая все предметики в окрестностях барной стойки. Похоже, несмотря на осьминожью регенерацию, его тоже капитально накрыло. — Чего ты там ей такого написал?

— Погоди, договорю! Я-то не тупой, я понимаю, что у меня Орда, у нее — клан! Я ответственный, она ответственная. Кинуть

своих, хоть они и падлы, она не может. И я вас не кину! Как бы вроде раз на раз, одно и то же. Но! На поверку-то не одно и то же! Значит, вот получается, что если она сюда приедет — то может быть кем ей угодно! Нам же нравится, как ей угодно, ага? Мне — больше нравится, вам — меньше и по-другому… — абсент пробил броню и моего метаболизма, мысли путались, но ключевую нить я старался не терять. — А я если поеду в Аркоа-Ронья, то могу быть там только псиной! Соображаешь? Пси-ной! Гав, ять, гав-гав! Так что это нихрена не одно и то же! Кто угодно — и псина! Смекаешь?

— Смекаю. Ты прав, она не права. Б-б-бахнем? — щупальца ухватили бутылку абсента, сразу восемь штук, чтобы не пролить.

— Давай! Недолго осталось, я потом сахар возьму и пойду Слонопотаму мозг колупать, я так до него и не добрался привет от Полоза передать. Они там это… В одном НИИ работали, короче…

— И что, и что ты ей написал в ответ на предложение дружбы и какой угодно помощи? — Витенька капитально окосел, это было видно даже сквозь очки.

— Я ей написал вот что… Мол, дорогая-ненаглядная Эсси, нельзя быть немножко беременной. И предложение это — как если бы ветеринар сказал, что ваша собака сдохла, но вы все еще можете ее оставить. Что мое — то мое, на том стоял и стоять буду. Если она — МОЯ девочка, полностью, со всеми придурями и заморочками, то моя. Без дурацких оговорок про дружбу, теплые отношения и прочую ванильную хрень. И тогда идем мы по жизни вместе и воюем в одну сторону. Не выпускают с Баргузина? Так без проблем, приеду и разнесу их богадельню, напугаю весь лес до усрачки, на всех наору, разобью хлебала и заберу с собой. Теперь, кажется, силенок хватит у нас! А если нет — то нет. Ну, и этот — постскриптум написал, мол, как решишь — обращайся, потому как других таких Эсси у меня нет и не будет.

— Р-р-р-омантична-а-а-а… — хором вздохнули Шерочка с Машерочкой, которые подслушивали нас, восседая на перилах балкона на десятиметровой высоте и болтая ногами в воздухе.

— Нихрена не романтично, — буркнул я. — Я это написал пять месяцев назад, она прочла, это точно. И печатала ответ — три раза. Я видел! Там в чате точечки такие выскакивают, и написано — «печатает». Но ничего не ответила. До сих пор. Я своих слов назад не беру: если обратится — заберу ее. Если это будет та самая Эсси…

Я чрезвычайно четко помнил ту могущественную Лесную Владычицу Эссириэ Ронья с изумрудным взглядом. И она мне нравилась гораздо меньше, чем моя Эсси, та, которая с

блестящими карими глазами, ироничной улыбкой, в яркой бандане, джинсовых шортиках и безразмерной майке.

— А делать-то что в связи с этим будешь? — уточнил Витенька, у которого глаза теперь смотрели в разные стороны.

— Как это — что буду делать? Я крокодил, крокожу и буду крокодить! — гыгыкнул я. — Давай, бахнем по последней, и я пошел к Слонопотаму бороться на хоботах и нести ему привет от удава! Хотя это и не канонично, это он у нас — слон, он должен привет от удава носить… Но я как-нибудь справлюсь! Девчонки, нужен мешок сахару! Тащите его скорей сюда!

— У нас только рафинад! — откликнулись орчанки.

— Тащите рафинад, — милостиво разрешил я, делая довольно неуклюжий царский жест рукой. — А мы щас с Витенькой еще клюкнем по одной и… А не, я сам клюкну, Витенька уже того… Доклюкался!

И я ухватил абсент и выхлебал его весь, а потом взял рафинад и пошел в Хтонь. Потому что любови — любовями, а дичь сама себя не сотворит!

* * *

Глава 6
Привет от удава

Жилы на руках вздулись, мышцы напряглись до предела, рога выскальзывали из ладоней, минотавр пробуксовывал копытами по асфальту, мычал благим матом, я ржал и продолжал клонить его голову к земле. Татау полыхали золотом, маразм крепчал.

— Так! — раздался характерный низкий, чуть гнусавый и очень любопытный голос у меня над ухом. — Чего ты балбеса этого мучаешь?

— Я его не мучаю! — откликнулся я, уже прекрасно понимая, кого увижу, если оглянусь. — Я тренируюсь в самообороне без оружия. Хочу бросить минотавра прогибом! Идея у меня такая, понимаешь. Отрабатываю броски! Через плечо получилось, через бедро — тоже, прогибом — пока нет. Поймал вот одного, воспользовавшись немотивированной агрессией, и вот превышаю необходимую самооборону, получается. А он, падла, сопротивляется.

— Да я не тебя в виду имею, а его! — отмахнулся хоботом Слонопотам. — Это он на тебя напал, я видел. А ты — балбес, потому что кто же прогибом так бросает? Тут не за роги надо хватать, а… Ой, да ну его в баню вообще, прогибом, не прогибом, задолбали меня эти минотавры в последнее время! Слишком много быкуют!

Он буквально выдернул у меня из рук быкоглава, раскрутил над своей ушастой головой, аж воздух загудел, и выбросил его к японой матери куда-то в сторону горизонта.

— МЫ-У-У-У-У!!! — ревела в полете тварь.

— Так чего там? — Слонопотам сел на свою шерстяную жопу и пошевелил ушами. — Мёд принес?

— Мед не принес, — виновато развел руками я. — Не сезон.

— В сезон и у меня мед будет! Олеандровый. От него охренеть можно запросто. Особенно с непривычки. Захочешь охренеть — я тебя угощу… Хотя, с другой стороны, ты и так охреневший, куда тебе больше-то? Короче — если б ты бочечку-другую медку мне сейчас приволок, это я бы оценил. А так — зря только минотавра швырял, даже жалко скотину… Хотя кому я вру? Конечно, не жалко… Так чего приперся-то, Бабаище?

— Я тебе кое-что другое доставил! Привет слоненку от удава! То есть — старшему научному сотруднику Севе Потанину от доктора всяческих наук Никодима Петровича Помаза-Удовинского… Короче, тебе змеюка эта уральская привет

передает.

— И че, и где привет? В мешке у тебя? — заинтересовался Слонопотам, он же Сева Потанин.

— В мешке рафинад. А привет — он на словах. Сказал: Ленечка Попугин объявился. Мол, в Инферно бедует. Вроде как — с прошлого года! — эти игрища нетипичных попаданцев меня здорово развлекали.

По крайней мере, всякий раз общаясь с мамонтом, я начинал натурально радоваться, как крупно мне повезло с попаданием. Урук — это вам не удав и не хоботное млекопитающее! Я тут к гормональному балансу и другому центру тяжести едва-едва привык, и к реакции публики на мою кожу, рожу и харизму. А он — вон, ушами размахивает… А Полозу каково? Страшно подумать: жил-был доктор наук в своем НИИ, опыты там ставил, статьи научные писал, лаборанток за попы щипал, а потом — вуаля! Ни рук, ни ног, только башка и хвост охренительной длины! Как только не сбрендил? Хотя научные работники — они и так. с присвистом. Даже гуманитарии. Чего ж о технарях и прочих математиках говорить? Они по определению сдвинутые, если врубаются, на кой хрен человеку нужен арксинус и факториал!

Вдруг меня осенило:

— Слушай, если Помаз-Удовинский — это Полоз, похожий на удава, а Сева Потанин…

— Всеволод Кимович, на секундочку! — возмутился мамонт и сунул хобот в мешок с рафинадом. — Я всяко постарше тебя буду, шкет! Сева — это для особенно близких друзей и для сильно любимых женщин. На брудершафт мы с тобой не пили, и на женщину ты только волосьями своими похож, так что имей уважение!

— … Сева Потанин — Слонопотам, — проигнорировал его пассаж я. — То Ленечка Попугин — кто?

— Грифон, ясен хрен. Не попугай же! У него башка птичья, хрен разберет чья, а жопа — львиная. Весит сейчас тонну примерно, настоящая машина для убийства, хотя по жизни добрейший был человек. Вот Марта Крышкина, аспирантка — той да, то не повезло. Мартышка как есть! Хотя по жизни — стерлядь! Короче, не удался эксперимент, сам понимаешь. Нехрен было мультики во время опыта в лаборатории смотреть! — он оживленно грыз сахар. — Так че, ты в Инферно сгоняешь? Надо Лёнечку оттуда доставать.

— Йа-а-а? — кажется, вместо гроула у меня прорезался фальцет. — Какое, нахрен, Инферно? Это даже звучит скверно! Я и представить себе не могу мотивацию, которая могла бы

заставить меня…

— Союз. С нами тремя. В смысле — со мной, Полозом и Лёнечкой. Мартышку звать не будем, она дурная и вообще — в черепушке у нее насрато.

— Та-а-ак? — это и вправду было интересно.

Привлечь на свою сторону две такие боевые единицы, как произвольных размеров змеюка, для которой нет проблем ползать в гранитной толще, и самый потрясающий боец ближнего боя из всех мной встреченных в обеих жизнях — это при моей беспокойной жизни казалось заманчивым. А если Грифон — это настоящий грифон, а не какая-нибудь кура ощипанная, и возможности его с двумя товарищами по несчастью сопоставимы, так оно, может, и в Инферно сбегать — не такая и дурацкая идея…

Нахрена? Во имя Орды, конечно же. Но и ситуация таким образом складывается, что на шкуру одного орочьего ублюдочка слишком много желающих. И ультима рацио в виде шерстяной тяжкой жопы, которая может сесть на кого угодно, не взирая на ранги и титулы, это — неплохой аргумент…

— А где это ваше Инферно? — поинтересовался я.

— Так это! — Слонопотам с сожалением потряс мешок, в котором не осталось ни куска рафинаду. — Паннонская Хтонь! Это европейцы так ее называют. Ну, как Сан-Себастьянскую — Маяком, Среднесибирскую — Васюганом, а Круберовскую — Вороньей.

— А! Ну, это недалеко, — призадумался я. — Почему Паннонская Хтонь называется Инферно, можно не спрашивать?

— Не спрашивай. Ежу понятно, что там ацкий жупел! — помахал хоботом мамонт. — Ты там, это… Подумай, как туда добраться сможешь. А найти Грифона — найдешь, это я тебе гарантирую. Так же, как меня нашел, Полоза и этого… Тиля, который песни хорошие поет. Мы притягиваемся друг к другу. Мы чужие и там, и тут, и наши вибрации совпадают, оттого и притягиваются!

— То есть, попаданцев в моей жизни будет всё больше? — уточнил я.

— Ну, не прям, чтоб сильно больше. Многие аж сильно тут проросли, мимикрировали, вибрации поменяли. А ты все никак! Песенки вон тоже большевистские поешь, прогрессорствовать пытаешься, танцы дурацкие эти еще…

— И ничего не дурацкие! У нас Орда рождается, нужны народные традиции! Ничем «макарена» не хуже гопака, барыни или лезгинки! Очень даже оригинально! — мое возмущение было искренним.

Ну, почти. Все-таки, обучая снага и троллей танцевать «макарену» по просьбе Хурджина, на потеху духам предков, я больше глумился и ржал до слез, когда ордынцы хором орали «а-а-а-ай!» и с дикими рожами шевелили бедрами. А сама песня… Ну, знаете, как дети, которые не знают английского, подпевают англоязычным певцам? Вот так и у нас было. Я же ни черта слов не знал, пришлось импровизировать на ходу. Страшенные орки хором ревели «ух, латюкио патюкио Макарена, эх, шуры-муры трали-вали пасадена…» И не понимали, почему их великий вождь настолько счастлив. Ну, и духи предков были довольны, просто до усрачки.

— В общем, будешь в тех краях — найди Лёнечку! — похлопал меня по плечу мамонт. — А за нами не заржавеет. И сдается мне, что Инферно ты увидишь гораздо раньше, чем планируешь…

— Что, тоже войну будешь предсказывать? — от этой темы мне неизменно становилось тяжко.

— А че ее предсказывать? Она на пороге! Эх, гробы подорожают… — старший научный сотрудник Сева Потанин шмыгнул хоботом и вытер мешком уголки глаз. — А что касается твоей той замечательной остроухой барышни, которая так классно меня чесала и так сильно тебя впечатлила… Ты вот что! Ты, главное. идиотом не будь, и если она обратно попросится — ты ее прими. Она хорошая. Но и самоедством заниматься не смей, невместно это! Помни, кто ты тут есть такой, иначе тебя и этот мир вытолкнет! Ты — черный урук! Вот и делай как черный урук: живи, люби, дерись в свое удовольствие! А рефлексии человечкам оставь и эльдарчикам! Давай, шуруй уже, там какая-то баба классная тебя ждет, мнется на границе Хтони, явно встречи с тобой ищет… Оприходуй ее уже как положено и начинай к войне готовиться. Пора, совсем пора, Бабай!

— А я как пионер, — криво оскалился я. — Всегда готов. Бывай, Севапотам Слонопотанин! Хороший ты мужик, хотя и слон!

— Я же тебе щас поперек спины хоботом перетяну, дотрындишься у меня! Шуруй давай, гуманитарий несчастный, а не то я на тебя сяду, а потом сам Лёнечку спасать пойду! И бодайся с Хозяевами без меня тогда! Они тебе практические занятия по Камасутре мигом вспомнят!

— Иду, иду, иду… — заторопился я. — В следующий раз ящик сгущенки принесу.

— Ведро! Сам ее из банок цеди, мне вот это колупанье с жестянками не нравится!

— Ну, пусть будет ведро… — согласился я и заторопился на

Проспект.

Слова про «классную бабу» меня здорово заинтересовали.

* * *

Я не кривил душой, когда говорил Слонопотаму, что готов к войне. Предсказание Хурджинова деда долго не давало мне покоя, и я все думал, думал над ним… А потом плюнул: все помрем после войны? Так он сказал? Да ёлки-палки, ясен хрен — помрем! Все помирают, и ничего, живут же как-то потом? Умер — шмумер, лишь бы был здоровенький, как говорят кхазады.

Мне не улыбалось служить в иррегулярной легкой пехоте, куда обычно вербовали или призывали основную массу орков. Бои в городской застройке, штурмы укрепленных позиций, высадки с воды и воздуха во вражеском тылу для саботажа, рейдовых действий и наведения суматохи и паники — вся та работа, которая не требует большого интеллекта, избирательности и филигранности — вот чем занимались мои сородичи на большой войне, когда такая случалась. Ну, и обычно несли самые большие в процентном соотношении потери, если сравнивать с любыми другими пехотными подразделениями. Причины понятны, и дело тут не только в расизме и шовинизме. Хотя и они имели место быть… Конечно, генерал-человек или полковник-кхазад с большей охотой отправит на самоубийственный штурм снага и гоблинов и оставит в арьергарде отступающего отряда троллей, чем пожертвует своими единокровными! Это же, ять, естественно! Каждый так поступил бы, просто на бессознательном уровне! Но кроме этого нельзя сбрасывать и нашу, орочью, дурь, безбашенность, зловредность и кровожадность, коей обладали даже гоблины, например, в ситуации, если их было раза в три больше, чем противника, или вел их в бой кто-то крутой, как вареные яйца.

Короче, идти в иррегуляры — ну его нахрен.

А в Гренадерский Корпус, где я был бы на своем месте и среди своих, призываться я не собирался, потому что это было бы предательством большей части Орды. Как это — мои снага пойдут затыкать амбразуры, а я буду веселиться в компании черных уруков? Так что у меня был план.

Мне нужен был частный подряд, который позволил бы Орде делать то, что мы умеем лучше всего. Делать всем вместе, под моим общим руководством! И уверенность в возможности реализации моей идеи имела под собой почву. Во-первых: частные охранные, разведывательные и военные компании родом

из сервитутов, основой которых зачастую служили боевики Формации, Зоотерики и Скоморохов, регулярно привлекались Государством Российским для решения вопросов деликатных и полулегальных. И, конечно, в случае объявления военного положения они становились на защиту богохранимого Отечества. Почему бы и Орде не поступить также? Чтобы зафиксировать такой наш патриотичный порыв, я намеревался подать письменное обращение в муниципалитет (благо, там все шестеренки были обильно смазаны звонкой монетой), местному опричному начальству (Воронцову, конечно же!) и кому-то из государевых людей, облеченных властью принимать присягу. А нахрена мне кто-то, если у меня настоящий целовальник имеется? Ну да, немного не его профиль, но пускай Рикович крутится, ищет варианты… В любом случае — если я, как тут говорится, «крест поцелую» и присягну при нем — это будет считаться так же авторитетно, как если бы я лично общался с кем-то из семейства Грозных.

— Тьфу-тьфу… — я постучал себя по голове, потому как никакой иной деревяшки вокруг не наблюдалось.

И огляделся. Вот оно — будущее Орды! Мы — народ кочевой, но вместо кибиток и лошадок у нас — бронированные фудтраки с росписями от Резчика! Ряды черных фургонов, выстроенные на огромной стоянке отвоеванного у Хтони торгового центра, вызывали чувство гордости! Мощные, основательные, способные выполнять функции полевых кухонь, легкой бронетехники, медэвакуаторов и полевых баз! Да, собранные на коленке, да — отличающиеся друг от друга конструкцией, местами неказистые и эстетически странные. Но — надежные и простые, и укомплектованные самыми офигенными экипажами из всех возможных, битком набитые продовольствием, оружием и расходниками. Каждый из них был раза в два больше и тяжелее того монстра, на котором я ехал на Байкал. В такой же пропорции выросли проходимость и бронированность нашего фирменного транспортного средства. Полсотни фудтраков, а? По-стахановски потрудились!

Фактически — целая бригада мотопехоты, если считать по пять бойцов в команде каждого транспортного средства. А если прибавить сюда еще десант из орочьих добровольцев, коих соберутся многие тысячи, если мне разрешать зарегистрировать помимо двух юрлиц (быстрое питание и хтонический ОСВОД) еще и третье — ЧВК «Орда» — то вообще страшное дело получится.

И это было еще не все: в каждом сервитуте, где у нас имелся филиал, сейчас клепали фургоны по проекту Капитошки и Парамошки. Уже через месяц Орда готова была в полном составе

вооружиться до зубов, собрать попутчиков и временных союзников, нагрузиться припасами, сесть на колеса и поехать туда, куда надо! Корму надо? Мне, конечно. Ну, и Государству Российскому! Такие добровольческие тыловые и антихтонические подразделения, думаю, оценят по достоинству… А если не оценят и не найдут правильного применения — то пошли они нахрен. Я старалась, как могла!

— Кузя, ититьска сила, где моя самобеглая тележка? — спросил я вслух, зная, что тут, в этой обители «Гоблин Индастриз», меня слушают и снимают из каждого темного угла. — Желаю взять тележку и пойти поработать в Сан-Себастьяне. На людей посмотреть, скажем так, и себя показать…

— Хлебалом поторговать… — прогнусавил кто-то из-за угла торгового центра.

Вот же! Одно слово — гоблины! И не предъявишь: их тут многие сотни копошатся! И децимацию не проведешь: экономически невыгодно…

Едва слышно тарахтя мотором, подъехала хотдожница версии «М» — модернизированная. Теперь на ней можно было готовить что угодно во фритюре: картошку, наггетсы, сладкие хрустящие пирожочки с вареньем; и варить кофе на песке, а не только хотдоги фигачить!

— Запаковано как положено? Можно не проверять? — спросил я у Кузьмы, который усиленно свайпил экран смартфона.

— Можно! — закивал он. — Кстати, пирожочки с вишневым вареньем — офигенские. Я шесть штук скушал.

Я подозрительно глянул на закрытую на защелку, холодную крышку фритюрницы.

— В каком смысле? Ты как их жарил, если тут нихрена не работало?

— А я не жарил… Я из морозилки погрыз! Ой, тебе что — жалко пирожочков?

— Не, не жалко, просто… — нет, поразительные существа эти гоблины все-таки.

— Ну, и всё! Я работать пошел, скоро с железнодорожного вокзала бронепластины привезут и динамическую защиту! На всю партию! — он, похоже, основательно проштудировал словарь, потому что говорил вполне нормально.

Или это на гоблинов так созидательный труд влияет?

— Динамическая защита на… Полсотни комплектов? — вытаращил глаза я.

— Шестьдесят восемь! — закивал он. — Правда, двадцатилетней давности и польские, но…

— Кузя, — я положил ему руку на тощее плечо и

проникновенно заглянул в глаза. — Выражаю тебе мощную ордынскую благодарность и торжественно разрешаю тебе взять сколько угодно пирожочков из морозилки! Хоть два!

* * *

Вечер определенно обещал быть томным.

Просто представьте себе: набережная из белоснежного мрамора, закат над морем, весенний ветерок, ароматы кофе, цветущей субтропической великолепной растительности и сраной мимозы, скоморошья молодежь на двух гитарах и скрипке играет что-то душещипательное, пары прогуливаются — нарядные, улыбающиеся…

И я — в черном переднике с белой дланью, сытый, довольный и чудовищно харизматичный, за прилавком тележки, под эвкалиптом раздаю народу счастья. Кому-то крепкого и черного, в бумажные стаканчики. Другим — жареного и сладкого, в картонные коробочки, чтобы варенье не капало. Третьим… Третьим — альтернативно-протеинового, с булкой и сосиской, с майонетчупом, горичнезом и кетчицей. На выбор!

Дым коромыслом, шуточки-прибауточки, торговля от души идет! Студентки селфи со мной делают, в щечки целуют, пацаны местные кулак отбить подходят, респектуют, мол — наш Бабай, молодчага! А я что? А я урук тщеславный, мне приятно.

— Впервые вижу миллионера, который продает сосиски! — произнес бархатный женский голос.

Марго! И черт бы меня побрал, если на шпильках, в узкой юбке с разрезом и белой блузе с открытыми плечами она выглядела хуже, чем в оранжевом комбезе и горных ботинках! Роскошная дама, что тут скажешь! На аппетитной груди у Маргариты Львовны болтался бейдж с логотипом телеканала, черные кудри трепал морской ветер, южное солнце отражалось в широко распахнутых глазах.

— Миллионера? — удивился я. — Нет, я слыхал подобную фразу про черного урука, но вот миллионер… Это кто здесь миллионер?

— Ты, Бабай Сархан. Точные подсчеты нашего финансового аналитика: сумма твоих активов давно перевалила за один миллион денег!

— Да? Не, ну аналитикам виднее… — почесал затылок я. — Никогда не углублялся в такие тонкости. Наверное, если считать вместе с польской динамической защитой, то миллион там и насобирается… Но это все ордынское, а не мое. У меня нет

нихрена, так — кард, пара футболок и джинсы. И личное обаяние. А! Еще кофе. У меня есть кофе.

Марго Рошаль подошла очень близко и принялась водить пальчиком с идеальным маникюром по заляпанному кетчупом заламинированному меню.

— Бабай, ты можешь мне предоставить кофе с собой? — прищурившись, спросила она. — Мы записывали прогноз погоды тут, на пирсе, и мне стало так холодно и одиноко… Наверное, это могло бы меня согреть.

— Ну, как бы… — я никак не мог понять, что она имеет в виду. У нас тут весь кофе с собой, фарфоровые чашечки я как-то не брал, не подумал… Да и столиков раскладных нет.

— Так что, получится у тебя? Могу я на это рассчитывать этим вечером?

— Да, почему нет? — я сунул турочку в горячий песок. — Кофе с собой… Это можно.

— Кофе с тобой, — кивнула Марго и сделала этот свой шикарный жест, всей кистью руки. — Этим вечером. Ты пообещал!

— Однако! — расхохотался я. — Какая хитрая женщина! Тогда я ставлю вторую турочку, варю еще кофе — себе, потом делаю четыре пирожочка с малиной, мы берем это все с собой, и ты со мной идешь гулять по берегу, да?

— О да, — кивнула она. — А дальше — как сложатся звезды, м?

— Я бы не стал доверять такие решения огромным шарам раскаленной плазмы, которые находятся охренительно далеко от нас, — проговорил я, разливая кофе по стаканчикам и принимаясь за готовку пирожочков. — Но ход твоих мыслей мне очень нравится. Я сейчас позвоню Витеньке — он заедет за тележкой, не могу же я бросить часть своих миллионов посреди Сан-Себастьянской набережной? Кстати, если хочешь, я попрошу его привезти тебе кеды и спортивный костюм. Какой у тебя размер? Задолбешься же на каблуках, м?

— Господи, — сказал Марго. — Если бы я недавно не развелась в третий раз — я бы решила, что встретила идеального мужчину, и мне пора замуж!

* * *

Глава 7
Томный вечер

Потеряли голову — так это называется? Не знаю, как у нее, но у меня капитально снесло крышу.

Черный урук двадцати лет отроду — это в принципе существо с бешеным коктейлем гормонов в крови и сумасшедшими нервными реакциями. Моей интеллигентской натуре и так стоило жутких усилий их обуздывать, особенно — в последние полгода. Перебивался убийствами тварей и спортом, бесконечными рейдами во всякие-разные Хтони и тяжким трудом на ниве причинения добра и нанесения счастья окружающим. Выручали и те самые красные линии, то есть — принципы, которые есть у каждого уважающего себя мужчины. Ну да, граница эта пролегает в каждой душе по-своему, но, например, меня тошнило от секса за деньги. И вовсе наизнанку выворачивало от мыслей о насилии над женщиной.

А тех барышень, которые искренне испытывали бы ко мне телесное влечение, я как-то не встречал. Обычно женщины фертильного возраста от одной мысли о тесном и близком знакомстве с черным уруком в состояние, близкое к панике, приходили. А необычных на моем пути не попадалось… Даже Кристинка с Роксаночкой на горизонте не мелькали… Хотя оно и понятно — что им делать в мухосранских Хтонях, где я шатался в последнее время? А остальные, типа давешних студенток на набережной — это так, фигня. Сфоткаться, потрепаться, повизжать от страха, целуя в щечку для соцсетей — да, вполне. А вот чтобы взаправду — это не-не-не. Разве что — кроме Шерочки с Машерочкой, но они мутили с Витенькой, а спать с теми, кто мутит с друзьями — не наш метод! Это отвратительно! Лучше уж хрен об занавески вытирать.

Так что авторитетно заявляю: брезгливость, разборчивость и страшная рожа — лучшие средства для профилактики инфекций, передающихся половым путем.

Это я к чему? К тому, что когда в такой напряженной ситуации рядом с вами идет шикарная женщина, и держит вас под ручку таким образом, что бедром вы чувствуете жар от ее упругой ягодицы, а предплечьем — тяжесть некого полушария крепкого третьего размера, то удержаться от того, чтобы не взвалить ее на плечо и не утащить в горы, чтобы там уже заняться всяким-разным — катастрофически сложно. И решительно невозможно, если она смотрит влажными глазами снизу вверх,

поправляет рассыпавшиеся по плечам кудри и говорит бархатным, с придыханием, голосом:

— Тут в дендропарке есть такие беседки… Неосвещенные… Поможешь мне переодеться? Я и вправду очень-очень хочу снять уже эти туфли, и эту юбку, и блузку… А тут такой замочек, что я сама не расстегну, — она совершенно точно знала, чего хотела, эта Маргарита Рошаль. — Мне о-очень нужна твоя помощь.

Честно говоря — со мной это было впервые: в почти публичном месте, когда от гуляющей по набережной толпы нас отделяли только пару десятков метров темноты, густые кроны вечнозеленых деревьев и живая изгородь из цветущих олеандров. И это было чертовски классно! Марго не стеснялась себя и своего тела, которое потрясающе выглядело в ночном полумраке. Стройные длинные ноги, высокая грудь, тонкая талия — да я с ума сходил, что тут скажешь? Журналистка очень многое любила и умела, и, похоже, я ей действительно нравился. А она дико нравилась мне! Так что, думаю, мы несколько раз сильно напугали прохожих, когда фонари начинали мигать и искрить от переизбытка маны, которая крутилась в эфире вокруг нас целыми вихрями и настоящими торнадо.

— Ох, — сказала она, спустя время отстраняясь от меня. — Я рада, что ты меня спас тогда, в Хтони. В смысле — рада, что спас, и рада, что это именно ты. Кажется, я пережила самое экзотическое и необыкновенное приключение в моей жизни.

— Хм! — мне понадобилось несколько секунд, чтобы найти джинсы. — Ты имеешь в виду Хтонь или то, что было сейчас?

— И то, и другое, Бабай. И то, и другое, — Маргарита и не думала надевать спортивный костюм, предпочла снова облачиться в свой официально-сексуальный наряд из блузки, юбки и туфлей на шпильках. — Я приглашаю тебя в ресторан, прямо сейчас. В «Мускат». Я смогу привести себя в порядок, там приличная дамская комната, а ты — закажешь нам хинкали. Любишь хинкали?

— Хинкали? — удивился я.

Вот уж чего не ожидаешь услышать от такой женщины после феерического времяпрепровождения, так это предложения поесть хинкали! Но что касается пожрать, так это я всегда с удовольствием! Тем более — в такой компании! Если она не стесняется урука в публичном месте рядом с собой, то на кой хрен мне стесняться журналистки? Вдруг берет у меня это, как его… Делает со мной это самое… Ну, интервью, в общем!

— Хинкали и молодое вино, целый кувшин. Фирменное, мускат! — кивнула Марго и взмахнула кистью руки в своей манере. — Мне всегда хочется есть после… Всякого-разного. А

еще — хочется продолжения! Ты как насчет продолжения?

Юбку она пока не надела и босоногая, в одной блузке, смотрелась весьма, весьма провокационно, так что я подхватил ее на руки, самым приятным образом расположив свои ладони на ягодицах девушки, Марго ногами обвила мою поясницу и заглянула в самые глаза, явно чувствуя мое желание все продолжить прямо сейчас:

— Нет! Сначала — «Мускат» и хинкали. А потом поедем ко мне. Ну, или к тебе, как скажешь…

— Ар-р-р, — выдохнул я. — Ладно. Пошли в твой «Мускат»! Никогда там не был.

* * *

Ресторан этот представлял собой белое, декорированное мрамором двухэтажное здание. На первом его этаже располагался огромный зал с роскошным внутренним убранством в восточном стиле, золотыми арабесками на потолке, фонтанами, льющимися из стен и явно магическими светильниками, стилизованными под факелы на кронштейнах. Имелась тут и сцена, на которой суетились работники микрофона и усилка, налаживая что-то для грядущего выступления. Почти все столики были заняты: зажиточный, откровенно буржуинистый народ наслаждался едой и напитками, вел светские беседы и поглядывал на сцену: похоже, готовился какой-то концерт.

Главный, парадный вход — бело-золотое крыльцо на черноморской набережной — охранялся целым выводком одинаково мощногрудых и короткошеих, как будто инкубаторских, джентльменов в белых теннисках с логотипами ресторана.

— Урукам вход… — начал было один из них, но тут же заткнулся.

То ли узнал мою спутницу, то ли — меня, то ли — платиновая монета, мелькнувшая в моих пальцах, стала тому причиной, но секьюрити шагнул в сторону. Остальные — следом за ним. Миловидная хостесс в белом строгом платье поняла Марго с полувзгляда, и очевидно боясь меня до дрожи в коленках, подхватила меню и решительно провела нас в самый укромный и далекий от сцены угол, стараясь маневрировать так, чтобы как можно меньшее количество людей, гномов и эльфов обращало внимание на страшное чудовище, которое вошло в обитель приличной публики.

Полусвет — так это называлось? Вряд ли тут были настоящие

аристократы из верхов, а вот богема, бизнесмены, пустоцветы и прочие недоэлитарии водились в изобилии.

— Здесь вашего спутника никто не… — начала девушка и тут же смутилась, положила меню и убежала.

— … не испугается? — продолжил я, усаживаясь на роскошный стул.

Тут все было роскошное и белое, с какой-то бесконечной парчой и позолотой. Всё, кроме меня. Я со своей дикой рожей, в джинсах, ботинках и черной футболке с надписью «KANNIBAL SERVIS» на спине смотрелся несколько чужеродно и помято.

— Хинкали и мускат! Не бери мне острые, пожалеешь потом, — лукаво улыбнулась Марго. — Хочу с сыром и шпинатом. И не убей никого, я скоро!

Я проводил ее взглядом, откинулся на стуле-кресле, запустил себе обе пятерни в волосы. Капец какой-то! Что вообще это было? Нет, пожалуй, что это было — вполне понятно. Она хотела, я хотел — мы оба получили удовольствие. Но — кто кого подцепил, и кто кого трахнул, в конце-то концов? И что теперь с этим делать, и нужно ли с этим что-то делать? Нет, ну, как бы там ни было, таким умиротворенным и благодушным я не был уже несколько месяцев. И рожа у меня, наверное, была довольная, как у того кота, который сметаны обожрался.

— Вы определились? Будете что-нибудь заказывать? — раздался тоненький голосок рядом.

Еще одна девчушка в белом — видимо, официантка — держалась на почтительном расстоянии, предпочитая не приближаться ко мне. Ей моя довольная рожа явно доверия не внушала.

Вообще это было весьма характерно: представители нижних ступенек социальной лестницы, такие, как бомжи, студенты, работяги, уличные музыканты, мелкие торговцы и прочие — вполне ко мне привыкли, узнавали и считали своим, кем-то вроде местной достопримечательности, страшноватой, но прикольной. Титулованные аристократы — тоже вполне себе терпели такого полезного зверька рядом со своими светлостями и благородиями. А вот высший средний класс и их клевреты — эти шарахались и демонстрировали презрение.

— Кувшин вашего молодого муската и хинкали. Две порции с сыром и шпинатом и еще по порции всех остальных, что у вас есть, — кивнул я и, явно рисуясь, подбросил в воздух платиновую деньгу.

Много денег одной монеткой.

— Но у нас восемь видов… — пискнула официантка.

— Отлично! То, что надо. Восемь видов хинкали и, значит —

два кувшина муската, — обрадовался я. Хорошо быть богатым сукиным сыном! Давно ли я на миску салата с сосисками наскрести не мог? А тут — восемь видов хинкали, счастье-то какое! — Скажите, милая барышня, а вот на сцене у вас это что такое готовится? Какое-то мероприятие?

— Ой, да! Должна предупредить — у нас концерт через час, если хотите остаться, то нужно внести плату! Или кушать побыстрее, потому что нужно будет уйти до начала выступления…

— А кто играет? — мой интерес был вполне искренним.

Живая музыка — это круто! Главное, чтобы не очередная группа «Поющие трусы» и не Лазарь Сергеев, что, впрочем, недалеко одно от другого…

— «Рекорд-Ансамбль»! — закатив глаза, произнесла она.

— Ох-ре-неть! — я аж подпрыгнул на стуле. — Вот это я удачно зашел! Просто возьмите мои деньги, барышня, и передайте вашему хозяину или арт-директору, я не знаю, кто заказывает артистов, что у него потрясающий вкус!

— О-о-о-о, вам тоже нравятся Тим и Барыш? — теперь глаза официантки стали круглыми. — Я думала, уруки только тяжелый бард-рок слушают… Ой! Ну, я пойду!

Вечер продолжал накапливать уровень приятности: круче «Рекорд-Ансамбля», который я полюбил еще с Карасунского фестиваля, был бы только Тиль Бернес со своим «Каменным тараном», наверное. «Рекорды», эти интернациональные лезгино-балкано-латино-хулигано, со своими пробивными мотивами и текстами, от которых непонятно — то ли плакать, то ли смеяться — крепко впились мне в башку. Я даже думал как-то пригласить их в «Надым», только понятия не имел — согласятся они в Хтонь поехать или нет? Народ в этом коллективе подобрался точно нестандартный — увидеть на одной сцене человеков, лаэгрим и кхазадов в принципе доводилось редко, и реакцию их, буде напрямую к ним обратится черный урук, да к тому же еще и принц Сан-Себастьянской помойки, предсказать было тем более сложно. Но они своей музыкой купили меня с потрохами, эти лихие ребята с самыми добрыми песнями в мире!

В общем, настроение внутри меня воцарилось приподнятое. Ну, и когда посвежевшая, явно обновившая макияж Марго дефилировала ко мне через зал — оно приподнялось еще больше. Ну, классная же! Талия, ножки, шея, кудри вот эти, глазки, губки — ну, всё! Очень красиво сгруппировались атомы в этом конкретном случае, что тут скажешь? Засмотрелся я!

И конечно, нашлась падла, которая решила испортить момент.

Какой-то смутно знакомый кучерявый хрен в розовой рубашечке ухватил журналистку за руку, так, что она развернулась на месте довольно резко, но среагировала моментально: ладонь выдернула, сверкнула глазами, что-то высказала грубияну и быстрым шагом, лавируя между столов, подошла к нашему столику. Я вскочил, отодвинул стул и, проводя оценку возможного театра будущих боевых действий с высоты собственного роста, галантным жестом предложил Марго присесть.

— Стоп, Бабай, не надо никого убивать, — тут же сказала она, грациозно и аккуратно располагаясь на стуле и закидывая ногу на ногу. — У тебя взгляд такой, будто сейчас начнется резня. Не надо никакой резни, нам еще хинкали не принесли.

— Знаешь, меня бесят всякие кучерявчики, которые хватают красивых женщин за руки без спросу. Особенно, если эта женщина — моя, — одного взгляда на ее удивленно вздернутую бровь хватило, чтобы я тут же исправился: — Даже если это — на один вечер.

И уселся на свое место, высматривая официантку, а также приглядываясь к шевелюре кудрявого и прикидывая, как бы ловчее его скальпировать. Он почувствовал мой взгляд, обернулся, наши глаза встретились. Чует, падла! Однозначно — маг или, как минимум, пустоцвет. Хо-хо, этот парень ожидал увидеть кого угодно, но точно не урука! Я оскалился, и на лице кучерявчика явно промелькнуло узнавание: в курсе, сволочь, кто такой есть Бабай Сархан! Он злобно зыркнул на меня напоследок, отвернулся и принялся переговариваться со своими дружками.

— Бабай? — голос журналистки был предельно серьезным. — Хватит свежевать их глазами. Посмотри на меня. Ау! Я тут!

— Это я с удовольствием! — тут же откликнулся я и уставился на нее. Зрелище было намного приятнее, и ее кудряшки меня точно не бесили, а очень даже наоборот. — Хинкали заказал, мускат сейчас принесут. Тебе — с сыром и шпинатом, мне — восемь порций разных. Но если хочешь — я не буду есть острое, мало ли там, ну…

Она не поддержала мой тон и строго глянула на меня:

— Я — не твоя женщина. Не смей предъявлять на меня права. Ты замечательный мальчик, но…

— … ты кошка, которая ходит, где вздумается, и гуляет сама по себе, — поднял открытые ладони на уровень груди я. — А я — из дикой Хтони дикая тварь. Приятно провести время — да, что-то большее — нет. Позиция понятная, логичная, знакомая. Не сказать, чтобы я прям был этому рад, но если ты хочешь, чтобы приключение осталось приключением — за руки я тебя хватать

точно не буду. Но на продолжение — рассчитываю!

Иногда прямолинейность — самая лучшая тактика. Марго на секунду смутилась, а потом принесли кувшин муската, и мы выпили.

— За удивительные приключения и приятные воспоминания, — предложила тост она, и бокалы столкнулись с хрустальным звоном. — И за то, чтобы они иногда повторялись…

Мускат был холодный, освежающий, и бокал ушел в мою луженую глотку одним махом, так что я тут же обновил напитки из кувшина.

— И всё-таки, что там за кучерявчики такие? — вопрос назрел сам собой, так что его я и выдал, разливая вино в бокалы. Но увидев, как девушка снова приготовилась рассердиться, предупредил ее порыв: — Ситуация уже есть. Дерьмо уже попало на вентилятор. Мы здесь, они здесь. Один из них имеет на тебя виды, все они не любят меня, их больше — всякое может случиться после того, как мы доедим хинкали. Поэтому стоит приготовиться к возможным последствиям нашего совместного приятного времяпрепровождения…

— Ох! — Марго посмотрела на меня сквозь вино и хрусталь. — Связалась с уруком. Приключения, хтонические монстры, разборки…

— Ага, ага. Вино, мясо, красивые женщины… Так и живем! — откликнулся я. — На самом деле — не только и не столько… В основном — тяжкий труд и всякое дерьмище вокруг. Но бывают и приятные исключения. Так что там с парнишами этими? Я слишком хочу посмотреть и послушать «Рекорд-Ансамбль», поверь мне. Поэтому нападать на них и терзать прямо сейчас не собираюсь… Хотя — хочется, ей-ей! Ты только посмотри на эти затылочки с выбритыми молниями и финтифлюшками, так и хочется вманать леща!

— Это боевые маги, Бабай, — сказала она так, будто бы это должно было что-то мне сказать кроме самого обычного, расхожего понимания термина. Увидев, что я не реагирую, журналистка исполнила жест сразу двумя кистями рук и, вздохнув, пояснила: — Пустоцветы, которые при помощи специальных практик научились направлять ману на улучшение собственных организмов. Они сильнее, быстрее, выносливее любого другого человека. Специально тренируются убивать голыми руками!

— Как Скоморохи? — уточнил я.

— Ну… Скоморохи — не маги. Они используют вещества с магическим флером, но и только. А эти — работают напрямую с энергией. Очень опасные люди! И не смотри на прически, тот же

Жан-Поль — серьезный боец, я с ним на турнире познакомилась, интервью брала…

— Ага, — сказал я. — Интервью.

— Прекрати, или я сейчас встану и уйду, — она даже позу изменила, как будто и вправду собираясь уйти.

— А хинкали? Вон, несут! — я ткнул пальцем в сторону пробирающейся сквозь зал официантки.

— Хинкали — серьезная причина остаться, — кивнула она. — Бабай, я видела, на что ты способен, и думаю, что ты уделаешь Жан-Поля, но их там четверо!

— Жан-Поль, мать моя! Ну, надо же! Это его настоящее имя? Рожа вроде как самая славянская… — я принюхивался к эфиру и вроде как чуял, что уделаю и троих.

А вот на четверых меня могло и не хватить. А могло и хватить. По крайней мере, проверить мне очень хотелось!

— Павел ИвАнов, — сказала Марго. — Жан-Поль — это его псевдоним на ринге. Не назовется же он дворянской фамилией, разбивая рожи простолюдинам? Кичится своим дворянством, как будто несколько поколений благородных предков сделают его менее инфантильным маменькиным сынком! Подумал, что я — очередная телочка, из тех, которые вьются вокруг таких мажорчиков, как он… Фу!

— Фу, — согласился я, а потом даже проморгался от удивления, потому что не мог глазам своим поверить, что эта скотина с выбритыми молниями на затылочке сделал нечто НАСТОЛЬКО мерзкое!

Жан-Поль встал перед официанткой в тот самый момент, когда она проходила мимо с подносом, на котором находилась одна порция хинкали с сыром и шпинатом для Маргариты и восемь порций МОИХ разнообразных, замечательных, сочных, горячих хинкали со всем подряд! Этот сказочный воблоед демонстративно швырнул на поднос серебряную монету и что-то там проговорил растерянной официантке, кривя губы, а потом — смахнул МОЮ еду на пол! При этом он пялился на меня с нескрываемым вызовом.

И тарелки разбились, и бедненькие хинкали рассыпались по полу и тоскливо лежали теперь среди бульона и керамических осколков. Ублюдочный Жан-Поль еще и носком своего штиблета потрогал один из них! Багровая пелена застила мне глаза, я не заметил, как вскочил. Марго взяла меня за руку и что-то говорила в самое ухо, но я отодвинул девушку в сторону:

— Падажжи! — и двинулся вперед через зал.

Мои хинкали! С бараниной! С сыром! Шпинатом! Свининой! Курятиной! Говядиной! Баклажанами! Картошечкой! Семгой!

Восемь порций! На пол! Повинен смерти, сука!

Вокруг уже верещали и разбегались в разные стороны, опрокидывая столы и стулья. Друзья Жан-Поля — такие же подкачанные и загорелые молодчики в противоестественных цветов рубашках выстроились у него за спиной. Я пер прямо на них, отпинывая со своего пути предметы мебели и чувствуя, как разгорается лютая ярость внутри меня. Зря он тронул мои хинкали!

Вечер явно переставал быть томным.

Глава 8
Продолжение банкета

Он просто сходу заехал мне в бороду. Первый! Это было хлестко, резко, сильно! От такого мощного джеба меня развернуло на месте и опрокинуло на стол с остатками чьего-то пиршества. В башке звенело, перед глазами плясали огненные мухи, но я был даже рад: своим ударом он дал мне карт-бланш. Потому что одно дело — это свирепо шагающий через зал урук с перекошенной от ярости рожей, а другое — конкретный, пушечный джеб в бороду.

Я бы и сам вряд ли ударил лучше. Такой удар с ног даже быка бы свалил. И бык бы не поднялся, скорее всего. Но я-то не бык. Я — Резчик, у которого после замечательных приключений маны через край! Меня боевыми магами не напугать… Меня вообще не напугать, в принципе. Как в самой популярной книге всех времен и народов написано? «Ударившему тебя по правой щеке обрати левую!» Я и обратю, то есть обращу… Выверну нафиг!

Молнию в меня из задницы они не пустят, не их специальность. Поджарить тоже не смогут, и по воздуху волочить не получится, как я понял. Зато бьют сильно, быстро и больно. Да? Ну, и хрен с ним!

— *Неба утреннего стяг!* — прохрипел я, с хрустом вставляя челюсть на место и вставая на ноги. — *В жизни важен первый шаг!!!*

— Что за хрень ты несешь? — удивился Жан-Поль.

— Гляди-ка, он встал. Ты проспорил мне сотку. Теперь моя очередь! — второй тип в кислотно-голубой рубашечке вышел вперед. — Гляди, как я уделаю этого свинорылого!

Он начал красиво. И опыт боев с уруками у него явно был, так что на кулачки мажор решил не полагаться, сразу постарался уделать меня ударом ногой с разворота. Быстро, резво, сильно! Аж воздух загудел, и эфир волнами пошел от его удара. Проблема была в том, что мажор привык иметь дело с противниками, которые были гораздо менее скоростными и реактивными, чем он сам. Но…

Моей скорости восприятия и реакции вполне хватило. Я просто чуть присел и уклонился, и удар, который должен был прийтись подъемом стопы в скулу и шею, прилетел голенью в мою черепушку, крепкую, как железобетон.

— А-а-а-ауч! — боевой маг ляпнулся на землю и ухватил себя за ногу в пароксизме боли.

Я не медлил: прыгнул на него сверху обеими ногами, прямо на грудную клетку, несколько раз подряд, прямо перед его ошарашенными дружками. Хрена с два они ожидали, что такое в принципе может случиться.

— *Слышишь: реют над страною*

Ветры яростных атак! — выплюнул я прямо в рожу Жан-Полю, которому понадобилось некоторое время, чтобы врубиться в ситуацию.

— Убью! — выкрикнул он, и тут же кинулся на меня.

О, его ударная техника была великолепна. Он лупил крепко и разнообразно, Перепелка остался бы доволен! В ход шли кулаки, локти, колени, пятки, его серии были фееричны и великолепны! А моя оборона — примитивна и однообразна: жесткие блоки, нырки и уклоны. Он достал меня еще пару раз — по ребрам и в морду, попытался отбить ноги лоу-киками и свернул мне нос, кажется. И кровь текла у меня по подбородку, шее и груди. И мне было на это до лампочки:

— *И вновь продолжается бой,*

И сердцу тревожно в груди! - вопил я, прерываясь только для того, чтобы схватить еще один мощный панч по моим многострадальным орочьим щам.

Кровавые брызги летели во все стороны. Он бы вообще убил меня нахрен, если бы я не был выше, больше и крепче, и если бы регенерация не качала на полную. Если бы!

А дружочки-мажорчики в зеленых рубашечках уже обходили меня, надеясь зайти с флангов и навешать дополнительно… Но Жан-Поль ИвАнов допустил зверскую ошибку в самом начале: нехрен было рассыпать по полу хинкали! Я целенаправленно отступал и петлял меж столами, и своим отступлением заставил кучерявчика поверить в себя. Этот скоростной мерзавчик, который якобы метелил меня. как бог черепаху, самым тупым и банальным образом не заметил, что мы вышли на исходную, и после моей короткой двоечки отшатнулся и поскользнулся на хинкали с баклажанами!

Жан-Поль ляснулся на пол громко, с грохотом сломанных стульев и, надеюсь, шейных позвонков, но — был готов тут же вскочить, как настоящий акробат, прыжком. Маг, ёлки! Однако мои татау уже полыхали золотом, и воздух стал густым, как студень, и мне понадобился один мгновенно-длинный рывок, чтобы оказаться близко-близко и насовать ему кулаков в рожу — раз-два-три-четыре-пять!

— *И Е-э-э-эльцин та-а-акой молодой!* - торжествующе взревел я, не переставая бить даже после того, как его затылок снова тюкнулся на пол, а смазливое личико со следами некой, прости

Господи, мужской косметики, превратилось в однородное месиво. Увлекся, зараза. Мстил за хинкали и испорченный вечер!

И прозевал одновременную атаку зеленых мажорчиков-попрыгунчиков: эти двое набросились на меня с разных сторон и принялись лупить ногами на дальних дистанциях, отскакивая и уворачиваясь от моих довольно неуклюжих попыток войти в клинч и сожрать их одного за другим. Они, гады, действительно вытворяли сверхъестественные вещи на запредельной скорости и выбивали из меня всю дурь своими копытами будь здоров! Кажется, эти парни были братьями — русые, курносые, спортивные, ростом что-то около метр восемьдесят… Боевые маги! Тренированные убийцы!

После десяти или двадцати секунд сумасшедшего избиения мажорами меня, грешного, и парочки моих удачных выпадов в голове моей наконец щелкнуло: на кой хрен я пытаюсь играть по правилам? Уруки страшны импровизацией! А мне и импровизировать не надо, я все заранее придумал!

Каким бы крутым бойцом ни был Жан-Поль, он оставался человеком, а значит — весил не более девяноста килограмм, судя по его телосложению! Так что я разорвал дистанцию с братьями-попрыгунчиками обоими, самым банальным образом задав стрекача, перескакивая со стола на стол, и в три прыжка достиг Жан-Поля, ухватил его за жопу и за горло — и швырнул кучерявчика в одного из настигающих меня мажоров! Мажора снесло Жан-Полем нахрен, прямо в барную стойку, откуда сверху сначала посыпались бутылки со спиртным, а потом рухнула и вся стойка, и чертов магический факел на кронштейне, и ка-а-ак полыхнуло!

Я стоял в полном охреневании, второй братец в зеленой рубашечке тоже вытаращив глаза пялился на разгорающийся пожар, а потом мы, переглянувшись и не сговариваясь, кинулись их вытаскивать. Оба боевых мага орали как припадочные, потому как горели, облитые спиртным, весьма капитально. Я тащил за щиколотку горящего Жан-Поля, зеленый — брательника, понятное дело! И, сукападла, конечно, начали гореть скатерти, стулья, и вся вот эта вот хрень! Не тратя время даже на то, чтобы сбить с бедолажного мажора пламя, я волок его к выходу, и он бился горящей башкой о ножки стульев и столов. На ходу я уцепился за руку того, в голубой одежде, на котором попрыгал в начале схватки, и принялся эвакуировать и его тоже. И он, сволочь, тоже загорелся, да что за день-то такой…

— Весть летит во все концы,
Вы поверьте нам, отцы,
Будут новые победы,

Встанут новые бойцы! — ресторан горел уже весь, ну, и я ломился сквозь огонь, и хрипел своей разбитой рожей въевшийся в мозг шедевр Пахмутовой.

На самом деле происходило все это быстро — что-то около минуты от полета Жан-Поля и зелененького боевого мага в барную стойку и возгорания, до того, как я вытащил их на улицу и увидел проблесковые маячки аварийных служб, направленные на меня автоматы Татаринова и пожарные брандспойты.

— Тушите их, тушите! — заорал я.

Благо, меня поняли и принялись заливать бедолаг. Сначала этих, а потом и братьев в зеленых рубашках, которые вырвались из горящего ресторана следом за мной. Ор, вой сирен, вопли ресторанного персонала и адский ад воцарились вокруг. Я, избитый и закопченный, понятия не имел, что мне делать дальше, пока рядом не оказался обервахмистр (или кто он там сейчас по званию?) Скворешня. Прискакал, страж порядка, на хромированных ногах и тут же включился в разруливание ситуации:

— Бабай Сархан, чтоб меня! И почему я не удивлен? — и тут же махнул СОБРовцам, которые пялились все это время на меня. — Опускайте стволы, господа, этот урук умеет держать себя в руках и с полицией не дерется! Верно я говорю, Бабай?

— Ага, угу, — я вспомнил про Бурдугуз, но решил не углубляться и принялся балагурить по своему обыкновению. — Если что — они первые начали. Сначала сбросили мои хинкали на пол, а потом стукнули меня в бороду. Ну и… Как-то так оно все получилось. По камерам посмотри, я просто шел к ним, а он заехал мне в бороду на фоне классовой ненависти к хинкалям! Видел бы ты, с какой жестокостью он пинал мои хинкали туфлями по полу! Это нужно законодательно запретить — пинать хинкали, понимаешь?

А потом шмыгнул носом, попробовал вытереть кровь, но только сильнее размазал ее по роже и пожаловался полицейскому:

— Представляешь, меня почти избили человечки. Марго сказала — они боевые маги, а я хрен знает, что такое боевые маги… Набили меня, видишь? Это как-то унизительно…

— У тебя подписка о невыезде из Сан-Себастьяна, — Скворешня на секунду замер, видимо, работая с электронными базами данных. — Ах, собаки! Так это дворянчики решили, что они у себя в юридике? Ива-а-а-анов? Бабай, а подай-ка на него заявление, а? Мы ему устроим тюрьму и воши за нападение на полноправного резидента Сан-Себастьянского сервитута! Хоть и не высокомордые господа, а тоже кой-чего на своей земле могём!

Есть слово Государево, есть законы, в конце концов! Дал подданному Государя в бороду — получи пятнадцать суток!

— Пусть владелец «Муската» подает, с требованием возмещения ущерба, — буркнул я. — Я не буду. Я дождусь, когда Жан-Поль поправится и тогда уже капитально его оттырю! Хинкали, понимаешь? Это очень сильно ранило мне сердце…

— Ранило сердце? — Скворешня взгыгыкнул, наблюдая, как обгорелых и избитых боевых магов грузят в специализированные реанимобили, оборудованные под одаренных. — Ты, вон, из них жареные отбивные сделал, может, хватит уже?

И поскакал куда-то в толпу порядки наводить.

— Может, и хватит… Пойму только — какого хрена им на самом деле было нужно, — почесал башку я и с хрустом распрямился, чувствуя, как регенерируют ребра. — Не классовая же ненависть к хинкали всему причина, на самом деле?

Оглядевшись, я с неким внутренним удовлетворением, мол — ага, картинка сложилась — рассмотрел силуэт Марго, которая на фоне пожара уже что-то вещала вьющимся вокруг нее дронам родного телеканала, с самым компетентным и деловым видом расспрашивала командира спасателей и уже примерялась к Скворешне. Однако, журналистка! Инфоповоды — наше всё! Она ведь и мне наш разговор про интервью припомнит… Пожар «Муската» для Сан-Себастьяна событие топовое!

Рожа болела вся — там тоже шли оздоровительные процессы. Эх, пожрать бы! Я отошел в стороночку, пользуясь тем, что Скворешня прикрыл меня перед СОБРовцами, и ребята в балаклавах уже не собирались меня крутить, уделяя основное время персоналу и посетителям. Хорошо быть местной достопримечательностью в сервитуте! Везде — блат. Даже не арестовывают!

Я боком-боком вдоль стеночки убрался с набережной куда-то в район парковки с задней, не затронутой огнем стороны «Муската», мечтая добраться до ближайшей точки, где продают съестное и, возможно, сувенирные футболки, потому что мой «KANNIBAL SERVIS» пришел в явную негодность. Хотелось перехватить что-нибудь калорийное и переодеться…

Тут, под высокими платанами, в кронах которых запутались фонарные столбы и бесконечные провода электропередач, не было аварийных служб и шумной толпы, зато стоял желтый одинокий обшарпанный электробус и тихо гудел двигателем. Слышалась какая-то вялая перебранка, а потом машина вдруг с шипением захлопнула двери и уехала, оставив на асфальте группу очень колоритных персонажей с огромными кофрами в руках.

— Готфердаммт!!! Концерт-то наш, похоже, того… — сказал мужчина с короткой окладистой бородой, чем-то похожий на кхазада. — Аллес капут.

Джинсы и неформальная футболка никак не сочетались с тюбетейкой и очками с роговой оправой, но ему это удивительно шло. Второй тип — высокий, с длинными волосами и шкиперской бородкой, в балканской шапочке-«пирожке» мотнул головой:

— И гонорары, и ночевка в отеле на втором этаже, похоже тоже — того! Пожарные подливают, как положено, там скоро бассейн можно будет устраивать, а не постояльцев принимать…

Остальная компания — пара эльфов-лаэгрим, человек и натуральный кхазад, но почему-то гладковыбритый, загомонили, явно больше расстраиваясь из-за сорванного концерта, чем из-за того, что оказались в субтропической жопе мира без денег и ночлега.

— Ну чего, погнали на набережную, часа два постоим — авось на гостиницу и наберется? — предложил эльф, в очертаниях кофра которого угадывался саксофон. — Впервой, что ли?

Они мигом принялись обсуждать детали и планировать площадку для уличного выступления, кто-то из этих неунывающих ребят явно уже бывал в Сан-Себастьяне, так что предложения поступали дельные. А я всё никак не мог решиться выйти на свет Божий, под фонари — потому как видок мой был очень даже не очень. А потом — решился. Черт меня дери, это ведь был «Рекорд-Ансамбль», и я благим матом себя крыть буду, если хотя бы не попытаюсь…

— А-хм! Джентльмены! — сказал я и потрогал челюсть, которая была почти в порядке. — Это может прозвучать дико, но у меня есть деловое предложение.

Их реакция оказалась мгновенной, парни явно были тертые: круговая оборона и бойцовские стойки говорили о том, что даже черный урук с разбитой рожей не сможет смутить эту группу товарищей. Что характерно — инструменты они защищали в первую очередь! Мужчина (то ли кхазад, то ли человек, а может — полукровка, как я) в тюбетейке, поправил свои роговые очки и внимательно глянул на меня:

— Донерветтер! Звучит на самом деле дико, — признал он. — Урук рядом с горящим зданием — явление в принципе понятное и привычное. А вот урук с деловым предложением — это да, можно сказать — нонсенс. Но мы тут оказались в несколько стесненных обстоятельствах и не против выслушать что-то вменяемое…

— Так совпало, что я отчасти и являюсь виновником этих обстоятельств… — развел руками я. — Одни типы хотели меня

побить, а я швырнул одного из них в барную стойку, сшиб факел и… Ну — вот это все. Концерт сорвался. Неловко вышло. Если честно — я шел в «Мускат» покушать хинкали и провести время с девушкой, но, когда узнал, что играет «Рекорд-Ансамбль», обрадовался до усрачки! Хотите верьте, хотите нет — после Карасунского фестиваля ваши песни у меня из плейлиста не вылезают, и последний ваш альбом, который «Самый добрый мир» — это просто… Просто…

На этом моменте я широко улыбнулся. И они, черт бы меня побрал, улыбнулись в ответ. И тот эльф, который с саксофоном, вдруг сказал:

— Это же Бабай Сархан, а? Мужики, это — Бабай Сархан! Урук, который убивает тварей, варит кофе и крутит эту, как ее… Шавуху! На фестивале в Карасуне! Помните — Тиль про него рассказывал? А я вас звал, а вы не пошли! А классная шавуха, и кофе мощный!

Я, честно говоря, растаял. Бывают же на свете приятные эльфы!

— Обещаю сколько угодно кофе и шаурмы, нормальную ночевку и огромный клуб, битком набитый самыми благодарными зрителями в мире! — сказал я. — Часа через два. Нужно же народ оповестить как-то. По гонорару… Ну, давайте как в «Мускате», хотя я понятия не имею, сколько вам предложили…

— Ого! — «Рекорды» переглянулись. — Кофе, шаурма, концерт! А деньги… Что есть деньги, как не инструмент? Плохо, когда деньги становятся самоцелью. Погнали! Что там за клуб?

— «Надым», тут недалеко, полчаса на машине… Я сейчас комм найду, свяжусь с пацанами — мигом транспорт отправят. Но есть один нюанс, джентльмены… Вас не смутит тот факт, что «Надым» располагается на территории Сан-Себастьянской Хтони?

— А-ха-ха-ха-хо-хо!!! — дружный гогот был мне ответом. — Мужик, мы из Владимира. Нас не напугать хтонью!

* * *

Кузя заехал за нами на одном из фургонов, который еще не до конца определился, на кулинарном, медицинском или боевом поприще он будет служить. И когда я помогал мужикам грузить кофры с оборудованием, на авансцену вышла Маргарита. Процокав каблучками по парковке, журналистка подошла ко мне, потянулась, прижалась — и жадно поцеловала в губы, абсолютно никого не стесняясь.

— Когда я поняла, что ты все-таки решил устроить резню, то решила не путаться под ногами. Это я вызвала полицию и пожарных, и медиков! Кажется, все правильно сделала? — спросила она.

— Правильно, — сказал я и подумал, что Эсси никого не стала бы вызывать. Она достала бы рогатку и выбила бы пару глаз, скорее всего. Или засадила бы в каждого из мажоров по длиннючей стреле из лука. Но вслух проговорил совсем другое: — Раз тут с хинкали и концертом не получилось — погнали в «Надым»? Я договорился, «Рекорд-Ансамбль» отыграет первый хтонический концерт у нас! Ну,0 и перекусить найдем чего-нибудь, у нас с этим запросто!

— Нет, — сказала журналистка. — Я думаю — с меня довольно приключений на сегодня. Я позвоню тебе, у нас еще интервью зависло, помнишь? Ну, всё, мое такси едет, чао-какао!

Она так и сказала: чао-какао! Вот нафига, спрашивается? Какое, нахрен, какао?

Такси вырулило на парковку, я открыл перед Маргаритой заднюю дверь, дождался, пока она устроится в салоне и, заглянув в стекло напротив водительского места, погрозил знакомому бомбиле-снага за рулем и показал жестом, мол слежу за ним. Тот кивнул понимающе и мягко тронулся.

Мне оставалось только запрыгнуть в кабину фургона и скомандовать Кузе:

— Погнали! У нас на Маяке сегодня будет охренительный движ!

* * *

Глава 9
Затишье перед бурей

Между написанием 8 и 9 главы имел неожиданное удовольствие пообщаться кое с кем из прототипов действующих лиц. Кое-кто не против, что их музыкальный коллектив опосредованно включили в книгу, и передает привет читателям))

Горело мертвое, гудели и плясали все, кто не был в карауле или рейде. «Рекорды» сбацали для орков «Буги», «Бабадай» и «Чайшукарию», для гномов — любимую песню всех кхазадских автоманьяков «Нива-Хэтчбэк» и «Юстас, я вас попрошу остаться», для людей — «Перепутал разъемы» и «Все на одного», для эльфов — «Лесной пожар», конечно. Ну, и для всех — «Самый добрый мир» и «Без горя и слез».

«Надым» ходил ходуном, Маяк гулял: для звуковой трансляции использовали динамики системы оповещения, которая обычно только сирену включала, чтобы предупредить об инциденте. Было очень громко, так что минотавры, йожины и прочие ктулху вполне имели все шансы тоже неплохо затусить этим вечером. Витенька едва успевал управляться за стойкой. Выручка была сумасшедшая, да и билеты раскупили просто влет, буквально через минут десять после того, как Кузя вывесил объявление о продаже на местном сетевом сервисе.

Расходились из клуба заполночь. Пьяные снага огромными толпами шатались по Проспекту и бормотали «бабадай-бабадай», сталкеры шлифовались пивком на крыльце «Надыма», девушки, растроганные финальными лирическими композициями, вздыхали от неразделенной любви к артистам, а мы…

А мы затащили музыкантов в «Орду», наварили кофе, накрутили шаурмы и закрыли заведение. Потому что — нехрен. Дайте артистам выдохнуть! А сам я пошел наконец переодеваться и приводить себя в порядок, потому что бегал все это время в окровавленной футболке и с немытыми-нечесаными космами. На все гигиенические процедуры понадобилось минут пятнадцать, так что, когда я спустился, наши уже перемешались с музыкантами и сидели за одним столом. Хуеморген что-то втирал саксофонисту, Евгеньич обнаружил каких-то общих знакомых с длинноволосым гитаристом, Хурджин и солист рассуждали о высоких материях и судьбах миров, а Кузя сцепился в жаркой дискуссии с кхазадом из «Рекордов»:

— Не бывает хоббитцев! Это идиоту понятно! — настаивал

Кузя. — Это были самые натуральные гоблинсы! Мелкие, любят пожрать, таскают украшения, и вообще: кого, как не гоблинса, могут звать Пипином? Ты можешь себе представить кого угодно другого с именем Пипин? А второго звали Морда! Морда Бренди Жопа!

— Мериадок! — поднял вверх указательный палец барабанщик. — Его звали Мериадок Брандибак! Он был кхазад, просто мелкий!

— Без бороды! — торжествующе возопил Кузьма. — Не бывает гномов без боро…

А потом резко заткнулся, глядя на гладковыбритое лицо своего собеседника. Но тот такой некультурный заход не отреагировал и принялся загибать пальцы:

— В «Алой книге» написано: они были молодые, это раз! Жили в подземных домах, отлично обустроенных — это два! Были домовитыми и хозяйственными — это три! И имена у них самые что ни на есть гномские. Так что хоббитцами летописец ошибочно назвал молодых кхазадов, которые сбежали из-под надзора родителей. А Фридрих Багинс — сирота был, но знатного рода, потому и…

— Фридрих? Какой еще Фридрих? — Кузя аж на стуле подскочил. — Его Федор звали, каждый гоблин это знает! Федор Сумкин! Это подлая кхазадская фальшионизация! Факинсракция! Сифонизация!

Конечно, я был тут как тут, и он это почуял, и ухватил себя обеими руками за нос, дабы не заработать себе сливку, но я мигом уцепился за его ухо:

— Кузя, душу твою мотал, мигом за словарем! И хватит засирать мозг гостям! Они концерт отыграли, дай народу в себя прийти, лезешь тут со всякими факинсракциями!

— Ой, да отпусти ты его, Бабай! Тут у нас диспут на мифологическо-историческую тематику. Миф о хоббитцах! — благодушный кхазад сделал умиротворяющий жест. — Есть ведь те, кто верит! Целые сообщества в сети! Следы предъявляют, фотографии, видео мутные всякие…

— А мы не верим! — закивал гоблин, когда понял, что опасность его носу и ушам миновала. — Мы — здравомыслящие. Мы пытаемся прояснить, как бы это так выразиться, генезис мифа!

— Генезис? — поднял бровь я.

— Генезис и этимологию! Да-да-да! — Кузя был, похоже, в ударе. — Я словарь почитывал, почитывал! Два словаря!

Я похлопал гоблина по плечу и подсел к двум фронтменам — Тиму и Алексу:

— Как вам у нас, мужики? Как публика?

Тим сверкал стеклами очков, ухмылялся и употреблял не то пятую, не то десятую порцию кофе. Была у него такая страсть. А вот алкоголь, например, никогда в жизни не пробовал, и не собирался. Умел человек ловить волну, творить дичь и разгоняться без участия этилового спирта. Но на кофе налегал капитально, наш человек!

— Знаешь, Бабай, — сказал солист «Рекордов» и стянул с головы тюбетейку. — Кажется, у нас получилось подарить народу пару улыбок — и это уже дорогого стоит по нынешним временам! Можно считать это успехом, определенно!

— Улыбающиеся снага — запоминающееся зрелище, — кивнул Алекс и почесал бороду. — Как насчет продолжить сотрудничество? Я видел вот такую эмблему, как у вас на стене, в Камышинской Вольнице и еще в паре мест… Это ваши заведения?

— Наши! — довольно осклабился я. — Приглашаем вас сразу во все! Кузя-а-а! Дай мужикам стикеров с Белой Дланью, ага? Приклейте куда-нибудь на свой гастрольный автобус или просто — на кофры для инструментов, и в любом филиале «Орды» у вас будет режим наибольшего благоприятствования. По размещению, питанию, рекламе — да что угодно! Идеалистические придурки должны держаться вместе, ага? Иначе нам не выжить! Вы даете народу улыбки, мы — шаурму и кофе. И то, и другое немаловажно, да?

— Определенно, — кивнул Тим. — Вы ведь не только шаурмой занимаетесь, верно? Еще народ от Хтони прикрываете. Я вспомнил, откуда мне знаком и ваш символ, и ваше лицо, и вот это вот всё… Видосы! Видосы по сети ходят, где вы тварей рубите. Стоит признать — эффективно!

— И неплохо зарабатываем на этом, — не стал отрицать очевидного я. — Но, как ты правильно сказал в самом начале нашего знакомства — что есть деньги, как не инструмент? Плохо, когда деньги становятся самоцелью.

— Вот и мне показалось, что все это — не только и не столько ради денег! Особенно — учитывая, в каких именно обстоятельствах произошло наше знакомство… Хотелось бы мне знать эти твои цели, — он проницательно глянул на меня.

— Нас никому не сбить с пути, — усмехнулся я. — Нам похрену, куда идти! Заночуете в Хтони, или вас довезти до отеля? Вера Павловна, наша умница, предлагает два варианта: или у нас, тут на третьем этаже, или — в «Семирамиде».

Музыканты переглянулись, и парень-баянист ответил:

— Пожалуй, если выбирать между Хтонью и мажорной тусовкой — мы выбираем Хтонь!

Суматошный вечер и сумасшедшая ночь подходили к своему логическому завершению. Дела и проблемы подстерегали меня с самого утра.

* * *

Чтобы зарегистрировать ЧВК, одной помощи от всемогущих бюрократов Прокофия Кондратьевича и Аполлинария Яковлевича было недостаточно. Прикормленные (в буквальном смысле слова) и многим мне обязанные крючкотворы помогли грамотно составить документацию и подать все, какие нужно, прошения, челобитные и заявления, но вот само решение от них не зависело. Такое решение мог принять только опричный голова провинции, то бишь — светлейший князь Георгий Михайлович Воронцов.

И для того, чтобы попасть к нему на аудиенцию, нужно было преодолеть семь кругов ада. Ну, то есть — нет. С кругами ада было бы попроще, я бы кард с собой взял, гранатки — и, глядишь, как-нибудь бы прорвался. А тут — нужно было записаться на прием и дождаться своей очереди, а потом явиться лично в Тифлис, в Воронцовский дворец. Ну, или дворец Наместника Кавказского, если будет угодно. Глава опричного полка обычно автоматически занимал этот пост, и уже лет двести, как именно Воронцовы оставались его насельниками. За редким исключением…

Например, события, которые тут именовали Смутой или Мятежом Пустоцветов, по роковой аналогии происходившие тут, в местном Государстве Российском с 1917 по 1921 год, заставили могущество этой великой фамилии пошатнуться, но возвращение их в Тифлис было скорым и кровавым…

Но это — лирика. А по факту — я не мог просто так взять и набрать светлейшему князю. Мол — але, Михалыч, это Бабай, подсоби по-братски! Это так не работало. Воронцов являлся, когда ему хотелось, привлекал меня к решению тех вопросов, которые казались ему стоящими, и испарялся без предупреждения. Он же князь, черт подери! Имеет право на… На все, что угодно, почти. Тоже хочу быть князем. Только настоящим, а не помоечным.

Я пробовал связаться с Николенькой Воронцовым и с Петенькой Розеном, и с Лаврентием Нейдгардтом, но тщетно. Они, похоже, были вне зоны доступа — опричники же! Что угодно могли делать: где-нибудь в Латинской Америке мятеж против эльдаров поднимать или топить в крови уйгурское национально-освободительное движение, или — тыкать кол в жопу врагам

государства… Эти милые мальчики, обманчиво интеллигентные и приветливые, были цепными псами Грозного Государя — в первую очередь. И — не отвечали.

А больше подходов к князю у меня не было. Все предыдущие разы я выходил на него через молодых аристократов. Даже Рикович тут помочь не мог, хотя присягу принять согласился, хотя сразу и бухтел что-то про то, что, мол, я должен сидеть тише воды и ниже травы. Однако после моего рыка о том, что СВОИХ СНАГА Я НЕ БРОШУ, он осознал и обещал похлопотать о предоставлении ЧВК «Орда» права вербовать заключенных орочьего происхождения в свои ряды. Если, конечно, статьи, по которым зеленокожие, серокожие и синекожие отбывают наказание — не самые тяжкие. Я еще не решил — нужна ли мне такая привилегия, но, учитывая имеющийся в моем распоряжении инструментарий по социализации сородичей клыкастого племени — идея была в целом неплохая.

Об этом — и еще тысяче вещей — я мог думать в вагоне поезда «Сан-Себастьян-Тифлис». Почему поездом? Да просто — спать хотел. А тут — семь часов, вечером сел, утром приехал! Маршрут был популярным, потому — взял плацкарт. СВ не было, в купе урукам билеты не продавали. С какого хрена — я так и не понял. Фрида Хазенклевер-Дюрхденвальд, женушка Хуеморгена, пояснила, что купе считается семейным типом вагонов и, например, мама с двумя детьми или молодая семья с маленьким ребенком, получив в попутчики урука и оказавшись с ним запертыми в тесном пространстве, могли получить психологическую травму. По крайней мере — объяснение было именно таким. И именно поэтому же уруков до 21 года вообще в поезда не пускали. Только организованными группами, в отдельных вагонах. Так, например, таборные пацаны и девчонки в Читу на соревнования ездили… Говорят, на обратном пути им даже дверь заварили и еду через окошки передавали. Но это не помогло: они все равно бегали по крыше поезда и стучали машинистам в окна.

У нас по крыше никто не бегал. Уруков в поезде не было, кроме меня. Зато остальной каждой твари — дохрена и еще немного. Я насмотрелся на поездатую публику еще на перроне Сан-Себастьянского вокзала. С тех пор, как полгода назад полностью восстановили пассажирское железнодорожное сообщение, народ полюбил и освоил этот вид транспорта. Люди, гномы, снага, гоблины буйной многоголосой толпой осаждали проходящий состав «Карасун-Тифлис», имея какие-то неотложные дела в столице Кавказского Наместничества. Я даже толком не успел насладиться вокзальным житьем-бытьем, слишком долго

меня мордовали на кассе.

Вагон был забит битком! И отличался он от привычных мне плацкартов не так, чтобы сильно. Разве что — боковушек не было, сами по себе вагоны были пошире, и с обеих сторон от прохода располагались отсеки по четыре полки — две верхние и две нижние. Тут не было недостатка в розетках, везде ловила сеть — правда, довольно хреново, и проводник выдавал в аренду VR-шлемы для бесконфликтного времяпрепровождения. Эдакий бонус от РЖД по приемлемой цене. Так что примерно половина пассажиров лежали с надвинутыми на физиономии футуристическими штуковинами и подергивались в такт каким-то своим виртуальным приключениям. Конечно, их пристегивали ремнями, а то дергались бы по всему вагону…

Вторая половина пассажиров пользовалась еще одним бонусом от РЖД — дешевыми закусками. Напитки проводники тоже продавали, но из-под полы и несколько раз предупредив, что, буде кто-то попытается буянить, позовут начальника поезда и — все, филяйхт, аллес филяйхт. Может быть, даже аллес капут! Потому что, если проводницами работали в основном кхазадки, а машинистами — кхазады, то начальником поезда — охренительно огромный киборг монголоидной внешности. Его даже снага боялись, которые дико бухали в ближайшем к туалету отсеке.

Я попросил чаю в граненом стакане с подстаканником, потому как пить кофе в поезде — это ересь. И был приятно удивлен, когда проводница — очевидно баба тертая — спросила:

— Лимончику?

Конечно, я захотел лимончику и пачку печенья «SHAHMATNOE». И сидел некоторое время у окна, глядя на пролетающие мимо темные горы, огни населенных пунктов и провалы туннелей, и пил крепчайший чай с бергамотом, и грыз печенье.

На одной верхней полке дергался и стонал тщедушный студентик с VR приспособой на морде — явно либо трахал иллюзорных девок, либо — убивал иллюзорных монстров. На второй полке с рычанием и ворчанием храпел носатый кхазад, и его пышная борода самым натуральным образом взлетала над объемным пузом при каждом приступе храпа.

А напротив меня, на нижней полке, в самой развратной позе задремала толстая старая снага, облаченная в невероятного цвета ночнушку, которая задралась до неприличия. Вот где настоящая хтонь-то! От такого зрелища даже чай в глотку не лез, так что я сунул под подушку тощий рюкзак с документами и парой смен белья, снял ботинки и вытянулся на полке, намереваясь поспать.

Конечно, каждая сволочь, которой среди ночи приспичило переться в туалет, запиналась о мои торчащие в проходе ноги и материлась сдавленно, потому как такого размера ноги могли принадлежать либо уруку, либо троллю, а троллей возили обычно в теплушках, поэтому эмоции свои пассажиры старались сдерживать.

* * *

Растолкали меня самым бесцеремонным образом. Проводники вообще народ бесстрашный, им что орк, что эльф — все едино:

— До Тифлиса двадцать минут, успейте сходить в туалет! — дергала меня за ногу эта дщерь подгорного народа. — Очередь уже!

И на кой хрен будить, если уже — очередь? Мы, уруки — народ терпеливый. Я сел на полке, очумело мотая головой, тут же мой взгляд уставился на развратную снажью бабку, которая совершенно никого не стесняясь (нет такого чувства у снага, как у уруков — страха, а у кхазадов — благотворительности) заправляла свои прелести в костюм леопардового цвета. За что мне это все? Расплата за один-единственный приятный вечер за полгода?!

Ухватив рюкзак, я мигом сложил белье, сдал его проводнице и оставшуюся часть пути проторчал в тамбуре, потому что смотреть на этот мрак дальше я попросту не мог. Стуча колесами, поезд, постепенно замедляя ход, подъезжал к светлому зданию вокзалас высоким шпилем и колоннадой по периметру. А я запоздало подумал, что жутко лоханулся и не уточнил статус Тифлиса: а ну, как опричнина? То есть, запись на прием к Воронцову давала мне право нахождения в городе, но я никогда не бывал в опричнине и мог здорово напортачить. Все-таки отношение к урукам тут было весьма специфическое…

Слишком специфическое. Я не успел спрыгнуть на перрон следом за дебелой проводницей, как вежливый голос с едва заметным кавказским акцентом произнес:

— Доброе утро, господын Сархан. Тифлисское отдэление Сыскного приказа, подьячий Кобаши, подьячий Жордания. Пройдемте?

Мне оставалось только обернуться к этим двум коллегам Риковича и философски развести руками:

— Пройдемте, что уж там! — похоже, ознакомиться с местными достопримечательностями мне не светило по

определению.

* * *

Глава 10
Тучи сгущаются

— Ну, вы же понимаете, — подьячий Жордания курил дорогие ароматные сигареты одну за другой, и вся пепельница уже была полна окурков с золотыми ободками на фильтрах. — Ваша персона — на особом контроле. Как минимум — по трем причинам. Что значит — забыли?

Коренастый, с крепкой толстой шеей, мясистым носом, густыми черными бровями и гладковыбритым лицом, он представлял собой тот самый тип грузина, который чаще всего имеют в виду, думая об этом народе.

— Ну, вот так вот! Замотался, забегался! — я и вправду накосячил с этой подпиской о невыезде, о которой говорил Скворешня.

Формально я ведь ничего не подписывал, даже в электронном формате. И под протокол официального видео не делалось. Но кого это волновало? Киборги обычно писали всё происходящее на глазную камеру в режиме онлайн, и Скворешня исключением не был — перестраховался.

— Ну, господин Сархан, это нэ серьезно, — акцент был едва заметным, но нет-нет да и проскакивал. — Что там такое важное могло происходыть, чтобы вы забыли слова представителя органов правопорядка.

— Свидание у меня было с девушкой, впервые за полгода, это раз, — на манер одного знакомого барабанщика сказал я. — Ко мне в гости приехала любимая музыкальная группа — это два! И сегодня у меня прием у его светлости князя Воронцова — это три. Гляньте мой планшет, там на почте — уведомление о времени и месте. Воронцовский дворец, Тифлис, сегодняшнее число, одиннадцать ноль-ноль. То есть — через час.

— А… — подал голос подьячий Кобаши. — Ваха, это правда — серьезные вещи. Парень молодой, горячий, и дэвушка — первый раз за полгода. Сам понимаешь — даже наместник на второй план отходит!

Этот был худой, высокий и хлесткий, в отутюженной до зеркальной глади рубашке и брюках со стрелками, о которые можно порезаться.

— Не, ну ты не горячись Мишико… Как — на второй план? Почему — на второй план?! Даже вон — дарагой господин Сархан ответственно к вопросу подошел: сел и приехал в Тифлис. Такого человека, как светлейший князь, нэльзя на второй план. А

дэвушка там или нэ дэвушка…

— Вот! — добрый полицейский (то есть — сыскарь). — Маладэц он, этот дарагой Сархан! Все правильно делает! Что мы его тут душу мотать будем? Подвезем ко дворцу, потом — отвезем обратно на вокзал или служебным транспортом прямо в Сан-Себастьян отправим…

— Какой служебный транспорт, что ты такое говоришь? Ты ситуацию знаешь? Зачем тогда погоняешь? — подкинулся внезапно Кобаши, а я навострил уши. — Где ты лишний транспорт теперь возьмешь?

— Да я как приехал, так и уеду… — заикнулся я. — Никаких проблем. Правда — Тифлис посмотреть хотел, погулять…

— Какой гулять, совсем дурной? — переключился на меня Кобаши. — Опричный город, на особом положении сейчас… Эть!

Он захлопнул рот и гневно засверкал очами. А я удовлетворенно кивнул: наверняка, на особом положении не только Тифлис. А еще — Эривань, Баку, Нахичевань, Карс, Эрдохан и другие близкие к границе с Османской Турцией крупные города. Почему в Сан-Себастьяне не объявляли? А мы всегда на таком положении. У нас Хтонь под боком.

Наверняка в Буковине и Бессарабии такая же история. Чует мое сердце — мы на пороге грандиозного шухера! И балканские упыри, пришедшие к власти на волне антитурецких настроений, которыми кровососы пользуются со времен легендарного Цепеша, теперь продались султану с потрохами. Точнее, даже не султану, а Большому Дивану. Не в смысле предмету мебели, а в смысле — госсовету Высокой Порты, она же — Турция. Султан там нынче какой-то инфантил вроде, но это не точно…

А Османская Турция тут — это такая хреновина на половину всего Средиземноморья, включая Малую Азию, Палестину, Северную Африку до самого Марокко и весь Аравийский полуостров. Держава мирового уровня, учитывая численность населения, полезные ископаемые и свирепость самих османов. Османами в Турции тут величали одаренных, намекая на один из вариантов перевода этого самого имени — Осман, Усман, Асман — «небесный, благословленный небесами», и на второй — «героический». Поэтому Османская империя, она же Османская Турция или Высокая Порта была государством одаренных и для одаренных — в самой худшей и уродливой его форме. А корпус янычаров состоял из мальчиков-пустоцветов, да…

— Ау, господын Сархан, вы с нами? — пощелкал пальцами Жордания. — О чем задумались?

— О янычарах, господин подьячий, — не стал отнекиваться я.

— Ох и суки, ох и суки… — закивал головой сыскарь. — Как

представлю их в компании с гайдуками в прямой видимости от линии окопов, так рука и тянется к гашетке пулемета! Нет, вояки с опричниками без нас не справятся. Государь призовет верноподданных под свои знамена, может, и мобилизация будет… Завэрбуюсь, мамой клянусь, пусть начальство хоть на говно исходит. Если Государь поднимет хоругви — пойду, завэрбуюсь в первых рядах! Давить их надо изо всех сил, христопродавцев и кровососов! Рэзать, рэзать всех!

Кобаши молча курил в сторону дорогущие сигареты. У него явно был свой взгляд на вещи, у этого доброго полицейского.

— Давай, отвезем эту персону во дворец, — наконец, сказал он. — Опять возьмем закрытый броневик, посадим его в десантный отсек…

— Мужики, ну что вы как эти? — всплеснул руками я. — На опричнину посмотреть охота! Никогда не видал, только издали!

— Насмотришься еще… — подьячий только отмахнулся. — Да и Тифлис опричный статус только лет двадцать, как приобрел, так что особой разницы с сэрвитутом не замэтишь. Поехали, Ваха. Если записан на прием к одиннадцати — доставим в половину, и пусть там в приемной трется.

— Я видел, как сражаются урукские грэнадеры! — хлопнул меня по плечу горячий подьячий. — Я в мотопехоте служил, пять лет. Надеюсь, увижу тебя на фронте, будем вместе рэзать гадов и по ту, и по эту сторону Черного моря. Гнать османских собак и их упыриных прихвостней до самого Истанбула!

Мне от всего этого становилось откровенно не по себе. Большая война? Между двумя мировыми державами? Спасибо, не надо. Я за бытность мою в шкуре Бабая Сархана уже получил хорошее такое представление о возможностях местных техномагических средств смертоубийства, и они произвели на меня самое гнетущее впечатление. На кой хрен годами учиться махать кардом и делать татау, если сверху прилетит вызванный магом метеорит и раскатает тебя в блин за пятьдесят километров от линии фронта? Или на твой город обрушится землетрясение, ураган, цунами? Или во время привала на марше стоянку накроет кассетным боеприпасом, или с самолета на башку сбросят бомбу с УМПК, или башку тебе десять раз прострелит снайпер из рунической винтовки с артефактными пулями типа тех же нахичеванских «розочек»?

А можно меня в Хтонь, с Ктулху бодаться? Нет, определенно — я был чертовски прав, когда решился регистрировать ЧВК. Каждому инструменту — свое применение. Резать хлебушек бензопилой и забивать гвозди микроскопом, конечно, можно. Как и скальпелем лес валить. Но получится откровенно хреново.

Может быть, удастся достучаться до Воронцова?

* * *

Не знаю, чего еще такого особенного было в опричнине, но за классическим, псевдо-античным фасадом Воронцовского дворца пряталось будущее. Ну — так, как мы его себе представляли в детстве: с движущимися дорожками на полах, огонечками по стенам, плазменными экранами и голограммами повсюду, раздвижными дверями, человекоподобными роботами, людьми в одинаковых унисекс-комбинезонах, которые за стеклянными перегородками с глубокомысленным выражением лица вазюкают пальцами по прозрачным панелям со странными графиками и символами…

Похоже, именно тут располагался центр управления Наместничеством. И все эти моложавые-худощавые-ухоженные люди были опричными жителями. Слишком здоровые, слишком красивые, слишком в себе. В сервитуте у нас народ больше наружу смотрит, потому как от окружающего мира ждет разнообразных подлостей и гадостей. А тут вот целая куча специалистов, которая может позволить себе быть интровертами…

Подьячим явно было тут не по себе, они, похоже, недавно работали в опричнине, до получения звания подьячих, небось, считались обычными земскими ярыжками. И потому с видимым удовольствием передали меня с рук на руки некой местной снежной королеве модельной внешности. Девушка была примечательная и непримечательная одновременно: никакой косметики, пронзительный взгляд голубых глаз, пепельного цвета волосы скручены в узел на затылке, на аккуратненьком носике — очки дополненной реальности, одета в белый комбез, на ногах — что-то типа чешек или балеток…

— Господин Бабай Сархан, я полагаю? — спросила она официальным тоном. — У вас полчаса до встречи с наместником. Можете подождать в лаунже.

Я осмотрел ее с головы до ног, оценив аккуратную грудь эдак второго размера, узкую талию и длинные ножки. Но воспринять ее как женщину все-таки не смог. Тьфу, не человек, а сплошная функция!

— А лаунж — это где? — спросил я, жутким усилием воли подавляя желание то ли зевнуть во все горло, то ли плюнуть под ноги, то ли сделать ей какой-нибудь сальный комплимент, чтобы только вывести ее на живую реакцию.

— В приемной. Пройдемте. А вы можете удалиться, господа подьячие, более в вашем участии нет необходимости…

Обернувшись к сыскарям, я растерянно пожал плечами:

— Спасибо, господа. Отправьте весточку обервахмистру Скворешне, что я не сбежал, а по делу…

— Отправим! Всего хорошего, господин Сархан! — они переглянулись. — Но мы надолго не прощаемся. Посадим вас на поезд, так и знайте!

— Ага, ага, — и я заторопился за девушкой в белом.

Как, бишь, ее там? Я понятия не имел, как ее зовут, может, эти люди будущего по вайфаю именами-фамилиями обмениваются напрямую из мозга в мозг, или сквозь свои очки видят над головой друг у друга там количество хитпоинтов, уровень и, но я-то был динозавром из дикой Хтони и потому все искал возможности познакомиться. Без всякой задней или передней мысли, просто — нравилось мне, когда со мной на личном уровне общаются, а не сквозь призму функции.

И, наконец, я увидел шанс. Точнее не шанс, а…

— А-хм! — перед началом неформального общения мне пришлось прочистить горло, становясь на движущуюся часть пола. — Простите, не знаю как вас по имени-отчеству…

— Диана, — не поворачивая головы, ответила Диана.

Она-то прекрасно знала, как управляться со всеми этими футуристическими штуковинами, которыми был битком набит Воронцовский дворец, чувствовала себя тут как рыба в воде. А я боялся, как бы не ляснуться башкой о какой-нибудь технологичный канделябр или не задеть плечом угол стены, который огибала ползучая дорожка. Как это вообще было возможно — двигаться почти под прямым углом? Как был устроен этот сраный пол? Но пол — это полбеды. Суть вопроса заключалась в другом:

— Диана, у вас на попе нитка. Красная, — как можно более житейским тоном проговорил я. — Хотите — я сниму?

Видимо, это было последнее, что она ожидала услышать от урука, и потому резко обернулась и возмущенно фыркнула:

— Вот еще! Я са… — мы как раз проезжали тот самый поворот, так что она все-таки потеряла равновесие и чуть не брякнулась с движущейся ленты, замахав всеми конечностями, и мне пришлось поймать ее самым нелепым образом и вместе с пищащей Дианой на руках сквозь раздвижные двери въехать в приемную к светлейшему князю.

— И-и-и-и! — верещала девушка будущего и шевелилась во все стороны, принимая самые причудливые позы. — Пусти, чудовище! Насилуют!

— Да падажжи ты! — пыхтел я. — Дай, я тебя правильной стороной на пол поставлю! Дались мне твои тощие прелести!

— А-ха-ха-ха! — Воронцов зачем-то вышел в этот самый лаунж и теперь помирал рядом со стойкой администратора, наблюдая за моими попытками справиться с ситуацией. — Цирк с конями! Кино и немцы! Бабай Сархан собственной персоной! Я уже начал скучать по твоей дичи!

— Это не дичь! Это девушка! — я шагнул с движущегося тротуара и наконец повернул ее ногами вниз и поставил на пол. — Кажется, Диана зовут. У нее нитка на попе была, я вежливо об этом сказал, а она…

— Он хватал меня! — очки у Дианы перекособочились, прическа растрепалась, комбинезон задрался, и вообще она стала гораздо красивее, чем была за пять минут до этого. — И тащил!

— Спас от падения с этой… Этой…

— Траволатор, — сказал Воронцов. — Меня он тоже бесит. На кой хрен людям ноги, м? Развели, понимаешь, средства индивидуальной и массовой мобильности, гироскутеры всякие, электросамокаты, теперь еще траволаторы… Так скоро и кусок мяса от тарелки до рта доносить будет квадрокоптер! Тошно, Бабай, да?

— Тошно, Григорий Михайлович, — кивнул я.

— Пошли в кабинет… Предыдущего посетителя я через окно выкинул. Наглец, каких поискать, подрядчик, тоже мне…

— Дефенестрация! — щегольнул умным словом я.

— А? — удивился светлейший князь.

— Ну, вы обогатили мой словарный запас словом «траволатор», а я вот теперь вам говорю, как будет на умном наречии называться акт выбрасывания кого-либо из окна. У меня ручной гоблин имеется, я его многосложные слова учу правильно говорить и сам порой тоже… Хватаю по верхам.

— О как! Действительно, так гораздо интеллигентнее звучит, — с задумчивым видом почесал подбородок Воронцов. — Диана, будь добра, распорядись, чтобы последствия учиненной мной дефенестрации соскребли с асфальта и отправили в клинику. Этот Юсуф — дерьмо, а не человек, но я, пожалуй, погорячился… Заходи-заходи, Бабай, я знаю, что с ерундой всякой ты бы ко мне лично не приехал. Вон в то кресло садись и излагай!

* * *

Я выдохся минут за десять, показывая и рассказывая. У меня с собой были карты с отмеченными Хтонями. Целый распечатанный

на бумажке гайд с собранной из открытых источников и закрытых чатов сталкерско-охотничьей братии информацией по флоре и фауне аномалий и прорывов обоих предполагаемых театров боевых действий. Ну, и список активного личного состава Орды, материально-технических средств, прямо сейчас готовых пойти в дело, и возможное число добровольцев-орков, которые стекутся под знамена с Белой Дланью, буде я обещаю им оружие, одежду, еду и трофеи.

— Мы готовы послужить Богохранимому Отечеству и Грозному Государю, — закончил я. — Но дайте нам возможность делать это там, где наши таланты, средства и способности будут максимально эффективно применяться! Я не знаю, может — изобретаю велосипед, но скажите мне как опричник, наместник и офицер — как решались и решаются вопросы антихтонической защиты в тылах воюющей армии?

Воронцов все это время сидел мрачнее мрачного и ответил на мой вопрос одним словом:

— Хреново, — а потом встал и прошелся по своему суперсовременному кабинету, в котором тоже присутствовали все эти прозрачные панели, голограммы и всякая технологичная хрень. Разглядывая, как за окном убирают дефенестрированного Юсуфа, он проговорил:- У тебя на электронном носителе выкладки твои есть? Я отправлю их в Александровскую Слободу, они посчитают примерную эффективность и спрогнозируют уровень потерь… Не криви рожу, я понимаю, что прогнозы и Хтонь — это оксюморон… Но мы уже сталкивались с провокациями упырей в Аномалиях, ты лучше кого бы то ни было об этом знаешь, на своей шкуре испытал. Так что твоя идея может и сработать. Благо — ты предлагаешь самофинансирование и просишь только боеприпасы, продовольствие и общую поддержку… Но будь готов, Бабай, ответить за свои слова.

— В каком смысле? — напрягся я. — Я вроде всегда за базар отвечаю, если обещал чего — стараюсь выполнять.

— Использовать твои таланты наиболее эффективно — это ты сказал, а не я, — он вперился в меня взглядом. — Ты готов к этому?

— Я нас, то есть Орду, вот что я имел в виду… Но и сам готов. Если это поможет сберечь жизни ордынцев и вообще — сделать надвигающуюся бурю чуть менее смертоносной, вот он я, ваша светлость. Командуйте, — спрыгнуть не было никакой возможности, так что с бледно-мертвенным лицом я держался молодцом.

— Найдется, кому покомандовать, — вздохнул он. — Тут тобой интересуются на таком уровне, что и говорить не стоит,

досье затребовали, психологический портрет, просят дать характеристику возможностей как Резчика и оценить уровень способностей как лидера и организатора. Их интересует мое личное, субъективное мнение, вот что страшно.

— Ох, мать! — сказал я. — Вихри враждебные веют над нами…

— А че-о-о-рт его знает, Бабай. Может, оно и к лучшему? — но, по всей видимости, в эти свои слова сам Георгий Михайлович не очень-то и верил. — Частную военную компанию я зарегистрирую, тут моих полномочий хватает. Я вот только понять не могу, зачем ты лишние сущности плодишь и одно юрлицо не сделаешь?.. Ну — это твое дело. А вот про набор добровольцев и всё остальное — этого решения придется подождать. Тебя в Сан-Себастьян подбросить? Как раз кофе в «Орде» попьем, ненавижу всю это бодягу из эспрессо-машин… Сваришь мне как положено, на песке, чтобы по потолку бегать?

— Сварю… — обреченно кивнул я.

Воронцов взял меня за руку, и я почувствовал запах озона, в голове потемнело, раздался грохот, как будто ломалось что-то деревянное, а уже через секунду я услышал такой родной хриплый голос, который с нескрываемым удивлением произнес:

— Хуеморген, ять!

И в нос шибанули ароматы крепкого кофе, жареного мяса, пороха и каленого железа.

* * *

вот здесь, на этом самом месте можно поставить лайк, потому что следующая глава будет платной и не только лишь все смогут ее прочесть, мало кто сможет это сделать.

да не, фигня. если у вас финансовые трудности — вы всегда можете подождать скидок, они будут очень скоро. А если нет возможности оплатить — напишите, скину промо. Какая мне разница, скачаете вы на цокольном или у флибустьеров, или почитаете тут? правильно — разница есть, тут мне часы чтения накапают хотя бы, и ваши драгоценные реакции)

Глава 11
Бабайская Яса

Я проклял тот день, когда придумал набирать добровольцев из снага. Это говнистое семя выбесило меня в первый же час военно-полевых учебных сборов, которые я по разрешению муниципалитета устроил на побережье, у самого прорубленного мною нового выхода из Вороньей пещеры. Да, я решил обкатать систему набора вояк в свою ЧВК пока только на Сан-Себастьянском сервитуте — но и эти пять сотен зеленокожих оглоедов, которые приперлись в самый первый день после размещения объявления в сети и местных газетах, меня капитально достали.

Они обосрали весь пляж, обоссали деревья, заплевали и замусорили решительно всё вокруг себя, устроили сорок четыре драки один на один и восемнадцать коллективных потасовок, сломали половину палаток и спровоцировали на грубость даже невозмутимого Хурджина! Короче, оглядывая со склона горы стойбище дикарей, в которое эти клыкастые падлы превратили заботливо устроенный силами Орды палаточный лагерь, я сильно, очень сильно бесился. Даже сильнее, чем в тот день, когда мы с Воронцовым телепортировались в середину той самой легендарной бочки, оказавшись лицом к лицу в весьма стесненных обстоятельствах. Бочка-то была вмонтирована в барную стойку «Орды»… Как там в анекдоте? Бочечку отремонтировали, но осадочек остался.

Теперь же, бросая взгляды на происходящую в лагере дичь, я все больше уверялся в правильности избранного мной пути. И считал секунды.

— … девятьсот двадцать девять, девятьсот двадцать восемь, девятьсот двадцать семь… — нужно было проверить новую способность, открывшуюся внутри меня после очередной свистопляски золотого эфирного ветра вокруг татау тут, в этой самой Пещере Крубера.

Мне казалось — теперь я с точностью до секунды могу предсказывать Инциденты. И сейчас должен был начаться один из них. Хтонь эманировала сильно, а снага на берегу плевать хотели на всякие эманации, хотя изнутри пещеры уже раздавались топот и рёв. В этот самый момент клыкастые новобранцы матом покрывали Хурджина и других ордынцев, которых я послал в качестве своих эмиссаров — организовать раздачу пищи и снаряжения и выработать режим караульной службы. Что ж,

имеющие уши да слышат! А если нет — то горе им, тьма кромешная и скрежет зубов.

Можно было сказать с уверенностью: добровольцы-снага не вняли. И тролль, и остальные ордынцы ушли из лагеря, сопровождаемые плевками и улюлюканьем.

Я не знаю, на что они рассчитывали, когда поперлись под мои знамена вербоваться в ЧВК. Может быть, надеялись, что я поведу их громить пляжи Трабзона и далее вглубь Малой Азии за зипунами и мягкими турецкими женщинами из гаремов? Я вообще понятия не имею, какова была орочья мотивация. Вроде как и моя омерзительная шестерка первообращенных снага и их адепты из ордынских стройотрядов всё доходчиво объясняли, а поди ж ты — снага есть снага! По одному выдерни да пообщайся — покажутся вполне вменяемыми персонажами. Вспомнить хотя бы тот же Орск! Ну да, говнистые, хулиганистые, дерзкие, думают едва ли на сутки вперед… Но мало ли таких типов среди других рас и народов? А вот собери их в кучу хотя бы числом в пять особей, да оставь повариться в собственном соку хотя бы пару часов, без присмотра со стороны авторитетного лидера — и получишь… Получишь вот такое вот тупое стадо, способное только на самые простейшие реакции и действия. В основном — животные и агрессивные.

Подумать только: они сожрали весь паек, заготовленный на неделю, за три часа! И теперь их животы раздуло как барабаны, и они страдали и мучились от кишечных колик, но были чертовски довольны. А как же — набили брюхо! Это успех!

— … четыре, три, два, один — поехали!

— БРОАР!!! — из зева пещеры выскочило сразу пять слепых троллей.

Да, да, солнце уже садилось, наступали сумерки… И хтонические твари неплохо могли ориентироваться на шум и запах! А отожранные и растащенные снага неплохо могли только лежать под мимозой и пердеть со страху! Все остальное получалось у них откровенно хреново. Чудища кинулись в толпу орков,как волки на отару овец, и принялись хватать снага одного за другим и потрошить на месте.

Я и не думал вмешиваться и соратникам запретил.

Следом за троллями из пещеры бурным потоком выплеснулась толпа осклизлых гоблинов и снага. Осквернённые Хтонью, ослабленные, слепые, они были почти безопасны для подготовленного бойца, но на очумевших орочьих добровольцев произвели самое ужасающее впечатление. Крики и вопли стояли по всему лагерю! Мало кто из кандидатов в чвкшники подумал об оружии: большая часть носилась как припадочные и вопила в

оголтелом исступлении, становясь легкой добычей.

— Фиксируешь, Кузя? — этого можно было не спрашивать.

Гоблин, конечно, фиксировал. Те зеленокожие клыкастые пацаны, которые вооружились дрекольем, костровыми приспособами, ножами и пластиковыми распорками для палаток, заслуживали внимания и уважения. Они вступили в бой с тварями — и многие погибли, но кое-кто… Кое-кто из них сражался весьма достойно, организовывая вокруг себя очаги вооруженного сопротивления.

Когда ситуация в лагере достигла критической точки, и на поверхность из недр Вороньего Прорыва выбрались осквернённые Хтонью уруки, я встал в полные рост и заорал:

— Лок-тар ога-а-ар! — и ордынский отряд числом в полсотни бойцов в полном боевом облачении мерной поступью двинулся вниз по склону.

Щиты, карды, тесаки, топоры, алебарды, обрезы с самыми разнообразными типами боеприпасов, огнеметы и гранаты для самых тяжелых случаев — тактика была отработана на десятках пережитых и перемолотых Инцидентов. Суть задачки каждый раз сводилась к одному и тому же: как при минимуме затрат убить наибольшее число тварей, извлечь из них максимальную прибыль и остаться в живых?

Мы вошли в лагерь и катком прокатились по нему вдоль и поперек, уничтожая тварей и втаптывая в землю и избивая снага. Я специально приказал использовать только холодное оружие, обрезы оставались в портупеях. Даже Евгеньич — этот любитель крупнокалиберного огнестрела — сегодня орудовал длинным тяжелым тесаком и прикрывался стандартным квадратным щитом, сваренным из листовой стали гоблинами.

Наш отряд был максимально интернациональным: я, Шерочка и Машерочка — от уруков, от кхазадов — Хуеморген и четыре бородатых гнома, из старых еще, Щербатовских громил, все выжившие снага из омерзительной шестерки и десятка два их стройотрядовцев, Кузя с Капитошкой и Парамошкой — от гоблинов. Ну, и Евгеньич, Перепелка и другие мужики из старых ордынцев — от людей. Всё это делалось ради демонстрации наших намерений и вдалбливания в мозг зеленокожих простой истины: в Орде — всё для всех, и все за всех, и один за всех, и все за одного! Да, да, я толкал в массы мушкетерский девиз, потому что ничего более краткого и емкого не придумал. Я урук, а не писатель, чтобы красивости всякие придумывать, сукападла!

Нам хватило полчаса, чтобы залить лагерь кровью тварей и привести снага к покорности. Накрошить подслеповатых гомункулов, в которых под воздействием Хтони превратились

гоблины, снага, уруки и тролли, в принципе проблемой не стало, главное — работать вместе, рубить сильно, действовать решительно! Мы сложили все трупы тварей и умерших бесславной смертью добровольцев рядами, а выживших снага, числом сто семьдесят, поставили на колени прямо перед этой инсталляцией.

— Вы, мрази, кем себя возомнили? — задал риторический вопрос я, прохаживаясь вдоль рядов охреневших от образовавшейся ситуации зеленокожих. — Великими бойцами? Крутыми пацанами? Свирепыми хищниками? Посмотрите — эти три мелких гоблина прикончили больше тварей, чем каждый из вас! Вы — ничтожное попугайское дерьмо, слышите?

Снага молчали, глядя в землю. Униженные и оскорбленные, ять!

— Я так-то не слышу ответа! А ну — отвечать атаману! — рявкнул Хурджин и с разгону прописал удар пыром прямо в хлебальник одному из орков.

Тот со свистом улетел в сторону моря. Не, забодать даже тролля — это надо уметь. Снага — умели.

— Да, да! — нестройным хором откликнулись орки. — Слышим, пан-атаман!

Это я — атаман. Ну, а кто же еще? Воронцов мне и грамоту выдал соответствующую. Для орочьих войск других титулов, кроме как казачьи, и не предусматривалось тут. Для ЧВК, впрочем, тоже. Так что мне с обеих сторон подходило — ордынский походный атаман Бабай Сархан! Звучит, а? Можно грудь выпячивать и гордиться, хотя пока что особенно нечем.

— Так вот, сукипадлы! Для таких случаев у нас предусмотрено только одно наказание… — мне было самому мерзко говорить такое, но другого выхода с этим племенем не было. — Децимация. Слыхали, что это? Знаете, как я поступил с мракобесами из Пампасов?

Горестные вой и рычание были мне ответом.

— Вас было пятьсот. Пятьсот сраных никчемных самоуверенных выскочек, которые за каким-то хреном приперлись под мое знамя, посчитав себя достойными воевать рядом с моими бойцами! Все вы заключили со мной контракт на полгода. Никто вас не заставлял. И ни одна зеленая падла не прочитала, что в нем написано, с начала и до конца! Вы — дебилы, — горестно вздохнул я. — Так что было вас пятьсот, а станет — пятьдесят. Тем, кто в бою добыл оружие — мы его оставляем… Храбрость и находчивость поощряется! Кузьма — займись. У кого был нож — дай ему нож. У кого была палка — дай ему палку. Мне похрен, воблоеды, делайте что хотите — через полчаса тут должно

остаться в живых пятьдесят самых свирепых сукиных детей, которых мы будем учить, как положено, гонять, как сидоровых коз, и заботиться о них, как о родных доченьках, потому что уже через месяц Орда будет чертовски большой, и мне нужны будут есаулы!

Они все еще отказывались понимать происходящее, и потому я перешел на гроул, выплескивая в низкий, свирепый рев всю досаду и злобу сегодняшнего дня:

— ПОБЕДА ИЛИ СМЕРТЬ!!! ЛОК-ТАР ОГАР!

И разразился ад.

* * *

— А не слишком? — спросил Воронцов, который наблюдал за всем этим воспитательным мероприятием с того же самого склона, и теперь спустился к нам. — Нет, мне на самом деле наплевать, что ты угробил четыреста пятьдесят снага. Скоро их будет гибнуть столько же, и даже в два раза больше — ежедневно. Но ты ведь говорил, что хочешь сберечь жизни!

Я мрачно кивнул:

— Да, то, что я делаю — чудовищно. Меня от самого себя блевать тянет. Но — увы, с орками по-другому это не работает. Вы пытаетесь подходить к снага с людскими мерками. Но… Нет одинаковых рас! Мы не равны по определению, испокон веков! У нас разная психика, гормональный фон, реакции и мотивация… Со снага жить — по снажьи выть! Да, в Риме децимация обозначала гибель каждого десятого легионера из обратившего тыл отряда. Но это были люди! Снага плюнут и разотрут, если погибнет каждый десятый. Ценность жизни для зеленокожих, которых рождается у мамки по шесть за раз, а помирает большинство до тридцати — несоразмерно меньше человеческой! Им просто срать вприпрыжку на смерть каждого десятого сородича… Потому они и плюнули на наши предупреждения об угрозе из Прорыва, потому проигнорировали все остальные слова. Слова для них ничего не значат. Только — действия, жестокие и решительные. Приходится использовать принцип меньшего зла. Они не понимают, насколько все серьезно, пока не начнут подыхать сами. Или пока им не вдолбит серьезность момента в тупые бошки кто-то очень, очень авторитетный. Я потому и шел в первых рядах ордынцев, и орал на охреневших придурков сам, чтобы их пробрало до печенок. Эти пятьдесят выживших зеленокожих станут есаулами — чертовски преданными. Они будут на меня молиться и боготворить меня, потому что прошли

по смертной кромке, а потом — обретут могущество, доселе ими даже не воображаемое! И мне не придется проводить еще одну децимацию для следующей тысячи. Или двух тысяч. Или — пяти. Тактика отработана еще на Маяке, плавали — знаем… Они намертво запомнят и понесут в орочьи массы простые постулаты: один за всех и все за одного! Победа или смерть! Вот вам и первые две заповеди Бабайской Ясы. Третью тоже можно сразу добавить: чем больше сила, тем больше ответственность.

— А это к чему? — глянул на меня светлейший князь, явно впечатленный.

— Татау получат только достойные, — пояснил я. — Те, кто останется жив из этих пяти десятков через десять дней — получат реанимацию и станут быстрее, выше, сильнее. И смогут закатать в бетон любого из своих подчиненных.

— Мотивация, однако… Нет для орка ничего более сладкого, чем рост личной силы и могущества…

— Только для орка? — хмыкнул я.

— Не только, — согласился он. — Но мы сейчас говорим о снага. А как же олог-хай, и уруки? Да и гоблины — сильно отличаются от зеленокожих. Ты сам об этом говорил только что… Я так понимаю, что с ними такой номер не пройдет, да?

— О, да. Тролли сделают так, как посоветуют им духи предков. А духи предков ради того, чтобы посмотреть на «макарену» от десяти тысяч орков, сделают всё, что скажу им я — через Хурджина. Поэтому у меня будет что-то около двухсот или трехсот тяжелых олог-хайских пехотинцев уже через две недели. Что касается гоблинов… Они так освоились, вросли в коллектив, можно сказать. Кажется, гоблинов у меня даже больше, чем людей — они чуют выгоду и сбегаются на поживу, как тараканы. Следуют за крысиным королем, то есть за мной — на данный момент. Потом, правда, если Акелла промахнется, они растерзают меня и поджарят на костре, и сожрут, приговаривая про сто двадцать килограмм легкоусвояемого уручьего мяса, но пока — гоблины со мной…

— А уруки? — поднял бровь его светлость, попадая по самому больному месту.

Но виду я не подал и ответил невозмутимо, хотя мне это дорогого стоило:

— А уруки пойдут в Гренадерский Корпус. Там веселее, меньше работы и больше крови. Мне достанутся только инвалиды и уручья мелочь… Но даже покалеченный урук — это великая сила, они тоже будут у меня есаулами. В конце концов — есть аугментация и другие варианты. А что касается гребаных папуасов десяти-пятнадцати лет… Их мы будем сбрасывать на

вражеские позиции с дельтапланов вместо бомб с сибирской язвой!

Воронцов хрипло расхохотался. А потом сказал:

— Месяц. Кажется, у тебя будет месяц. Я договорился — Августейший Атаман всех Орочьих Войск походатайствует, чтобы ЧВК «Орда» сформировала из своего числа отряды тылового хтонического охранения. Можешь начинать подготовку — вас перебросят на Карпаты, к Паннонской Хтони.

— К Инферно… — задумчиво проговорил я.

— Кавказ — и так слишком сложный регион, чтобы проводить тут такие эксперименты, — не обратил внимание на мою реплику Георгий Михайлович. — И да, Грозные не против, чтобы ты забрал с собой хоть всех кавказских орков. И, кажется, будут не против, если ты угробишь их всех, и…

— … и угроблюсь сам, — вернул кривую ухмылку я. — Не дождетесь!

— Ну-ну… — светлейший князь потер лоб ладонью. — Ладно. Будем считать, моя надзорная миссия была успешной. Занимайтесь.

И под раскаты далекого грома исчез.

* * *

— Это моя алебарда! — орал есаул, вышагивая вдоль марширующей колонны снага. — Таких алебард много, но эта — моя!

Орки хором повторяли за ним каждую из фраз, в сотый или тысячный раз за эту ночь. Пехотинцы Орды двигались на Запад под покровом тьмы по обочинам самых пустынных дорог, чтобы не чинить препятствий регулярным войскам и мирным обывателям, которые предпочитали белый день черной ночи. Ночь — друг и союзник орков!

— Моя алебарда — мой лучший друг! — надрывался зеленокожий мускулистый молодчик с ирокезом, один из той выжившей полусотни, и хриплые глотки тысяч добровольцев-снага вторили ему так, как будто от этого зависело всё их существование. — Это — моя жизнь! Я должен научиться владеть оружием так же, как владею своей жизнью! Без меня моя алебарда бесполезна! Без моей алебарды бесполезен я!

Я курсировал на мотоцикле вдоль рядов своего воинства, контролируя марш и вдохновляя своим великим и ужасным бабайским присутствием тех, кто еще сомневался в правильности принятого решения — стать ордынцем. Ну, и решал вопросы

логистического характера: пока авангард на фургонах занимался установкой одного лагеря — впереди, где Орда остановится на дневку — арьергард собирал второй, покинутый на закате. После нас оставалась только вытоптанная земля, ни единой мусорины или испоганенного здания, ни одного обломанного дерева! Это был принципиальный вопрос. Ведь четвертым, пятым и шестым постулатами Бабайской Ясы стали пункты о необходимости мыть руки и поддерживать чистоту и порядок вцелом, запрет на матерщину при женщинах и категорический запрет на вытирание хрена об занавески. Мы хотели считать себя хорошими парнями, и старались, как могли.

Бесконечная колонна терялась во тьме, разрываемой лучами фонарей в руках есаулов и отблесками Белых Дланей на знаменах. Содрогалась земля под сотнями и тысячами ног. Новообращенные ордынцы повторяли свою мантру, безбожно стыренную мной у Стэнли Кубрика. Попаданец я или нет? А какой попаданец без плагиата?

— Я должен сильно рубить врагов своей алебардой! Я должен бить сильнее, чем бьет враг, который пытается меня убить. Я должен убить его до того, как он убьет меня. И я это сделаю, клянусь перед всей Ордой и атаманом! Я и моя алебарда — мы защитники моей Родины и моей Орды. Мы не боимся врагов. Мы спасители жизни. Пусть будет так. Пока не останется больше врагов. А потом мы найдем новых! Лок-тар огар!

— ЛОК-ТАР ОГАР!!!

Прошел только месяц, а мне уже начинало казаться, что кое-что, может, у нас и получится.

Мы шли на запад.

* * *

Глава 12
Сеанс массовой психотерапии

Бахар привел сибиряков, когда мы стояли огромным табором в какой-то балке недалеко от реки с эпичным названием Сарматская. Ну как — привел? Мы воспользовались старыми подвязками на железной дороге, и пять эшелонов, состоящих из теплушек с орками и людьми, довезли дикую толпу сюда за несколько дней. Да, да, людей на удивление оказалось тоже довольно много: что-то около четверти из всех рекрутов. Всё-таки Орда стала узнаваемым брендом, а мои способности Резчика тайной больше не были. Так что перспектива заслужить кровью и потом нечто, могущее если и не поставить вровень с магами, но — по крайней мере — дающее шанс держать голову высоко поднятой при общении с пустоцветами, привлекало в наши ряды амбициозных и отчаянных парней с сервитутских окраин и даже кое-кого из земщины.

Ну, и деньги, конечно, тоже манили. Все знали — в Орде всё делится на всех, никто добычу не зажимает. Сколько добудем — столько и заработаем, никакой фиксированной ставки жалованья! На кой черт нам те, кто собирается получать зарплату? Нам нужны были те, кто готов был добывать и зарабатывать!

О войне пока не говорили. Считалось, что нашу ЧВК наняло государство для зачисток Хтони на южных рубежах, пострадавших от прошлогодних столкновений с балканцами и от восстания упырей в Буковине. Об этом трепались по телеку и в Сети, именно это мы говорили всем встречным-поперечным. Орки идут отвешивать трындюлей чудовищам!

«Имела жаба гадюку!» — радостно потирали руки обыватели.

Итак, с новобранцами Бахара наша численность перевалила за пятнадцать тысяч, а еще к нам на встречу торопились колонны Щербатого, который собирал отряды с Поволжья…

— Если с поля боя бежит один — десятку смерть! — Двухголовый объяснял принцип ордынской децимации, тряс дрэдастой башкой и ходил меж рядов отрабатывающих удары алебардами бойцов, тыкая суковатой палкой в тех, кто чего-то там делал неправильно. — Если бежит десяток — сотне смерть! Бежит сотня — тысяче смерть! Бежит тысяча… А ну, ты, молокосос в желтой майке, скажи-ка, что будет, если побежит тысяча?

— Всей Орде — смерть! — выкрикнул урук-подросток со зверским лицом.

Майка-безрукавка кислотного цвета торчала из-под элементов урук-хайского национального костюма, пацан был жилистый и крепкий. Этот молодой был мне откуда-то знаком, совершенно точно. Но вспомнить обстоятельства нашей встречи мне никак не удавалось. Имя еще у него такое, легендарное… Не то Азог, не то Тралл, а, может, и вовсе Аспарух… Что-то такого уровня.

— Молоде-е-ец! — Бахар одобрительно постучал по голове палкой легендарной Желтой Майке. — Умеешь проводить логические цепочки, надо же! Но ты не прав, желтая майка! Не будет такого, чтобы тысяча ордынцев сбежала! Если нас будет тысяча, и пойдем мы даже долиною тени смертной, то не убоимся зла! Потому что мы и есть самое страшное зло в любой долине, а? Мы всё сожжем, всех убьем, и всех оттрахаем! А, ять… Не, после того, как сожжем, мы никого трахать не будем. Мы сначала оттрахаем, а потом сожжем. Мы же адекватные, а не какие-нибудь там…

И набрался же, засранец Двухголовый, от меня изречений! Оно, с одной стороны, льстило, а с другой — пугало. Чем больше сила, тем больше ответственность? А ну, как не справлюсь со всей этой массой долбоящеров? Или своей философской дичью заведу их куда-нибудь не туда… Орду срочно нужно было куда-то применить, направить кипучую энергию в… Нет, не в мирное русло. В русло самое что ни на есть агрессивное и разрушительное — но при этом прибыльное и эффектное!

— Бабай, кончай мечтать, пошли кофе пить! Телик посмотрим, там Кузя настроил, говорит — по новостям твою эту цыпу-дрипу показывают, она теперь настоящая ведущая, а не погодная! — Евгеньич махал мне рукой от штабной палатки.

Что характерно — даже в походе наши предпочитали Первый Черноморский телеканал, а не всякие там московские топовые конторы. Вот она — любовь к малой родине?

— Иду, иду! — я отвлекся от занимательного зрелища тренирующихся в поте лица своего ордынцев и зашагал через лагерь, к шатру, с крыши которого в небеса смотрела спутниковая антенна, а изнутри раздавался бархатный голос Маргариты Рошаль.

Похоже, ей приключения в Хтони и пожар в «Мускате» пошли на пользу: Марго вела новости! Это, насколько я знал, куда как выше в телевизионной иерархии, чем прогноз погоды! И очечки эти в золотой оправе на ее носике смотрелись очень провокационно-элегантно, и жакетик этот — тоже, да и пуговичку можно бы застегнуть, а то и две, а то народ мужескаго полу больше не новости слушал, а в ложбинку ту самую пялился…

Какая разница, что она говорила? Главное — как она это говорила!

— А Бабай ее трахал… — раздался откровенно завистливый голос Кузи откуда-то из-под лавки, но я даже среагировать не успел!

Потому, что Маргарита на экране неожиданно вздрогнула, дотронулась до уха, в котором явно располагался микронаушник, и звенящим голосом произнесла:

— Мы вынуждены прервать новостной выпуск в связи с экстренным обращением Государя к войскам и народу Российскому… — она даже договорить не успела, трансляция перебилась, на экране крупными складками заполоскалось алое знамя с двуглавым орлом и зазвучали торжественные, суровые григорианские мотивы.

Меня пробрало, честное слово. Ничего маршевого, бравурного, такого, к чему мы привыкли у нас на Земле. Совсем другой настрой! «Творение царёво» — гимн Государства Российского. Слова и музыка Великого Князя и Государя всея Руси Иоанна IV Васильевича Грозного. Да, да, этот многогранный персонаж был не только великим деспотом, но еще и поэтом, и композитором, что в нашей, что в местной истории…

Заслышав первые ноты гимна, народ повскакивал со своих мест, все замерли, как оловянные солдатики, и слушали так — стоя. Орки, люди — ни следа глумливости и злого веселья, что царили в палатке несколько секунд назад, заметить на их лицах было теперь нельзя. Я тоже встал — из уважения, и принял приличную позу. Как-то не доводилось мне до сих пор местный гимн слушать в торжественной обстановке…

Картинка на экране сменилась. На фоне храма Василия Блаженного стоял крепкий, широкоплечий, немного сутулый мужчина с непокрытой головой. Он был обрит наголо, носил густую рыжую бороду треугольной формы. Одежда на нем напоминала вицмундир, в котором я видал Воронцова в свое время: эдакая смесь строгого официоза, роскоши и старорусской, почти средневековой стилистики. Нахмуренные брови, породистый нос, горделивая поза и более всего — глаза, разных цветов — голубого и зеленого, один чуть больше другого, яркие и как будто горящие огнем, ясно давали понять, кого именно я сейчас наблюдаю.

— Соотечественники! Верноподданные! Народ Российский! Братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои! — заговорил он, и я почувствовал, как встают дыбом все волосы у меня на теле, а татау на предплечье горят огнем и сияют яростным золотым светом.

Кое-кто из моих соратников, у кого имелся ловец снов на коже или — другой из моих антиментальных экспериментов — тоже ощутимо вздрогнули. Остальные же смотрели на экран не мигая, замерли, как кролики перед удавом! Нихрена себе — мощь! Кашпировский нервно курит в сторонке! Это вам не воду по телевизору заряжать…

Государь лупил по площадям тяжелой психической артиллерией, и маны у него явно хватало — вон, ни один мускул на лице не дрогнул, чеканит каждое слово, которое раскаленными гвоздями впивается в мозг, заставляя верить, внимать и проникаться! А масштабы ого-го какие: двадцать миллионов квадратных километров!

— Три недели назад Османская Турция нарушила Трабзонский пакт и корпус янычар по приглашению правительства Балканской Федерации перешел границу в Румелии и двинулся на подавление восстания храброго и свободолюбивого племени горанцев, поднявшегося на борьбу с преступным и противоестественным режимом упырей Батори. Наличие на территории Балкан вооруженных сил Высокой Порты само по себе является прямым вызовом Государству Российскому и законным поводом для войны. Однако мы были сдержанны и лишь вручили ноты послам враждебных государств, и призвали вернуться к статусу-кво договора, заключенного в Бендерах. Нашим предупреждениям не вняли, помощь от османа была использована упырями для высвобождения войск и подготовки вторжения на территорию пограничных с Федерацией земель нашего богохранимого Отечества. С прискорбием вынужден сообщить, что к агрессивным действиям упыри приступили сегодня ночью: по черноморским базам нашего военно-морского флота, объектам инфраструктуры и приграничным городам были нанесены комбинированные удары с использованием современных военно-технических средств, магических заклинаний высшего порядка и террористических рейдовых групп. Посеять панику, хаос, доказать нам, всему миру и самим себе в первую очередь, что Государство наше и народ наш слабы и могут быть биты. Не бывать тому! Сегодня же я уведомил послов Османской Турции и Балканской Федерации о том, что отныне мы находимся в состоянии войны. Посему мною отдан был приказ о немедленном ответном ударе всеми имеющимися средствами по местам сосредоточения вооруженных сил неприятеля и переходе наших войск через пограничную реку Прут! В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своими злейшими и коварнейшими врагами — кровопийцами-упырями и властолюбивыми османами… Прежде

всего, необходимо, чтобы наш народ, российский народ, понял всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешился от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим…

Дальше я уже не слушал. Всё и так было понятно.

Соратнички боялись пошевелиться, как будто тот, из экрана, смотрел персонально на каждого из них. Разве что я и Бахар — переглядывались. На нас эта престидижитация и гипноз работали гораздо в меньше степени. Моя настоящая Родина была в другом мире, а Бахар Двухголовый — родом с Борнео. Да и вообще — уруки к ментальной магии все-таки довольно устойчивы. Особенно — когда на расстоянии тысячи километров и через телевизор.

— Так что, война, братцы? — рожа Желтой Майки всунулась между задернутым пологом шатра. — Война? Война-а-а-а!!!

Лурц! Лурц его звали, вот почему мне был знаком голос этого молодого балбеса, который как-то стал Царем Горы на Орском чемпионате по боям без правил! И теперь этот кровожадный малолетний говнюк носился по всему лагерю и провозглашал благую весть. Ага, для этих гребаных папуасов именно так все и обстояло. Кому война, а кому мать родна — точно про уруков. Особенно — про мелких.

— Война! — орал он. — Война!

— Вой-на! Вой-на! Вой-на! — ор двадцати тысяч рыл был подобен грому.

Даже люди и немногочисленные кхазады заразились орочьим неистовством. А потом ударил великий бубен Хурджина, выбивая знакомый всем ордынцам ритм, и раздался вопль синекожего шамана:

— А-а-ай!

Государь в это время уже договорил, снова отзвучал гимн, и верноподданные отклеились от экрана и выскочили наружу, ну, и я — вместе с ними. На лицах всех этих матерых бойцов я видел искреннее воодушевление, и это было для меня странным: для нас-то ничего не менялось! Мы как шли чистить Хтонь — так и идем. И хорошо, и правильно!

Ринулись бы сейчас мои добровольцы на призывные пункты и пополнили бы батальоны солдат-амбразурщиков. То есть — легкой иррегулярной пехоты, понятное дело. Орочьих войск Государства Российского. И стали бы генералы ленточной пилой огороды вскапывать, м-да… Всякий ресурс нужно применять подходящим образом, иначе вероятность успеха будет крайне

мала!

— … а латюкио патюкио макарена!

Эх, шуры-муры трали-вали пасадена!

Э-э-э-э, макарена! А-а-ай!

Огромная толпа в двадцать тысяч долбоящеров во главе с двумя сотнями троллей фигачила в поле «Макарену!» Луженые глотки ревели во всю мощь, это был их боевой священный танец, и, танцуя, они призывали предков и самого Бога на помощь в войне против кровососов и османов и верили — эти движения и строчки наполняют мышцы силой а сердца отвагой!

Как умели, да. Как я их научил. Какой же я негодяй, однако, как бы не заржать-то, а? Фу таким быть, Бабай Сарханович! Хорошо, что мы расположились на пустынном берегу реки Сарматской, а не на окраине какой-нибудь Юзовки или Ногайска! То-то местные бы прифигели.

— А-а-ай! — клыкастые орки крутили бедрами как положено!

* * *

Коленька Воронцов — вот кто прибыл в качестве представителя командования. Его высадили со специальным оборудованием с конвертоплана во чисто поле перед нашим лагерем. Молодой опричник должен был передавать Орде приказы и координировать наши действия со штабом и соединениями регулярных войск. И жутко от этого бесился.

— Я боевой маг! — треснул по столу кулаком он, когда мы оказались один на один в палатке. — Боевой маг, Бабай! Почему отец так поступает со мной? Бережет? Не верит в меня? Парни там, за Прутом! Розен, Нейдгардт, Козинец, Талалихин, Док — все там! Громят врага! А я тут…

— Не надо паники, Фукс! — сказал я. А потом почесал затылок: — То есть, какой, нахрен, Фукс? Почему — Фукс?

На секунду затормозив и стараясь понять, что происходит с моей нервной системой, если я вспомнил картежника из капитана Врунгеля, я оглядел младшего Воронцова с головы до ног. А что — хорош! Тяжелая черная броня, двуглавый орел на плече, волосы длинные, лицо бледное, аристократическое. Характер стойкий, нордический. Не женат.

— Га-а-аспадин Ва-а-аранцов! — рявкнул я. — А-а-атставить панику! Как старший по званию — приказываю обозначить боевые задачи ЧВК «Орда» и предложить варианты по их выполнению!

Он аж каблуками щелкнул от удивления. И выдохнул:

— В смысле — старший по званию?! Ты же не военный!

— Креативный директор и собственник ЧВК «Орда», походный атаман Бабай Сархан к вашим услугам! — мотнул шевелюрой я, почему-то вспоминая «Свадьбу в Малиновке» и едва сдерживаясь, чтобы не добавить ко всему этому великолепию именование «Таврический».

Надо будет над какой-то фамилией адекватной подумать, что ли… Такой же звучной. Через тире с Сарханом.

— Походный атаман… А я, выходит, как боевой маг — эстандарт-юнкер, а значит… Действительно, ниже по званию рангов эдак на семь! Стремительная у тебя карьера! — удивленно смотрел на меня Коля.

Он ведь был примерно моего возраста, тоже — двадцать, двадцать один год.

— Так что там с приказами? — нетерпеливо пошевелил пальцами я.

— Да вот — тут все отмечено, — он извлек какой-то толстый, чуть ли не бронированный планшет чудовищно-армейского образца и вывел на экран карту. — Вот тут и тут — Хтонь. Три Аномалии, один Прорыв. Их нужно зачистить.

— Ярловац, Бакота, Таракановский Прорыв, Сколевские Бескиды… — присмотрелся к карте я. — Ого! Расстояния приличные! Нужно разделять Орду, оперативно охватить все не успеем. А дробить силы сейчас бы не хотелось, не притерлись еще… Какие там сроки?

В голове моей уже стрикали шестеренки: что я знал об этих Хтонях, какие твари там водились, какие ингредиенты можно было достать?

— Вот, крайний срок — три недели. Но, Бабай, скажу откровенно: на фронте сейчас резня, а я тут с вами… — начал Николай.

Но я его безбожно перебил:

— Резня — значит, потери. Значит — много раненых. Значит — нужны медикаменты и эликсиры. Значит, друг мой — чем больше мы убьем тварей и чем больше добудем ингредиентов, тем больше жизней спасем! Хочешь спасать жизни — помогай. Уверен, ты знаешь, кто сможет выкупить оптовые партии… Плюс ко всему — почти все наши объекты находятся в непосредственном тылу действующей армии. Обезопасим тылы — приблизим победу. Представь только: упыри провоцируют Инциденты, твари атакуют коммуникации, места постоянной дислокации войск, госпитали, склады… Ты ведь знаешь, что эти гады устроили в Сан-Себастьяне полтора года назад!

— Ого! — Коленька был явно впечатлен. — А я-то думал, за каким чертом такой правильный парень, как Бабай, решил

откосить от армии, почему в Гренадерский Корпус не пошел, когда порохом запахло… ЧВК какое-то снажье, фургоны с шаурмой…

— Коля, — сказал я житейским тоном. — Еще раз поднимешь эту тему — и я засуну тебе твою башку в твою же жопу, веришь? И не посмотрю на то, что ты опричник, боевой маг и сын Георгия Михайловича, которого я несказанно уважаю.

— Но… — он явно не привык к такому обращению, но, кажется, воспринял мои слова вполне серьезно, даже на шаг назад отступил.

— Башку-то твою я потом из жопы выниму и подлечить тебя — подлечу, но жизнь твоя после этого точно не будет прежней! Моя, однозначно, тоже. Но ты ведь правильный парень и не будешь больше говорить такие неприятные вещи, да? — широко улыбнулся я. — Потому что я очень и тебя уважаю тоже, и мне не хотелось бы принимать такие радикальные меры. А хотелось бы мне вместе с тобой делать крутые дела. Так что давай-ка мы сейчас сядем за планшеты и обзвоним Пироговых, Боткиных, Лестоков. Думаю, этим ты займешься, как аристократ. Клановые целители тебя охотнее выслушают, чем такое чудовище, как меня. А я свяжусь в Верой Павловной, ее точно никакими чудовищами не напугать, она в Сан-Себастьяне всей экономической базой Орды рулит и сможет посоветовать и подсказать, кто из буржуев-простолюдинов сможет нам организовать приличный сбыт. Заодно скажет, на какие именно ингредиенты стоит обратить самое пристальное внимание. Она на этом деле собаку съела…

— Зачем? — удивился Коля, проникаясь всё больше.

— Что — зачем? — настало мое время удивляться.

— Зачем собаку съела? — искренне спросил Воронцов-младший.

— А… Поговорка такая… — откликнулся я. Никогда Штирлиц не был так близок к провалу. Тут что, никто не использовал такого оборота? — Корейская поговорка! Так говорят, когда человек или не человек в чем-то досконально разобрался. Мол, собаку съел!

— А-а-а… Странная поговорка. Давай планшет обратно, Лестокам наберу. У них точно фармакология — на первом месте! Нет, каково — планировать войсковые операции, исходя из объемов возможного сбыта гипотетической добычи! Надо будет отцу рассказать! — кажется, младший Воронцов на меня не обиделся. Его тон был вполне доброжелательным и полным жизни. — Я начинаю понимать, зачем он меня к тебе приставил!

— Учись, студент! — усмехнулся я. — Если не помру — в старости книжку напишу: «Как помочь богохранимому Отечеству

одолеть супостатов, спасти солдатские жизни и набить карманы!»

* * *

Глава 13
Такая работа

Мы шли в Ярловац — странное местечко в Подолии, недалеко от привычной мне границы с Румынией, а тут — соответственно — с Балканской Федерацией.

На кой хрен мы туда пёрлись? Да потому, что из каких-то тамошних болотных кольчатых червей можно было добыть вытяжку, на которую обнаружился бешеный спрос. Из этой жижи делали кроветворное средство с просто космической эффективностью. Стимуляция каких-то там хреновин костного мозга позволяла обойтись без переливания крови даже в самых тяжелых случаях. А в совокупности с регенеративными зельями, протеиново-витаминно-минеральными комплексами и достаточным количеством водички — и вовсе поставить человека на ноги, не вылезая из блиндажа.

А теперь представим, что мы воюем с противником, который, сукападла такая, только и норовит, что отсосать у солдат. Крови отсосать, понятное дело. Упыри, мрази эдакие, целые выпитые батальоны оставляли, если наваливались крупными стаями в ночное время суток! Во взрослом мужике сколько крови? Литров пять. Желудок новообращенного упыря мало чем отличается от человеческого, выхлебать он может примерно полтора литра за раз. И вот после удачного упыриного налета на полевой лагерь или располагу воинской части можно получить пятьсот или тысячу солдат со страшенной кровопотерей, но при этом — вполне перспективных для лечения или реабилитации. Но где единовременно взять столько препаратов для переливания? Это же невероятные объемы!

Сам не видел, но знающие соратники рассказывали: засечь жаждущего крови упыря, особенно — ночью, особенно — в полнолуние, если он не злоупотребляет техническими прибамбасами и одет в натуральные шмотки, практически нереально. Если не знать, куда и как смотреть — мрачная тень вдруг появится из мглы, мигом настигнет, оглушит и ка-а-ак начнет сосать со страшной силой!

При этом добивать своих жертв новообращенные не особенно любят. По сути это ведь обычные люди (иногда — эльфы или кхазады, почти никогда — орки). Их психология сродни образу мышления алкашей, этим болящим просто дико хочется выпить. Далеко не сразу и далеко не у всех происходит слом сознания, когда жажда перевешивает моральные принципы и

рассудочность! Многие, кстати, пытаются вылечиться! Кстати, лекарство магического свойства имеется, упыризм тут излечим, правда, терапия дороговато обходится, и на тех же Балканах найти грамотного специалиста очень непросто. Но, тем не менее, варианты есть. При этом соблазн стать матерым паразитом-кровососом и продлить за чужой счет свою жизнь, получить удовольствие и достичь могущества — весьма велик! Особенно для простолюдинов, которым никогда не светит стать магами или хотя бы пустоцветами. Поддавшись этому соблазну, новообращенный рано или поздно приходит к мысли, что оставлять живыми тех, кто знает о его пагубной страсти к отсасыванию — по меньшей мере небезопасно. Окружающие не слишком хорошо относятся к подобным извращениям, с чего бы это, да? Так что тех упырей, кто готов убивать, путь-дорожка обычно приводить или в гайдуки на службу к носферату, или — на осиновый кол. Или и то, и другое — по очереди. Хотя в последнее время вместо осиновых колов для казни упырей в Государстве Российском используют асфальтоукладчики, а в Речи Посполитой — рубилки для щепы. Тоже неплохо работает.

В общем, проблема кровопотери на фронтах и в тылу войны, где кровососы встречаются чаще, чем полковые священники, стояла весьма остро. Но если у солдат в аптечке будет средство, ускоряющее выработку организмом крови, то при нормальном питании и отдыхе через три-четыре дня после массового насильного отсоса подразделение полностью восстановит боеспособность. Разве что моральный дух будет ниже плинтуса, потому как ладно если кровосос окажется девушкой, или хотя бы женщиной элегантного вида… Но ведь такое бывает далеко не всегда: носферату, работая в тылах противника, часто обращают народ в упириное состояние пачками, целыми деревнями, чтобы сразу сбить их в крупную стаю, которая могла бы предоставлять опасность для воинских соединений от роты и выше. То есть среди любителей пососать будет полно мужиков, дедок-бабок и прочих типов, специфический контакт с которыми явно может создать среди бойцов атмосферу весьма гнетущую…

— Фу, Бабай! Хватит уже про то, кто, как и кому сосет! — Коля Воронцов все никак не мог привыкнуть к нашей ордынской атмосфере, хотя путешествовал с нами уже третьи сутки. — Меня сейчас вырвет!

Ну как — с нами? Со мной! Знаете, что сделал этот зажиточный аристократический сукин сын? Он просто сгонял на аэротакси в Юзовку, купил себе невхерственный электрочоппер от «Grigarovich» и теперь ездил в качестве адъютанта его превосходительства за мной как привязанный. Вот кто — богач!

Ему чоппер купить, как два пальца обоссать. Он мог купить двести таких чопперов.

А все мои баснословные миллионы, о которых в свое время говорила Марго, разлетались с космической скоростью. Точнее — уже разлетелись, просто пока это было не критично. Но аукнуться могло очень скоро.

Накормить двадцать тысяч мужиков — дорогое удовольствие. Понятно, что шаурмой мы их не особенно потчевали, действовали по принципу «щи да каша — пища наша». Ну, еще — галеты, плов, мультивитамины, пеммикан и альтернативный протеин. Но все равно, на закупку продовольствия, снаряжения и расходников для техники ушла вся свободная ордынская наличность, которую мы наскребли по филиалам. Не осталось практически никаких запасов! Да, на рубежах Хтоней наши охотники и сталкеры продолжат работу, и предприятия в Сан-Себастьяне фурычат на полную, но — в основном на собственную нашу потребу! Никакой сверхприбыли в таких условиях и быть не может, не обанкротиться бы…

Поэтому я ухватился за идею с Ярловацем, как утопающий за соломинку, и двинул Орду туда, хотя это и не была самая ближняя из обозначенных штабом целей. Эх, начнись война на пару месяцев позже — я бы всех на фургоны посадил! Мобильность обеспечили бы потрясающую, от речки Сарматской до того же Ярловаца за часов двенадцать-пятнадцать бы добрались. А так — приходилось перемещаться медленно, в основном пешим порядком, избегая людных мест, плотными колоннами.

Почему?

Потому что орков никто не любит, даже орки. В массовом сознании тутошнего народа российского орк = засранец, я в этом многократно убедился. Да и сам считал, в общем-то, также, потому что, объективно говоря, такое мнение недалеко ушло от истины. Представьте, что мимо вашего дома проходит целая толпа засранцев? Чувство, которое вы испытаете, будет далеким от радушия и гостеприимства.

При этом шли мы по земским территориям Юго-Западного края, которые перемежались юридиками местных магнатов. Орда маршировала второстепенными дорогами по самой дикой глуши, которую только могли выбрать наши командиры и я, грешный. Мне не нужны были грабежи, мародерство и стычки с местными. Начать боевой путь ЧВК с разорения пары-тройки провинциальных городков? Спасибо, не стоит.

Проблема заключалась в том, что зачастую сами местные гарные хлопцы из земщин и паны с паненками из юридик

адекватно не могли оценить степень угрозы, и, завидев авангард пешей колонны, вели себя совершенно невменяемо.

Хуже всего было в юридиках. Фермеры и торговцы из простолюдинов отказывались продавать свежую пищу в самой оскорбительной форме. Баррикады на улицах, вооруженное ополчение и закрытые ставни окон — это даже не обсуждалось. Дружинники магнатов выдвигались к нам навстречу, выстраивались вдоль дороги и принимались бряцать оружием, похваляться магическими способностями и поносить бойцов авангардных отрядов. Они-то думали, что перед ними один из многих полков иррегуляров, что шли сейчас на фронт целыми потоками. На орочий полк у аристократов силы бы хватило!

Потому и поносили они «свинорылых папуасов», «зеленокожих ублюдков», «отрыжку Государства Российского» и «раковую опухоль на теле Отечества» последними словами. А когда видели в наших рядах еще и людей — так и вовсе заходились в истерике. Челове-е-е-к, да с о-о-о-орками! Позо-о-о-ор! Отчего вы не в *нормальной* армии, предатель людской расы?

Их рожи сразу становились очень кислыми, когда приходило осознание масштабов проблемы. Обычно это происходило при появлении основных сил, с развернутыми черными хоругвями с белой дланью и обозом из фургонов. Двадцать тысяч — это очень много. И очень сложно. Сложно удержать их всех в узде, чтобы вооруженные и сплоченные долбоящеры толпой не набросились на чванливых аристкратов и не втоптали их в землю, несмотря на потери. Десять магов и сотня пустоцветов против двадцати тысяч бойцов с обрезами и алебардами? Ну-ну.

Честно говоря, мне не раз и не два за эти три дня хотелось выхватить меч, рявкнуть «фас» и во главе любимых отморозков пойти гасить местных хозяев жизни. Я едва сдерживался. И дико обрадовался, когда увидел на горизонте облако хмари над ядовитыми туманными болотистыми холмами Ярловаца.

* * *

Болотистые холмы, как такое может быть? Да вот так вот. Гребаная Хтонь! Легко посылает к черту законы физики и законы живой природы.

Местная аномалия представляла собой возвышенности, покрытые слоем ядовитой грязной воды примерно в метр глубиной, которая повторяет очертания рельефа самым противоестественным образом, никуда не стекает и нигде не скапливается. Над зелено-желтой жижей торчали верхние этажи

старинных зданий, колокольня древней кладбищенской часовни и верхушки крестов и памятников, купола готического собора… На самом высоком холме стоял замок, полузатопленный, мрачный — и я готов был поклясться, что сердце Хтони располагается именно там.

Мы нашли какого-то доходягу из местных, он исполнял обязанности сторожа, проживал в какой-то халупе на сваях у границ Хтони, присматривал за ней. Таких сторожек по периметру Ярловацкой аномалии было примерно полсотни. Почему сторожки, а не пулеметные турели? Да потому, что инциденты тут случались строго во время половодья, когда местная речушка разливалась, и эти гребаные червяки попадали из хтонической жижи в местные водоемы. Вот тогда-то начинался лютый кабздец. Хотя что значит — тогда? Сейчас. Паводок еще до конца не сошел, и сезонный инцидент по сути продолжался.

— Кишмя кишат твари в бочагах! — причитал этот седой проходимец с залысинами. — А как дождик грянет — так и вылезают, гады! Ползут, ползут и… И жрут всех и всё подряд!

— И как с этим борются? — уточнил я, любуясь местными хтоническими пейзажами.

— А шо? А зачем это? Оно ж само через пару недель просохнет, а потом грязь-то с гнилыми червями на огороды народ разбирает. Помидоры растут — во! — он продемонстрировал размеры томатов с хорошую тыкву. — Их Бучачский консервный завод покупает. Кетчуп делают.

— Кетчуп — это, конечно, дело хорошее. А расскажи-ка мне, милый человек, про этих самых червей, а? На что они похожи, каких размеров достигают…

И он рассказал. И лучше бы не рассказывал! Потому как кольчатые черви длиной в три-четыре метра и диаметром двадцать-тридцать сантиметров — это мерзость просто по определению, а учитывая кучу острых зубов внутри, как у долбаного Шаи-Хулуда, если бы Шаи-Хулуд не подыхал от воды и был похож на сраную болотную пьявку, так и вовсе даже думать о них не хотелось! Эти кишечнополостные товарищи плодятся и увеличиваются в размерах в прямой зависимости от возможной для расселения акватории! То есть, чем больше водоемов напрямую соединено с эпицентром, тем больше червяков в них появится. И тем крупнее они будут. В отрыве от Хтони не размножаются, но и подыхать не торопятся, пока водичка не высохнет или пока кто-то их не убьет.

Мне сильно поплохело, потому что я мигом представил себе какого-нибудь аэроманта-погодника или аквараманта-водника — из вражеских, который приходит сюда и устраивает дикую червивую

японумать всем окружающим районным центрам, просто вызывая капитальный дождь или прокладывая путь для временных водных потоков в тамошние ливневые коллекторы.

— Давай, друг ситный, отмечай на карте эти твои бочаги. Мы будем выуживать оттуда червей. Потренируемся и пойдем выуживать их в Хтонь. В промышленных масштабах.

— Охохонюшки! — сказал ситный друг и милый человек и принялся пальцем тыкать в планшет, ставя отметки.

Он, по всей видимости, считал нас полными придурками и думал о том, что мы собираемся заниматься натуральным вредительством. Ну, а как же? Помидоры же!

«Орки ловят кольчатых червей в бочагах Ярловаца», неизвестный художник, холст, масло. Говенная картина!

Вот снага с рожей дикой шерудит алебардой в мутной зловонной яме на заливном лугу, в надежде выудить червя пожирнее. Вот его мечта сбывается, и сраная тварь выпрыгивает наружу, обвивает орка с ног до головы и вожделеет сожрать его башку! Ор, вопли, матерщина — ордынцы помнят, что будет, если хоть один из них побежит, и рубят чудище алебардами, и цепляют крючьями, оттаскивая от удачливого товарища, сплошь заляпанного в вонючей жиже. Другие уже тащат большие мусорные пакеты, куда складывают червя, трамбуя древками алебард и сапогами. И так сойдет! Всё будет напихано в пресс и выдавлено до последней крайности, выжимку перельют в стеклянные бутыли, погрузят в фургоны — и вперед, в Тернополь, на ЖД станцию!

Потери у нас были, и немалые. Мускулистые, зубастые черви, пусть и снулые в отрыве от Хтони, удушили и сожрали двенадцать бойцов — то ли слишком тупых, то ли слишком храбрых. Кое-кто сунулся прямо в бочаги, мол — что караси, что черви — всё едино, хватай их за жабры! Где-то зазевались товарищи, не успели выручить своего соратника и освободить из кольчатых объятий…

Я особенно не активничал, больше — присматривался, разве что выручал зазевавшихся долбоящеров, где успевал, обозначая свое присутствие. Самыми успешными ловцами червей оказались тролли: их мощные лапищи давали тварям просраться, железные пальцы синекожих громил цепко хватали скользкие тела, и — херак, херак! Лупили об землю.

До вечера каждый из ордынцев получил опыт черволовства, гоблины доставили несколько тонн «сочного, токсичного, ужасно несъедобного» червячьего мяса к промышленному прессу, который мы арендовали в Бучаче на тамошнем ликероводочном заводе. Плодов и ягод там не было, не сезон, а вот червячинку

подавить тамошние работнички были не против. Еще бы они были против, когда я им пробашлял капитально! Даже с хлоркой отмыть пресс потом пообещали, но в этом я сильно сомневался… Будет у местных алкашей кроветворная бормотуха, как пить дать… Я же говорил, что не дружу с каламбурами, да?

А потом мы решили штурмовать саму Хтонь.

* * *

Я как раз тащил вместе с Хурджином здоровенные бревна для мостков, которые мы перебрасывали между ржавыми, полуразрушенными крышами торчащих над жижей зданий, когда раздался рев авиационных двигателей, по небу огромной стальной стрекозой пронесся вертолет и как-то резко, ни разу не безопасно сел прямо на заливной луг, разгоняя моих трудяг-снага мощными порывами ветра. Вот же сволочь, он что, и за людей их не считает?

Или рассмотрел, что не люди, и плевать хотел? Так или иначе — в вертолете прилетели первостатейные мерзавцы, так что я тоже плевать на них хотел, и мы с Хурджином дотащили бревно до границы жижи у подножия одного из ярловацких холмов и подняли его на смонтированную тут же деревянную осадную башню, а там, сверху, два десятка орков уже передали ее дальше.

У нас были большие планы, Орда намеревалась задержаться тут на недельку-другую, выловить червячков всех до единого, потом наподдать эпицентру и либо подпридушить его, либо спровоцировать еще один инцидент, чтобы выловить новую партию червячков. Вера Павловна не обманула — сбыт имелся, и еще какой! Частные и государственные предприятия чуть ли не драку за наше сырье устроили! Подумать только: такой спрос, и ни одна падла, кроме нескольких местных мужичков, не потрудилась поставить на поток ловлю червей! Или я первый тут такой хозяйственный? Все, что было вокруг Хтони (любой, не только этой) до того, как я взялся организовывать Орду — это же сплошная кустарщина и самодеятельность! Все глядели на аномалии и прорывы, как на проблему и ужасный кошмар, и почти никто — как на ценный ресурс. Может, снова дело в игрищах аристократов? Может, они специально накачивали инфополе нужными нарративами? И только самые долбанутые типа — идейных охотничков и сталкеров — рисковали идти поперек мейнстрима?

— Что это за бардак? Кто позволил? По какому праву? Эти леса принадлежат Бучачскому муниципалитету и незаконные

рубки караются… — он аж подпрыгивал, этот чинуша в пиджаке. Верещал так, будто его резали.

Даже матерые волкодавы — СОБРовцы, которые охраняли этого визгливого борова, морщились. И смотрели едва ли не умоляюще. Похоже — оценили обстановочку с вертолета, прониклись масштабами происходящего. Если двадцать тысяч орков (и всех остальных тоже) берутся рубить лес и осваивать Хтонь — выглядит это и вправду свирепо. Сразу вспоминаются методы старика Сарумана и его ударная комсомольская стройка во время индустриализации Изенгарда…

— Земская собственность! Нарушение законодательства! Не сметь трогать деловую древесину! Кто здесь главный?! — он пронесся мимо меня стремительным домкратом, изрыгая словеса психическим фальцетом. — Сокращу! Сгною! По этапу…

Я грянул очередное бревно на землю с жутким грохотом, так что местный бонза аж на месте подпрыгнул и вспотел во всех местах сразу. Или то — обоссался?

— Ты чьих будешь, орк?! — почти на ультразвуке завопил он. — Взя-а-ать!

СОБРовцы даже не пошевелились, ясен пень. Они-то в отличие от своего бесноватого подопечного разглядели и белые длани на знаменах и шевроны ЧВК на плечах моих бойцов. А может, и меня узнали — всяко может быть, взгляд у профессионалов обычно цепкий.

— Да нет уж, это вы чьих будете? — отряхивая руки, поинтересовался я. — Может, вы мудак какой, обычный глист, а не представитель власти? Чего это я буду перед вами отчитываться?

Глист смотрел на меня снизу вверх и потел. Однако, смелый дядька, стоит признать. Не бежит, не прячется за спины охраны. Видимо, с лесом этим у него что-то личное завязано, не тот типаж, чтобы за общественную собственность так убиваться.

— Немедленно отведи меня к управляющему вашей лесозаготовительной партией, орк! Я — председатель Бучачского Земского собрания, Феофил Феофилович Кулага!

— Господин председатель… — потрогал его за плечо один из СОБРовцев. — Тут это…

— Что — это? Где главный этого сброда?

— Так вот он, перед вами, — спецназовец ткнул пальцем в меня. — Вот этот самый урук. Это не лесозаготовительная партия и не строительный трест, это ЧВК «Орда». Ну, те, хтонические орки. Про них по телику показывали.

— Урук? Но… Что за черт?

— Не черт, господин председатель, а походный атаман

наемных войск Бабай Сархан, — с некоторым уважением в голосе произнес СОБРовец. — Сами взгляните.

И показал планшет чиновнику. Тот побледнел, потом покраснел, а потом попятился. В здешней табели о рангах я значился на пару ступенек выше его. Хорошо быть атаманом, а?

— Куда-а-а? — удивился я, заметив его попытки слиться с местностью. — А я-то думал, вы прилетели обсудить, какую большегрузную и специальную строительную технику Земское собрание может представить нам в рамках безвозмездной помощи для выполнения поставленной командующим Объединенной группировки войск на Пруте князем Вяземским боевой задачи… Ах, не может? Хурджин, а не подскажешь, что там за саботаж приказов военного командования полагается? Ах, четвертова-а-ание… Куда же вы, господин Кулага? Цып-цып-цып, скотинка эдакая, мы еще о поставках продовольствия не поговорили!

Глава 14
Челюсти

Есть такая поговорка: толочь воду в ступе. Мы не толкли воду в ступе, мы толкли в ступе скелетов. Да и то — не прямо всех подряд целых скелетов, а исключительно нижние челюсти бакотских умертвий. Бакота — следующая на нашем пути Хтонь — оказалась банальным некрополем: курганы, могильники, склепы, пещеры в скалах на берегу Днестра… Целая куча беспокойных покойников. Очень неприятных и несимпатичных. Разной степени древности, опасности и агрессивности.

Возникало такое чувство, что их под землей стягивало со всех концов Галиции, Волыни, Подолии, Буковины и других прилегающих территорий. Потому что даже при обилии местных захоронений, которые хронологически относились к самым разным историческим периодам, твари должны были закончиться уже день эдак на седьмой. Ан нет — перли и перли каждую ночь. То эльфы в доспехах времен Гиль-Галада, то троллячьи костяки в браслетах и бусинах, то польские рыцари прямиком из Великой войны с крестоносцами, то местные гайдамаки — орки и люди в равной пропорции, то — классические такие меланхоличные страшилки в развевающихся саванах поверх иссушенных ветром костей. А иногда — вполне современным образом прикинутые товарищи: в костюмах или парадно-выходных платьях вида «краше в гроб кладут». Объединяло умертвий три вещи: во-первых, они были скелетами, то есть — без мяса и прочей гнили. Во-вторых, они мечтали разорвать на куски кого угодно живого, но получалось, честно говоря, по большей части хреново. И в третьих — костная мука из черепушек, подмешанная в самый обычный гипс, каким фиксируют травмированные конечности, здорово способствовала заживлению травм.

Так что мы заходили в Бакоту ночами, посотенно, с разных сторон, и тяжелые алебарды на длинных древках делали свое дело. Снага и люди крушили врага, гоблины собирали нижние челюсти, молодые припадочные уруки носились по всей Хтони, выманивая умертвий на наши стройные ряды. Я раздавал лещей молодежи, командирским рыком подбадривал ордынцев, ну, и работал наравне со всеми. Куда же без этого?

У нас тут, кроме боевых действий, была развернута база по первичной переработке сырья. С червячьей выжимкой проканало — почему теперь не должно было проканать? Благо, принцип применяли тот же: изготовление из ингредиентов полуфабриката,

который готов к дальнейшему производству из него целебнохтонических изделий. На сей раз подсуетились Пироговы, этот знаменитый клан военных медиков. Не захотели отдавать в руки простолюдинов такой шикарный источник дохода! Где-то кого-то нагнули, кому-то сунули чего-то в очередной Фонд помощи пенсионерам, кому-то геморрой вылечили, и вуаля — теперь монопольно грузили в вагоны на станции Каменца-Подольского черные пластиковые пакеты с хтонической костной мукой.

Я толок в большой железной бочке челюсти с набитых в течение ночи умертвий при помощи толстого дубового пестика и думал о том оригинальном парне, который занимался выяснением лечебных свойств разных частей бакотского скелета.

Когда он жил, интересно, этот неизвестный любопытный тип? Сколько лет назад тут жахнула аномалия? Судя по классическому виду местных тварей — как угодно давно. Мертвецов, скелетов боялись во все времена, и в этом мире, и на моей Земле. Так что какой-нибудь древний алхимик, современник эдак Бен Бецалеля, вполне мог первым ставить опыты на скелетиках. Вот, мол, щас правую переднюю ногу проверю, потом — мечевидный отросток… А не, фигня, не заживает нога. Надо челюсть попробовать растолочь и в гипс подмешать, точно! Тогда заработает! Или как они это определяли?

Может, у магов-целителей какой-нибудь внутренний детектор имелся? Ну, я же из-за передоза татау и их компиляции как-то чувствовал потоки эфира? Это был единственный разумный ответ… В любом случае, рецепт мне предоставили: скан какой-то желтой не то бумажки, не то пергамента со старорусским текстом о том, что «кости челюстныя, от умертвий бакоцких отломатыя, зело пользительны, коли в ступе растолочь и прах сей в мере воды намешать, дабы снадобьем сим смачивать полотно для накладания на десницу або шуйцу честнаго мужа або девицы невинной, ежели таковыя костныя болезни иметь будут».

Занимательное чтиво, что уж там. Хрена с два без Коленьки Воронцова я бы его так быстро на свой планшет получил. Вообще — иметь в адъютантах… Простите — в надсмотрщиках, конечно! В общем — когда рядом с тобой тусуется княжич, боевой маг и наследник целого Кавказского Наместничества — жить становится гораздо веселее. Все двери открыты! Ну, а как по-другому, учитывая местный кибермагический феодализм? Конечно, любо, братцы, любо атаманом быть, но и князем я бы побыть тоже не отказался. Князь Хтонический! Звучит? Звучит! Да и хрен с ним.

Почему я сам толок кости в ступе? Ну, так мы же Орда, а не

деспотия! Я — вождь и атаман пока что, а не князь там, герцог или иная какая инфлюэнца! Вождь — он что? Он ведет за собой, а не пальцем показывает, мол, туда не ходи, сюда ходи, а то снег башка попадет! Потому — и с кардом, и с пестиком в руках я был первым. Чаще всего. За исключением моментов самых рутинных… Расколотив в ступе до состояния трухи очередной ингредиент, я ссыпал порошок в пластиковый пакет, швырнул его в груду таких же пакетов, а потом отряхнул руки и огляделся.

Тут терлось несколько орков — следующая смена провинившихся. На ступки ставили обычно в наказание, проштрафившихся, тех, кто каким-нибудь мелким прегрешением просрал свой шанс повоевать и проявить героизм в схватках с костяными умертвиями. Конечно, Лурц Желтая Майка тоже был тут, в компании с охренительным фингалом под глазом. Он постоянно во что-то вляпывался. Я скривил рожу, увидав в его глазах толпы плящущих бесенят, погрозил кулаком и только плюнул: отморозок радостно ухмылялся, протягивая свои грязные лапы к ступе и пестику. Пришлось ткнуть ему дубовым дрыном-пестиком в грудак — для профилактики — и пояснить:

— Нежнее, парень. Еще нежнее! Не поднимай облака тут, наглотаться костяной пыли — удовольствие ниже среднего. Блевать будешь дальше, чем видишь. И вообще-то каждый грамм — это ресурсы, нам за них бабки платят!

— А за бабки мы поедем к девкам! Трахаться! — обрадовался Лурц и выхватил дрын у меня из рук. Похрен ему было на тычки в солнечное сплетение, он же урук, а не барышня кисейная. — С Кузей! Поедем, в смысле, с Кузей, а не трахаться будем с Кузей, чего ты так на меня смотришь? Я те что, эльф, что ли? Давай скорей сюда мне эту балясину, я щас как натолку челюстей! Знаешь, кто лучше всего сокрушает кости? Правильно! Урук-хай!

И давай орудовать дрыном. Хрена с два он меня послушал, пыль стояла столбом, а Лурц еще и рычал что-то мерзкое и агрессивное под нос, имея в виду, что он поет. Это что — и я так пою? Фу, ять! Увидев энтузиазм главного балбеса и услышав про деньги и траханье, остальные залетчики-штрафники тоже активизировались и принялись за работу.

А говорят — молодых уруков к созидательному труду приставить невозможно. Брехня! Главное — мотивация! У Желтой Майки стимулы были самые низменные и самые понятные. Юный убийца и злодей попал под влияние гоблина, и теперь они периодически гоняли в Снажью Слободку в Каменец-Подольский сервитут сношаться с тамошними орчанками пониженной социальной ответственности. Ну, не только они и не только с орчанками, но я особенно этому не препятствовал. Главное, чтобы

в законные увольнительные ездили, а не в самоволки, и службу несли исправно. У нас Орда, а не институт благородных девиц… Хотя те тоже вроде потрахаться порой горазды, как практика показывает.

Оставив на челюстномолотильном производстве замотивированную смену, я пошел к своей палатке, снимая на ходу футболку. Оно как обычно бывает — пока сам во что-то не вляпаешься, ничего путного посоветовать не сможешь. Я весь был в сраной костяной пыли. Как там говорят: если бы я был слишком умный, то не стал бы такой опытный!

Дел впереди виднелась целая хренова куча, и потому я торопился. По лагерю едва ли не бежал, отмахиваясь от деловитых ордынцев, которые салютовали кулаками, и игнорируя есаулов, норовящих обратиться ко мне за советом или предложением. Потом, все потом! У нас еще Сколевские Бескиды впереди, а там никакие не скелетики, и не червячки. Преддверие Инферно — так называли эти горы. Это еще не сама Паннония, но уже близко, очень близко, и твари там — лютые, мне, честно говоря, не очень хотелось соваться к ним в гости. Не верил я пока в боевые возможности Орды настолько сильно. Но нанести визит вежливости — придется, потому что на фронте сейчас дела идут так себе, и получить в спину еще и хтоническую дрянь из Сколе — это будет для наших парней хреновым подарком. И я готов был поклясться — упыри это знают и готовят мерзость. Поэтому нам нужно готовить мерзость еще большую… А для этого — надо сесть в палатке, обложиться картами и бумагами и немного подумать… Чтобы потом на общем совете командиров выдать что-то приемлемое, а не стоять и тупить!

Я подошел к самому обычному пластмассовому рукомойнику, который висел тут же, на стволе дерева, надавил на палочку-пимпочку, выпуская воду наружу, вымыл руки при помощи куска хозяйственного мыла, потом — лицо и шею. Чистота — залог здоровья. Тем паче — из палатки до меня доносился потрясающий запах, который сулил новые приключения весьма приятного свойства. Такие приключения, что коварные планы и замыслы, в принципе, могли и подождать… Запах дорогого парфюма, губной помады и здорового женского тела — самый приятный аромат из всех! А дрон, который вился над верхушками деревьев, точнее — логотип Первого Черноморского канала на его пластиковом брюхе — весьма прозрачно намекал на одну кудрявую целеустремленную особу, которая явилась по мою душу. И, надеюсь, по тело тоже.

Не ехать же мне в Снажью Слободку, в самом деле?

— Не стоит подкарауливать меня, госпожа Рошаль, — сказал

я, мигом оказавшись у палатки, ровно там, где угадывались очертания спортивной фигуры девушки, и ухватил ее за талию прямо через материю полога. — Иначе рискуете быть схваченной, употребленной и сожранной на месте. Как лазутчик и шпион!

— И-и-и-и-и! Пусти! Я не шпион, я журналистка! — Марго сначала взвизгнула, а потом попыталась выпутаться из палаточной ткани и моих объятий. — Я добиралась сюда невесть как, с какими-то страшными чудовищами, в жутких условиях, чтобы дать…

Хрена с два она испугалась. Видела всё через свой дрон, это к гадалке не ходи. А пропустили ее пацаны потому, что нос по ветру держат, знают, кто сейчас у атамана в подружках.

— Что ж, этого вполне достаточно! — я выпустил Марго из объятий, сделал несколько шагов ко входу в палатку, вошел внутрь и осмотрел ее с головы до ног: раскрасневшуюся, растрепанную и весьма привлекательную. — Ты явилась в логово к свирепому орку, чтобы дать? Кто я такой, чтобы отказывать даме?

Определенно, я вел себя развязно и нагло. И, определенно, ей это нравилось, так что я подошел близко-близко и рывком прижал журналистку к себе.

— Я имела в виду — дать тебе шанс на интервью у восходящей звезды телеэкрана! — Рошаль была явно довольна происходящим, и ее попытки вырваться все больше напоминали заигрывания и ласки. По крайней мере, наманикюренные пальчики гуляли по моему прессу весьма фривольно. — А что ты имеешь в виду?

— Хм! — тут мне очень некстати вспомнился бородатый анекдотец про Ржевского, но озвучивать его я не стал.

Был слишком занят: оказывается, в дорожной одежде а-ля Лара Крофт Марго смотрелась и ощущалась не менее притягательно, чем в оранжевом комбезе или строгом офисном наряде. При этом я знал совершенно точно: без лосин и замшевой курточки она станет еще более манящей и привлекательной.

— Что за Ржевский? — жарко прошептала журналистка мне в самое ухо, расстегивая пуговицу на моих джинсах и поводя бедрами, помогая мне раздевать себя. — И почему ты сразу был без футболки? Я, когда увидела, как ты ее с себя срываешь, то просто мр-р-р-р… Ты учуял меня настолько издалека?

— Давай мы поговорим об этом часа через два, м? — пробормотал я, проводя рукой по бархатной коже ее спины и опускаясь ниже, ощущая все изгибы ее спортивного, женственного тела.

— Ах, два часа? Амбиций вам не занимать, господин

походный атаман… — мурлыкнула она и, явно красуясь, гибко изогнулась, снимая с себя трусики и принимая пикантную позу.

Я потянулся, плотнее задернул рукой полог палатки, переместился на лежак и потянул девушку на себя:

— Никуда ты теперь не сбежишь, госпожа Рошаль!

Она и не собиралась — легла на меня сверху и куснула за шею. Эта госпожа Рошаль всегда точно знала, когда и чего хотела.

* * *

Она хотела не только и не столько атамана орочьих наемных войск, сколько интервью с этим самыми атаманом. Первым орком-кондотьером, если быть точным. Я, оказывается, уже вошел в историю, потому что, если наличием орков всех мастей в числе наймитов всех стран (кроме Авалона, понятно) никого удивить было нельзя, то вот чтобы владельцем ЧВК был орк, пусть и полукровка — это уже считалось нонсенсом.

К интервью Марго готовилась с не меньшим энтузиазмом, чем тот, который проявила в постели. Подумать только — какие-то полчаса ей понадобилось, чтобы придумать локацию! А еще полчаса — чтобы с помощью ордынцев расположить все по местам. На поляне посреди леса теперь стояли два кресла, между ними горел костер, по краям поляны — тоже костры, поменьше, за кострами — снага, уруки, гоблины, тролли, кхазады, люди и все прочие, желающие поглазеть на бабу с классными сиськами, которую походу трахает Бабай, и засветиться на телеке. На деревьях развесили хоругви с белыми дланями, составили в козлы алебарды, разложили всякие-разные другие колюще-режущие предметы… В общем — обстановка воинственная и варварская.

В одном кресле — роскошная Маргарита Рошаль, в этом самом наряде Лары Крофт: топике, лосинах и замшевой курточке защитных цветов, со своими невозможными кудрями и отблесками костра в глазах. В другом кресле — Бабай Сархан, я то есть. В рваных джинсах, черной футболке с надписью белыми крупными буквами «CHUZHIE GUBY TEBYA LASKAYUT» и с дикой рожей. Рядышком, под рукой — кард, для антуража в руках — пара гранат, вместо мячиков-антистресс.

Вокруг вьются дроны, снимая нас сразу со всех ракурсов, чтобы потом мастера-монтажеры с Первого Черноморского канала могли голограмму сотворить, буде возникнет такое желание.

Журналистка ослепительно улыбнулась, закинула ногу на

ногу и начала:

— Здравствуйте, дорогие друзья, с вами я, Маргарита Рошаль, и сегодня мы приехали в Орду, чтобы поговорить с одним из самых противоречивых персонажей нашего времени, моим земляком из Сан-Себастьяна, рестораторам, общественным деятелем, владельцем нескольких успешных и бурно развивающихся предприятий, военным вождем орочьих войск на службе Государя и нашего богохранимого Отечества, походным атаманом… И так далее, и так далее… — она сделала один из этих своих жестов. — Сегодня герой нашей программы — Бабай Сархан, черный урук!

— Падажжите, — сказал я. — Сразу ошибка. Из меня такой себе черный урук, я на самом деле — полукровка. То ли моя маменька была слаба на передок и дала орку, то ли мой папенька был знатным извращенцем и трахнул орчанку, но факт на лицо! Я — ублюдок, а черным уруком являюсь чисто формально, поскольку Маухур Поджигатель примерно годик назад признал меня таковым. Но с генетической точки зрения…

— Ять! — вдруг матюгнулась Рошаль и закрыла лицо ладонью в классическом фейспалме. — Бабай! Ну что за детский сад? Ну, нормально же начали!

Ордынцы ржали как припадочные, и подвывали, и аплодировали. Журналистка медленно выдохнула и проговорила:

— Как же я люблю технологии… Всё лишнее вырежем. Давай, я тебя представлю заново, а ты не будешь паясничать, и мы продолжим по-человече… — она даже дернулась, осекшись, и поймала новую волну дикого гогота от моих долбоящеров.

Особенно гоготали люди. В такие моменты грань между людьми и снага почти совсем стиралась. Я погрозил им пальцами — всеми сразу, подмигнул Кузе, который уже вылизал себе всю рожу от усердия, поскольку старательно фиксировал происходящее на смартфон. Хе-хе, Марго зря думает, что она что-то может вырезать… Контора пишет!

Поправив свои кудри, Рошаль снова приняла вид профессиональный и позитивный и ослепительно улыбнулась:

— Сегодня герой нашей программы — Бабай Сархан, лидер первого орочьего подразделения истинных патриотов, которые добровольно откликнулись на призыв Родины и плечом к плечу с нашими доблестными солдатами и опричниками встали на борьбу с проклятыми кровопийцами и коварными османами…

— Падажжите, — сказал я. — Тут есть пара моментов. Во-первых, плечом к плечу — это громко сказано. Пока наша доблестная армия воюет, грудью встав на защиту Родины, мы — дикари, разгильдяи и оглоеды, прикрываем нашей армии жопу от

возможных проблем со стороны Хтони и ковыряемся во всяком дерьме, добывая полезные ресурсы для промышленности. Плечом к плечу тут никак не получается. А жопа к жопе — не звучит! Мухи, как грицца, отдельно, котлеты — отдельно. Во-вторых, по зову сердца — это прям как-то пафосно, сознательно, пассионарно, совсем не по-орочьи. Как вы себе это представляете, госпожа Рошаль: по зову сердца давить из червей жижу, толочь челюсти в ступе и сшибать за это бабки…

— А потом трахаться! — обрадованно заорал Лурц Желтая Майка из толпы.

— Да-а-а-а!!! — радостно подхватила Орда.

— Да вы, ять, издеваетесь? — обмякла в кресле госпожа Рошаль.

* * *

Глава 15
Точка зрения

Псевдоинтерлюдия. Принц и четвертованный

В комнате стоял стол, на столе стояла голова. Она принадлежала молодому, но явно изможденному человеку южной наружности. К голове вели трубки всех форм и размеров и еще какие-то коммуникации, напоминающие скорее оптоволоконные кабели. Вся эта биотехнологическая бижутерия подсоединялась куда-то в район шеи, обеспечивая непрерывность жизненных процессов в этом несчастном обрубке организма. На обритой налысо макушке размещался какой-то хитрый прибор наподобие прозрачной плавательной шапочки, мигающий синими огоньками и тихо гудящий.

Рядом со столом располагалась ванная с желтой жижей, в которой плавало туловище и обе пары конечностей: ноги и руки по отдельности. Туловище было подключено к аппарату искусственного обеспечения жизнедеятельности, к ногам и рукам также вели шланги, трубки и провода.

За столом в удобном кресле, кожаном, с металлическими ножками, сидел широкоплечий, осанистый, коротко стриженный рыжий мужчина с глазами разного цвета и орлиным носом. Вся его поза выражала одновременно расслабленность и чувство полного осознания собственной значимости. Мужчина помешивал ложечкой какой-то напиток в большой кружке и смотрел телевизор. Огромный экран на полстены явно использовался обычно для каких-то важных-научных-технологичных целей, но теперь превратился в обычный телик, и рыжий, прихлебывая из кружки, пялился на кудрявую красотку-журналистку, которая восседала на кресле, закинув ногу на ногу и белоснежно улыбаясь. Такому настрою можно было только позавидовать, учитывая окружение красавицы: непосредственными зрителями там, по ту сторону экрана, были орки да еще вековые деревья, стволы которых виднелись в отсветах горящих на поляне костров.

Просмотр длился уже что-то около получаса.

— Он трахает ее, — подув на горячее питье, сказал рыжий. — Я более того скажу — у них был секс примерно за час до интервью. У парня есть вкус! И — нет, мне не нужны шпионы и дроны, я это и так вижу. А еще — он жестко как это… Троллит? Да, он ее троллит. Она пытается делать независимый и уверенный в себе вид, а он дурит ей голову. Есть полная версия интервью, ее снял какой-то гоблин, небесталанный оператор, стоит отметить! Без

монтажа и без купюр. Вот там — очень хорошо. Уже разбирают на цитаты! Я вообще-то сначала ее посмотрел, но тут девка симпатичнее выглядит, и качество видео лучше. Мне захотелось еще раз глянуть вместе с тобой, вот и выбрал другую точку зрения — официальную. Настолько, насколько Первый Черноморский канал можно считать официальным.

Глянув в глаза голове, мужчина цыкнул зубом, открыл один из ящиков стола, достал оттуда емкость с пульверизатором, поболтал ее, убедившись, что там имеется жидкость, и приказал:

— Рот открой.

Голова открыла рот, рыжий хозяин кабинета пшикнул несколько раз внутрь и убрал сосуд в ящик.

— Сейчас я вентиль откручу, воздух пущу, будешь отвечать на мои вопросы… Ага, вот так. Знаешь, мне нравится этот парень, как бишь его… Бабай Сархан. Он знает свое место.

— Выскочка и ублюдок, — сказала голова. — Подонок из Хтони. Паяц.

— Ха, ха, — скривился рыжий. — А сам-то? Но ты-то своего места не знаешь. Думаешь, что умнее меня или Государя? Тебе не кажется это несколько самоуверенным, в твоем-то положении? Твои братья до сих пор воображают, что лучше нас знают, что полезно Династии и Отечеству. А зря. Хотя их пыл достоин поощрения. Посмотрим — может, и снимем с вас опалу. Война план покажет… Вон, послушай, что говорит этот твой подонок и ублюдок!

На экране в это время показывали огромного мускулистого черного урука с непривычно правильными, почти человеческими чертами лица. Да, привлекательным его назвать было сложно, слишком много в нем было первобытной дикости и резкости, но некая варварская харизма определенно присутствовала. Урук запустил пятерню в густую, черную как смоль, шевелюру и проговорил, явно отвечая на какой-то вопрос журналистки:

— Солдат пришлось бы загонять в Хтонь под дулами автоматов. Ты ведь знаешь, как реагируют нормальные люди на Аномалии? Эльфы и кхазады, впрочем, тоже. У девяноста процентов — генерализованное тревожное расстройство, депрессия, суицидальные попытки. Как постхтонический синдром — экзема, гастрит, рефлюкс-экзофагит, импотенция и энурез. Хтонь эманирует, это каждый чувствует. Кто-то сильнее, кто-то — слабее. Последствия накапливаются. А вот оркам — насрать. У орков не бывает депрессии. Ты когда-нибудь видела депрессивного гоблина? А депрессивного тролля?

— Но на Проспекте… — начал журналистка, возмущенно и при этом изящно взмахнув кистью руки, но была тут же

перебита.

— Да, да, на Проспекте полно людей и кхазадов, и многие из них — отличные сталкеры. Ответ простой — Оазисы. Когда я путешествовал по Васюгану, то познакомился с несколькими поселениями внутри Хтони. Они располагались в Оазисах — особых территориях, где аномальная скверна почти не ощущается, и более того — проживание в них дает дополнительный иммунитет к хтоническому воздействию. Минимальные эманации действуют как что-то вроде прививки, постепенно приучая организм и психику к такого рода воздействию. Сильный духом боец из мужчин, эльфов или гномов, отдыхая в Оазисе, может совершать рейды в Хтонь по двое-трое суток. Орки же… Тут никто экспериментов не ставил, но вполне определенно можно сказать: даже неделя или две внутри аномалии никак не повлияет на орочий организм. Да, я видал измененных уруков и снага в Вороньем Прорыве, но там скорее было воздействие некоего паранормального объекта, хтонической ловушки, аномалии внутри Аномалии. Такое встречается… Так к чему я это? Ах, да. Кто из людей стал бы ловить и выжимать червей или драть челюсти у умертвий? Это бы посчитали лютым зашкваром, верно? Разве что штрафники, в качестве наказания! Снага же лишены чувства брезгливости и такого понятия, как «собственное достоинство». Им наплевать. Что червей давить прессом, что яблочки — один хрен. Тогда зачем заставлять людей через силу делать то, что снага сделают без проблем? Мы не равны, вот и все. Моя позиция — каждому инструменту нужно найти правильное применение. Именно для этого я и создал Орду, чтобы показать, насколько эффективными и полезными могут быть орки: ологи, уруки, снага, гоблины. Хватит уже относиться к нам, как к ущербным! «Ужасная, искалеченная форма жизни…» — явно цитируя кого-то, покривлялся урук. — Полная чушь! Снага — не ущербные люди, уруки — не бывшие эльфы, гоблины — не мутировавшие гномы! Пора уже наконец понять, что мы — свои собственные! Никому в голову не придет запихать эльдара махать кайлом в забое, а гнома — заниматься цветоводством. Тогда какого хрена мы пытаемся научить снага красить траву отсюда и до заката, маршировать в ногу и вести себя прилично? Я не посылаю гоблинов биться врукопашную и не заставляю троллей решать биквадратные уравнения. Это бессмысленно, как яйца дрозда!

— Почему это яйца дрозда — бессмысленные? — удивилась журналистка.

Рыжий мужчина остановил воспроизведение интервью и сказал:

— Видишь, какой перспективный парень? Я хочу сделать из него

громоотвод. Пускай к нему, как мотыльки на огонь, слетаются все недовольные. Пускай эти авалонские грантоеды считают его революционным вождем всех орков, борцом за права угнетенных… Я-то понял, кто такой есть на самом деле Бабай Сархан! Ему не хватает системности и последовательности. Идей у него много, но этот его суматошный стиль и ручное управление… Бабаю нужен кто-то вроде тебя, Латиф.

— Но… Я же мертв! — возмутилась голова.

— Кха! Даже Бабай, кажется, понял, в каком мире живет. А ты и твои братья — нет! Ты живешь в таком мире, где «четвертование» не равно «смерть»! Знаешь, что я сделаю? Я подарю тебе новенькое, вороненое, стальное тело для твоей башки…

— У вас же есть мое тело! — разрубленный на куски, но несломленный Латиф скривился. — Я маг! Я не могу быть киборгом.

— Ты — не маг. Ты — гребаная говорящая голова, — резонно заметил рыжий. — И если будешь хорошо себя вести, то я через полгода верну тебе твое туловище… Да! Сначала — туловище, потом руки — по очереди, потом — ноги, а в конце — член.

— А можно член сразу после туловища? — скромно поинтересовался Латиф. — Ваше высочество, Федор Иванович, мамой клянусь — я всё понял. Я по струнке буду ходить, гавкать только по команде, и Бабаю этому ублюдочному даже ножки мыть стану, если прикажете. Пожалуйста, верните член пораньше!

Феодор Иоаннович Грозный, сын Государя Всероссийского, вдруг дико расхохотался, обнажив крупные белые зубы.

— Нет, положительно, это слишком замечательно! Я расскажу об этом Василию… — отсмеявшись, он ударил ладонью по столу, так что чашка с питьем и голова на подставке подпрыгнули. — Я верну тебе член вместе с туловищем, если Бабай успешно закончит дело в Сколевских Бескидах. Хочешь, твой елдак даже удлинят сантиметра на три?

— Э-э-э-э… — задумался Латиф. — Наверное, хочу.

— Знаешь ведь, что будет, если попробуешь взбрыкнуть? — голос его высочества вдруг стал холоден как лед, и на лице головы появилось выражение животного ужаса, губы задрожали, вся показушная бравада мигом испарилась.

— Д-д-д-д… Да я, ваш высоч… Я… Никогда больше… До гробовой… Д-д-д…

— Я хочу, чтобы ты рассказал Бабаю всю правду, — задумчиво побарабанил по столу пальцами Федор Иванович. — Так, как ее понимаешь. Без утайки.

— Ого! — медленно выпуская воздух изо рта, сказала голова Латифа.

— Ага, — кивнул цесаревич и великий князь в одном лице. — И знаешь, хватит уже этих инсинуаций по поводу его происхождения. Какая разница, кто именно — его папаша? Я вообще не понимаю, отчего весь этот ажиотаж. Ну, трахнул кто-то из принцев орчанку… Ты вообще видал, какие девчонки в урукхае водятся? Это же огонь! А двигаются как? А темперамент какой? Ух! Я в юности сильно пил, примерно полгода кутил без перерыва, даже папеньке пришлось мне мозги прочищать. Ну, и часто мои загулы происходили в компании с черными гренадерами. Всяко могло быть. Василий и Дмитрий как-то на спор переспали с девчонками почти всех рас, начав с эльфиек всех мастей и закончив урукскими барышнями… Благо, одумались и не стали подкатывать к снажьим теткам. Но что это меняет? Ни-че-го. Кто-то будет шантажировать Грозных? Более глупой и опасной затеи в принципе не существует. Поэтому сам факт наличияорочьего ублюдка опасности не представляет — ни для Династии, ни для Государства Российского. Думаю, ублюдков Грозных по стране бегает не один десяток… А вот тот факт, что орочий ублюдок — талантливый и перспективный, успешный парень, который вылез из помойки и за два года стал миллионером и походным атаманом — он делает нам честь: наша кровь — крепкая!

Несмотря на умоляющие взгляды головы, цесаревич закрутил вентиль с воздухом, который давал возможность Латифу говорить, встал, хрустнул суставами и пробормотал:

— Пожалуй, я дам тебе боевую модель. Надо будет только поснимать всё вооружение… Давай, голова, не скучай. Я сейчас интервью включу, досмотришь. Недолго тебе тут на столе стоять осталось, скоро мы из тебя Железного Дровосека сделаем, — он повернул верхний кусок Латифа к экрану — поудобнее, а потом задумался на секунду и сказал: — Вот еще что передай Резчику: Садзынар сам виноват. Шантажировать Грозных — тупая затея.

И вышел из комнаты

* * *

Механизированными колоннами по трем параллельным дорогам мы двигались к Сколевским Бескидам.

Кулага все-таки внял гласу рассудка и провел крутую пиар-акцию по передаче нам трех сотен каких-то конченых большегрузных пепелацов, которые должны были сдохнуть за

первым же поворотом. Их местная общественность свезла с консервационных автобаз со всей Подолии, выдав поставки оркам вторчермета за великолепную благотворительную акцию в пользу защитников богохранимого Отечества! Лет этим шушпанцерам было не менее тридцати, и их активно сношали сначали вояки, а потом — местные аграрии.

Похоже, земские бонзы еще вчера мечтали сбагрить на металлургический завод по цене металлолома эти три сотни грузовиков, чем-то напоминающих знакомые мне «Уралы»,и немножко набить карманы, но тут появились мы. И вместо бонусов материальных господин председатель получил плюсики общественно-политические, представив себя благодетелем и благотворителем. Феофил, чтоб его, Феофилович думал, что лихо всучил мне хлам, оставшись белым и пушистым и поднасрав оркам одновременно…

Хрена с два он угадал. У меня были Капитошка с Парамошкой и добрая половина Сан-Себастьянского отделения «Гоблин Индастриз», и кое-кто из толковых-рукастых кхазадов, и тролли — вместо промышленных домкратов и манипуляторов, так что за тем самым поворотом наши мехводы остановились, под охраной ребят Щербатого развернули полевую рембазу и принялись за свою любимую игру в конструктор «сделай сам». Пока мы там возились с умертвиями, эти колупались в моторах и перебирали ржавые железяки. И собрали аж сто семьдесят восемь вполне себе рабочих машинок в состоянии «сел-поехал». Несколько сотен мелких ушатых-носатых похабников — это великая сила!

Я думаю, Кулага там локти себе кусал, когда врубился, что мог бы провернуть почти то же самое и некисло навариться! Нихрена бы он не мог, он же не был гоблином. Собирать что-то работающее из говна и палок — это их тема.

Так что в середине мая у нас в распоряжении уже имелись ржавые брутальные грузовики и доклепанные фургоны из всех ордынских филиалов, и наша дикая вольница превратилась в мотопехоту, увеличив таким образом мобильность. Почти четыре сотни транспортных средств позволяли при большом желании плотно утрамбовать всю Орду и повезти куда угодно, пока аккумуляторы не сядут. Конечно, паковались, как селедки в бочке, учитывая необходимый минимум груза, но… Пришлось терпеть. Мы теперь были на службе, а Коля Воронцов передал прямой приказ от Вяземского: закрыть вопрос со Сколе до конца месяца.

Хреновый приказ, если честно. Очень размытый, да и развединформации у нас было не прям, чтобы много. А та, что

имелась — не утешала. Радовали две вещи: в поддержку обещали подразделение опричников и батарею самоходных гаубиц. По всему выходило — то ли наши там планируют наступать, то ли упыри с османами готовят каверзу, так что такая язва в ближайшем тылу и нахрен не нужна командованию. Попробуют решить вопрос нашими руками, если не справимся — сделают оргвыводы и решат по-другому. Без нас.

Мы с Воронцовым в сопровождении летучего отряда урукских инвалидов-мотоциклистов мчали примерно километрах в десяти от основной колонны, чтобы успеть предупредить возможные неприятности. Нет, местные органы правопорядка были в курсе, в конце концов — информационные технологии даже в земщину проникли, так что регулировщики на перекрестках и все такое прочее давали возможность двигаться практически беспрепятственно, но существовали ведь и другие проблемы…

Дорога шла в сторону фронта, воинские части — опричные, иррегулярные, земские, аристократические, а также — тыловики и снабженцы перемещались туда-сюда со страшной силой, и вот чтобы не встрять в замануху с каким-нибудь армейским соединением, которое движется к Карпатам своим ходом, мы и гнали вперед свои байки.

Пока катились — я решил для себя еще одну задачку. Эдакий несформулированный вопрос, связанный с балансом сил между земщиной, опричниной, людьми, нелюдями, магами, пустоцветами и цивильными.

Ответ явился мне в видеусиленной танковой дивизии, которая катила к фронту своим ходом. Огромные «Добрыни» — тяжелые танки, новенькие бронированные грузовики, бронетранспортеры, тяжелые огнеметные системы, самоходная артиллерия — те самые «Питоны», ракетно-пушечные зенитные комплексы и другая тяжелая техника с белыми двуглавыми орлами на бортах… И люди. Простые парни из русской земщины: чумазые, русоволосые и ясноглазые, в грязных техкомбезах и потертых камуфляжных бушлатах. Ни одного гнома, орка или лаэгрим на всю дивизию!

Глубинка шла на войну. Та самая глубинка, представители которой составляли что-то около ста пятидесяти миллионов из всего двухсотмиллионного населения здешней России. Ни интернациональная вольница сервитутов, ни киберфеодализм юридик, ни своеобразие расовых анклавов и, тем более, никакой не стерильный футуризм опричнины не могли претендовать на право представлять все Государство Российское. А вот эти парни — могли. Они и были истинным лицом богохранимого Отечества. Они, а не маги, опричники и всякие эльфы с орками…

Черт возьми, у них даже была гармошка! Штурмовики в разгрузках и с укороченными автоматами сидели на броне, и чернявый тощий и голубоглазый солдат с нашивками ефрейтора, эмблемой подразделения и группой крови на рукаве рвал меха и орал от души, а товарищи с соседних машин подхватывали, перекрикивая гул моторов:

— По горам Карпатским метелица вьё-о-о-отся!

Сильные морозы зимою трещат!..

Обгоняя колонну на мотоцикле по обочине, я не удержался — и отсалютовал им кулаком. Была мысль, что они просто пошлют меня нахрен, но нет — один из них, молодой, с пшеничным чубом, похожий чем-то на Серегу Ивушкина, махнул рукой в ответ:

— Наемничкам — физкульт-привет!

И его товарищи весело загалдели и замахали руками, приветствуя чудище невиданное — урука на мотоцикле, подумать только — с мечом за спиной! И на душе моей стало немножечко легче — все-таки для этих ребят я тоже был «нашим».

С матерком, грохотом траков, лязгом железа и веселым русским фатализмом бронетанковая глубинка шла на войну.

* * *

Глава 16
Княгиня Заславская

Есть страхи понятные, рациональные. Рационально бояться высоты: ты ведь тупо можешь упасть и покалечиться! Рационально бояться темноты: в темноте нихрена не видно, можно удариться лбом о дверь или получить пинка от незнакомца за углом. Рационально даже змей бояться: в умеренных и субтропических широтах водятся как минимум гадюки.

А есть страхи странные и непонятные. Например, какого хрена половина жителей средней полосы России боится пауков? Ну, нет в Нечерноземье ядовитых и опасных пауков. С чего визжать и лупить их веником? Даже муравьи куда как более кусучие и зловредные, чем пауки. Нет, если брать регионы, которые располагаются южнее — там и тарантулы всякие, и каракурты, и прочие черти с дьяволами. Тем не менее, арахнофобия по всей Земле процветает, независимо от климата. И на Тверди — тоже.

Никогда не слышал о каких-то особенно жутких карпатских пауках на земных Карпатах в целом и Сколевских Бескидах в частности. На Тверди же Сколе и арахниды были почти синонимами. Почему тут случился выброс именно этой фобии — сложно сказать. Вообще над такими вопросами тут задумывались мало, по крайней мере, на хтонических границах. Может где-то там, в НИИ и МИИ, в опричнинах и столицах, хрен знает…

Местные магнаты — Заславские — крепко держались за свою землю, и, вопреки обыкновению, никакого сервитута на границе с Хтонью не было. Ранее богатый и знаменитый, теперь этот род сохранился в единственной ветви здесь, в окруженной горами карпатской долине. Место это считалось нехорошим, проклятым еще с самого одиннадцатого века, после страшной бойни, учиненной тут войсками князя Святополка Окаянного дружине Святослава Древлянского. Но имелась ли тут в одиннадцатом веке Аномалия, или просто циркулировали в народе бабкины суеверия — источники умалчивают. Плохое, скверное место — и точка.

И я склонялся именно к хтонической теории, потому что где Хтонь — там и магия, а где магия — там и маги. А маги тут — это аристократы. Вот и теперь я глядел на закованных в старинные артефактные доспехи, вооруженных мечами и огнеметами дружинников князей Заславских с грязными измученными лицами и, вдыхая запахи гари и каленого железа, нутром чуял —

Хтонь раскрыла свои нежные объятья и присматривается к нам, аки лев рыкаяй и ища, кого бы пожрать. Смотрит прямо из-за затянутых паутиной стволов деревьев, из-за желтых, пожухлых ветвей мрачного ельника. Местных закусок ей было явно мало, ей теперь орчатинку подавай… Подавится! Мы, орки, на вкус противные.

— Вы — подкрепление от Вяземского? — спросил старый воин с длинной седой бородой. — Наконец-то дождались…

Молодые гридни закинули свое диковинное оружие с закрепленными на цевье баллонами за спины и взялись за дубовые бревна перегородивших дорогу рогаток, оттащили их в сторону. Стража не была многочисленной: что-то около десятка, и это — на самой границе Хтони, которая начиналась буквально на соседней обочине! Ситуация казалась мне престранной и насквозь непонятной, но точно можно было сказать одно: Заславские сейчас переживают не лучшие времена.

— Сколько бойцов нам в подкрепление прислал Вяземский? Вы кто — иррегуляры? — тем временем спросил старый дружинник и стянул с головы шлем вместе с подшлемником.

Под головным убором обнаружилась лысина с четкой линией загара посреди лба. Обветренное, красное лицо и розово-бледная кожа макушки представляли собой удивительно контрастное зрелище.

— ЧВК «Орда», сформирована из работников Хтонической самопомощи, может, слыхали? — я не торопился спешиваться, сидел в седле электорбайка, ожидая, пока за моей спиной скапливаются основные ордынские силы. — Нас двадцать тысяч.

— Ять, — у старика даже руки опустились. — Ититьска сила! Гришка-а-а! Ступай в портал, дуй в замок! Двадцать тысяч клыка… Орков! Орда пришла! Это как мы всех кормить-то будем?!

— За это не переживайте, не знаю, как вас по имени-отчеству, — проговорил я. — Припасов у нас хватит недели на три. Дальше да, дальше будут проблемы. Но не у вас. Мы закроем вопрос за это время и поедем дальше…

— Касьян меня зовут, — сказал седой дружинник. — Боярин Касьян Игнатьич Конский, сотник дружины княгини Заславской. А ты кто таков, орчина? Двадцать тысяч бойцов — это сила грозная, даже если с дубьем на арахнов навалитесь — помощь будет серьезная. Но закрыть… Такое никому не под силу. Может, спецгруппа магов из министерства или — атомная бомба, или сам Государь, не знаю.

Я оскалился и почесал шевелюру, а Бахар Двухголовый, который со своим байком расположился по левую руку от меня,

громко заржал. Коля Воронцов соскочил с чоппера и подошел к боярину Конскому. Фамилия, кстати — зачет, ему бы с такой да в полицию какого-нибудь сервитута…

— Я — княжич Воронцов, боевой маг Кавказского опричного полка. Приставлен адъютантом к его превосходительству походному атаману Бабаю Сархану, — и протянул дружиннику свиток с письмом от князя Вяземского.

Почему — свиток? Так личную магическую печать командующего по электронной почте не пошлешь! А чтобы ввести государевы войска в юридику, уведомления по электронной почте недостаточно… И звонка по телефону — тоже. Тем более, когда речь идет об огромной толпе подозрительных орков.

— Бабай Сархан? Резчик? — глаза Касьяна Игнатовича становились тем круглее, чем дальше он читал текст письма. — Это вы, что ли, в Сан-Себастьяне Хозяев Хтони трахаться заставили? Ого-го! Беру свои слова назад, если все арахны друг друга трахать начнут вместо того, чтобы на честной народ кидаться — это можно будет считать закрытием вопроса, да! Но где вас всех разместить-то?

— А в какую сторону у вас Хтонь? — спросил я, хотя ответ был очевиден.

— Да вот она вся, кур-р-р-рва пер-р-р-рдолена! — злобно, на польский манер выпалил боярин и ткнул пальцем в стену пораженного скверной леса. — Вот она, сука страшная. Бери — не хочу. Возьмете?

Он, наверное, шутил. Но я-то нет!

— Возьмем! — я залихватски махнул рукой. — Орда-а-а-а! Слушай мою команду! Приказываю освободить от зеленых насаждений придорожную полосу на… Апчхидесят метров! Древесину использовать для обустройства лагеря и полевых укреплений! Оружие не убирать, доспехов не снимать… Особое внимание на… Кто у вас тут самый стремный в Аномалии водится, боярин?

— Паучелы, ять… Шелобы! Ну, пауки величиной с человека! Жы-ы-ы-ырненькие, стервы! Бегают со свитой мелких, паучают их, понимаешь ли…

— А? — удивился я. — В каком смысле — паучают?

— Натаскивают на охоту на людей! — охотно пояснил боярин. — Ну, и на нелюдей тоже. Говорю — паучают. Наставничают.

— Дерьмо, — кивнул я и выкрикнул: — Внимание на охренительно здоровенных пауков, соратнички! Стрелять и рубить без команды! За работу, джентльмены, за работу!!!

* * *

Юридика представляла собой осажденную крепость.

Город Сколе располагался в живописной долине на берегу реки Опир, окруженный лесистыми склонами Бескид. Хтонь подступала к нему с трех сторон, таясь под кронами деревьев, в мрачных ельниках и буковых чащобах. Железная дорога и автотрасса рассекали Аномалию, транспортное сообщение осуществлялось только благодаря мощным защитным артефактам, напитанным магией Заславских.

Сколе можно было бы считать Оазисом, если бы не безопасная речная сторона. В этом городок был похож на Проспект — находился в полуокружении. Но по субъективным ощущениям — эта юридика не была частью Хтони, как моя сан-себастьянская малая родина. Местные князья крепко давали по зубам тварям столетиями, но в последние несколько годков что-то явно пошло не так.

Высокие каменные стены, кольцо которых окружало юридику, выглядели обветшало. Мотки колючей проволоки на куртинах местами обвисли и заржавели, крыши над галереями казались неухоженными, требовали ремонта. Однако на башнях дежурили пулеметчики, и прожекторы на вертлюгах работали исправно. Службу дружинники несли, но их было явно мало! Если сотник руководил обычной заставой при дороге, это кое о чем говорило.

В сети писали, что Сколе — город с шеститысячным населением. Не было тут шести тысяч, это я точно мог сказать. Когда мы следом за дружинным вездеходом вкатились на байках в город, картина запустения и упадка стала еще более очевидной. Дома — старинные, каменные, трех- или четырехэтажные, возведенные еще в позапрошлом веке, выглядели необжитыми и брошенными, следы человеческого существования можно было заметить, может быть, в половине квартир. Заколоченные окна, неработающая иллюминация… Лица в основном — пожилые или очень взрослые. Ни детей, ни юношей с девушками на улицах не попадалось. Молодые дружинники на дороге, скорее всего, были исключением из правила. А еще казалось, что как такового гражданского населения тут и нет совсем: большая часть местных мужчин и женщин носили военное обмундирование, технические спецовки и комбезы, или даже — тяжелые стальные артефактные доспехи. Все это снова напомнило мне Проспект, но опять — с оговорками.

Здесь люди выполняли свой вассальный долг, тянули лямку на своих господ с некоей мрачной решимостью, а на Проспекте народ в основном валял дурака и наслаждался жизнью. Да, да,

драки с тварями и смерти у нас случались довольно регулярно, но, несмотря на это, даже ссыльные сохраняли некое бесшабашное настроение, если не опускались в первые дни до уровня дауншифтеров. Тут же — обстановочка царила гнетущая.

Даже в богатом, барочного вида дворце Заславских, который располагался посреди пышного, ухоженного парка, депрессивное настроение превалировало. Немногочисленные слуги разбегались в разные стороны при виде старого сотника, дружинников и нас — гостей юридики. Ни кошек, ни собак видно не было, вековые деревья мрачно шелестели ветвями, небо хмурилось.

— Мертвые с косами стоят, — сказал я, поднимаясь на высокое крыльцо и входя сквозь тяжелые, окованные металлом дубовые двери, которые открыл мне один из молодых воинов Заславских. — И тишина!

Боярин Конский зыркнул на меня странно, но ничего не сказал. Его явно коробило такое количество орков в оплоте аристократического рода: Бахар, Хурджин, Лурц, Щербатый, Кузя, первообращенные ушлепки из омерзительной шестерки и другие ордынские есаулы шли со мной. Разрешение нам не требовалось: бумага от Вяземского назначала меня комендантом местной Хтони и всей пограничной зоны на пять километров, так что по большому счету и боярин, и все его люди могли мигом перейти в мое подчинение.

Напуганные лакеи открывали двери в длинной анфиладе комнат, мы проходили дальше, дальше — пока в глазах рябить не стало от облупленной позолоты, древних портретов и затейливых канделябров. Наконец открылись последние, вызолоченные двери и мы вошли в церемониальный зал. И я даже сбился с шага, запнулся и остановился от неожиданности, поймав взгляд очень взрослой и очень красивой женщины, которая сидела в бархатном кресле у противоположной стены.

Эти черные глаза лучились энергией! Остановить мужчину движением ресниц? О да, она сделала это. И никакие мои татау ей не помешали! Или помешали? Удивленное выражение, промелькнувшее на ее по-настоящему аристократическом, элегантно состарившемся лице, свидетельствовало как раз о том, что моя реакция на это мощнейшее ментальное воздействие была не совсем такой, как ожидалось.

— Не совсем такой? — женщина вдруг звонко рассмеялась, очень по-девичьи. — Совсем не такой, господин Сархан — вот так будет гораздо более точно!

— Ваша светлость, — сказал я уверенно и сдержанно поклонился. — Княгиня Заславская…

— Ольга Евгеньевна, — царственно кивнула она. — Наконец-

то нам прислали орков. Касьян, что за глупости, почему — при дороге? В город, немедленно — в город, пусть занимают пустующие здания! Орки — это лучшее, что могло с нами случиться, учитывая обстоятельства…

Что там за такие сраные обстоятельства, если мы — лучшее? Мои соратнички тоже удивленно переглядывались. Заметив наше недоумение, хозяйка Сколе встала с роскошного кресла, расправила складки тяжелого платья и сказала:

— Ваше превосходительство походный атаман — останьтесь. Касьян — проводите господ офицеров в столовую, пусть их накормят. А далее — займитесь размещением войск в городе, — и сделала безапелляционный жест, который означал, что истина в последней инстанции изречена, и нам, простым смертным, теперь нужно побежать, сверкая пятками и вереща от радости, исполнять ценные указания этой богини в человеческом обличии.

Мои пацаны набычились и пялились в пол. Я всем своим нутром ощущал психическое давление, а потому, предотвращая неприятное развитие событий, сказал негромко, но вполне отчетливо:

— Не-а.

На интеллигентном лице Заславской снова проскользнула удивленная гримаса, та самая, какую я увидел в самом начале нашего знакомства, а потом она прищурилась:

— Вот как? Вы что же, и вправду Резчик, ваше превосходительство? И все эти люди… Орки… Они ведь под вашей защитой, верно?

— Верно. Все это очень верно. А еще верно, что еще одно-единственное неверное действие, которое подвергнет опасности физическое или психическое здоровье любого сотрудника ЧВК «Орда», приведет к непоправимым последствиям, — выпятил нижнюю челюсть вперед я.

— Непоправимым последствиям? — брови ее взлетели вверх. — И каким же? Вы смеете угрожать мне в моей же юридике?

— Формально ваша юридика — это часть тылового района группы армий «Прут». И антихтонической безопасностью здесь заведует ЧВК «Орда». Так что я как комендант Аномалии Сколевских Бескид просто оккупирую ваш городок к какой-то матери, и тогда живые тут позавидуют мертвым!

За моей спиной попробовали дернуться дружинники и Касьян Конский, но магия (а он тоже был магом!) требует гораздо больше времени, чем полдюжины острых железяк у самых ребер и кулак Бахара во рту боярина. Потому раздалось невразумительное мычание, и я продолжил:

— Здесь все будет конфисковано, оттрахано и обоссано,

княгиня. У вас под стенами — двадцать тысяч орков, такого не было со времен восстания Небабы и Наливайки, то есть — пятьсот лет. Не стоит щеголять своими ментальными способностями в такой ситуации, хотя они и впечатляющие, признаю.

— Доходчиво, — кивнула аристократка. — Вы умеете быть убедительным и настраивать оппонента на деловой лад. Я бы не хотела быть конфискованой и обоссаной… И оттраханой. Наверное.

На этой фразе она вдруг очень озорно улыбнулась и оглядела с ног до головы сначала меня, а потом Хурджина и Бахара. И дрэдастого борнейского урука она рассматривала гораздо дольше, чем нас обоих вместе взятых. Двухголовый шумно сглотнул, и вдруг покраснел, совершенно нетипичным для него манером встряхнув головой и убирая дрэды с лица. Княгиня снова звонко рассмеялась:

— Командуйте, комендант. Когда закончите — Касьян проводит вас в мои покои, — и вышла вон из зала.

Бахар вынул кулак изо рта боярина, тот некоторое время отплевывался, а потом сказал:

— Суров ты, пан-атаман. Ей укорот мало кто дать может. Командуйте, раз такое дело…

Командовать — не мешки ворочать. Поорав друг на друга и обматюгав один одного по штабной традиции, мы посовещались, и я решил оставить тяжеловооруженный Сан-Себастьянский стройбат имени Омерзительной Шестерки на лесозаготовительных работах: лес вдоль дороги надо было вырубать в любом случае, местные не сделали этого из-за малолюдства. Касьян отрядил полсотни своих дружинников им на помощь для координации и огнеметной поддержки.

Урукскую молодежь отправили на вольный поиск: три сотни малолетних головорезов обещали облазить все хтонические леса и горы на два километра окрест, не особенно углубляясь в Хтонь, и явиться в Сколе с развединформацией. И не сдохнуть. Я пообещал, что найду сраного некроманта, подниму и убью заново каждого из них с особой жестокостью, если хоть одна тупая клыкастая падла позволить себе сдохнуть на первом серьезном задании. Кажется, они прониклись, и Лурц Желтая Майка — стихийный вожак этой банды — поклялся сваливать сразу же, как только они встретят кого-нибудь хотя бы капельку такого же страшного, как я. Да и хрен с ними, в конце концов — одним больше, одним меньше…

Остальные отряды должны были начинать плотно окапываться в Сколе. Судя по всему — этот городок отлично подходил для главной базы Орды здесь, в прифронтовой полосе.

Даже железная дорога имелась! Конечно, княгиня была весьма мутной персоной, но я не боялся предательства с ее стороны: Касьян обмолвился, что старший сын местной хозяйки увел младшую дружину и всю тяжелую технику в действующую армию сразу же после манифеста об объявлении войны, так что лояльность Заславских Государю можно было не подвергать сомнению. Кстати, такая ремарка объясняла и некоторое запустение в юридике, пусть и не полностью.

Потому что, если я хоть что-то соображаю, то упоминание СТАРШЕГО сына предполагает наличие еще как минимум одного ребенка, а его я не наблюдал. Как и отца семейства… Спрашивать было как-то неловко, и потому я решил, что разберусь сам, со временем. Но другой вопрос требовал немедленного прояснения, и потому, после решения всех организационных моментов, когда Касьян Конский уже вел меня по очередной анфиладе в княжеские покои, я спросил:

— Так все-таки… Что там по поводу «закрыть вопрос с Хтонью»? Не каждый день поступают такие пожелания…

Боярин дернулся, застыл на месте, ухватил себя за бороду и рявкнул:

— Пускай ее светлость сама! Ух, как меня это достало, а? А-а-а, черт… — он шагнул ко мне и, задрав голову, глянул в глаза: — Знаешь, я бы и в простолюдины переписался, только бы вся эта чертовщина закончилась. Мы тут не особенно расстроимся, если ты Хтонь закроешь и его прикончишь, если честно. Его и эту авалонскую шлюху! Понятно?

— Не-а, — второй раз за сегодня сказал я и пожал плечами. — Да и хрен с ним.

Кого — его? Какая еще шлюха? И причем тут Хтонь? Определенно, для княгини у меня накопился целый список вопросов!

* * *

Глава 17
Эликсир бессмертия

Личные покои хозяйки Сколе имели вид помпезный и потрепанный. Впрочем, как и весь замок, да и весь город — тоже.

— Чтобы расставить все точки над і сразу, говорю прямо: Заславская здесь только я, — заявила княгиня и подошла к столику, на котором стоял хрустальный графин и бокалы. — Мой дражайший супруг — князь-консорт, его фамилия — Гредель. А мои сыночки — Гредель-Заславские, вот такая бесславная метаморфоза некогда великого рода…

Она налила из графина в квадратный стакан чего-то коричневого и явно алкогольного, залихватски хэкнула и влила в себя напиток. Хорошо хоть рукавом не занюхала.

— Княгиня, — сказал я, удивленный такой разительной переменой в ее поведении по сравнению с властностью и лоском, которые она демонстрировала на официальном приеме. — Да вы пьющая! И что, капитально закладываете? Давно это с вами?

— Хо-хо, парниша, — откликнулась она и налила себе еще полстакана — Я ведь училась в Смольном. Будешь?

— Нет-нет, я на работе… Так что там с Гренделями… То есть — Гределями? Как это относится к моей боевой задаче?

— Гренделями… Да какие там грендели? Ты гренделей видал? — он снова хэкнула и залпом выхлебала огненную воду.

Очень неаристократично!

— Ой, можно подумать, — поморщилась княгиня, явно читая мои мысли. — Еще перед орком я не выстебывалась. Ты себя в зеркале видел?

Заславская подошла, встала на цыпочки, вытянула руку, бесцеремонно взялась за мое лицо, и принялась вертеть моей мордой туда-сюда. Мне было любопытно, чем это закончится, так что я ждал, и «БУ!» не говорил. Хотя очень хотелось.

— Кого-то ты мне напоминаешь, кого-то напоминаешь… Не урука, нет, это понятно… Этот профиль… Уф, нет, пить надо меньше, мерещится всякое! — он отошла на пару шагов назад, еще раз глянула на меня и тряхнула головой. — Пить надо, но меньше… Так, о чем это я? О Мишеньке Гределе, муженьке моем. Как и все пустоцветы, он очень завидовал магам. То есть — мне! Нашему долголетию, нашим способностям… Сто лет, отмеренные, Господом Богом для пустоцветов, его не устраивали. Сто лет полноценной, активной жизни, о какой обычный человек может только мечтать! Никакой простуды, никаких

злокачественных опухолей, никаких паразитов в организме. И смерть — по расписанию. Плюс-минус месяц, и после исполнения ста лет пустоцвет начинает превращаться в добродушного, забывчивого старичка. Ему хочется чаще спать, меньше говорить — он потихоньку увядает, чтобы один раз уснуть навсегда в своем кресле. Смерть, о которой можно только мечтать! Мы, маги, уходим страшно…

Княгиня снова потянулась к графину, но я взял сосуд первым, вынул хрустальную пробку и залил себе в глотку весь этот сраный бренди или виски, или арманьяк — хрен знает, что это было, для моего метаболизма — просто быстрые углеводы, вот и все. Грамм триста, просто слёзы, а не порция.

— Э-э-эй, парниша! — возмутилась она.

— ША! — рявкнул я, переходя на гроул, и Ольга Евгеньевна Заславская чуть до потолка не подпрыгнула. — КОТОРЫЕ ТУТ ВРЕМЕННЫЕ?! Вы княгиня или где? Мы тут собрались дело обсуждать или рожи корчить? Я, например, собираюсь сейчас выйти в окно и пойти по своим ордынским делам, потому что я вижу перед собой пьющую женщину, а не хозяйку воюющего города! Зар-р-раза, что за нахрен, да из местной аристократии половина — полные неадекваты! Как еще Россиюшку не просрали?

— Половина? Парниша, экий ты оптимист! — она рухнула на зеленый бархатный диван, который стоял у стены, уселась поудобнее, закинув ногу на ногу и обложившись со всех сторон бархатными же подушками. — Восемьдесят процентов людей — идиоты, это еще Эдгар По сказал, великий темный маг и великий писатель! И среди одарённых и аристократов эта цифра остается неизменной. Говорят, среди других рас бегунок может туда-сюда ездить, но…

— Девяносто девять процентов снага — идиоты, — кивнул я. — А среди уруков идиотов нет. У нас одни агрессивные сумасшедшие. Что касается эльфов — там сплошные инфантилы. У кхазадов осознанно культивируется обсессивно-компульсивный синдром. Про гоблинов и говорить нечего: буйным цветом расцветают расстройства пищевого поведения, сексуальные извращения, клептомания и прочая, и прочая и прочая…

Определенно, смех Заславской стоил того, чтобы стоять тут и пороть всякую чушь.

— Вам бы в актеры озвучки податься. Голос и смех у вас приятные, — проговорил вслух я, понимая, что при ее ментальных способностях ясно оформленные в слова мысли так или иначе станут ей известны.

— Да ты еще и дамский угодник, а? Кстати, знаешь, что ты

первый орочий менталист? — она обняла подушку и теперь смотрела на меня испытующе.

— Да, что-то такое мне говорил кто-то из вашей княжеской братии. Про «Выдох силы» или «выход силой», какая-то такая хрень. Но это все пустяки, дело житейское. Вы вот что скажите: за каким чертом вам эти морщины на лице? — поинтересовался я. — Вы ведь можете выглядеть как угодно!

— Для солидности, — сказала княгиня. — Никакой ты не дамский угодник. Ты хамло и быдло.

Тут уже я заржал в голос, не сдерживаясь, аж окна задребезжали, и стулья по комнате запрыгали. Отсмеявшись, я ухватил стул, уселся на него верхом, так, чтобы спинка оказалась спереди, положил на нее руки, а на руки положил подбородок:

— Валяйте, княгиня. Рассказывайте. Что там с завистливым Мишей, князем-консортом?

— Ах, да… — она сделала вид что вспоминает. — О Мише! Мише всегда претила мысль, что он умрет раньше меня. Истинные маги и до двухсот доживают, если знают, что такое самоконтроль, осторожность и умеренность. Так что мой благоверный решил исправить несправедливость и найти средство…

— Тоже пьющий? — не выдержал я.

Обычно те, кто больше всех борется за справедливость — пьющие.

— Нет, Мишенька не пьет, он долбится. Долбился, точнее, — пояснила она.

Уточнять, что такое «долбится» я не стал. Ну его нафиг. Меж тем княгиня продолжила:

— Так вот, у Миши имелись три страсти, и я в их число не входила. Мне кажется, что он и женился-то на мне по расчету… Не потому, что я была княгиней, а он чертовски богатым пустоцветом, а потому, что я владела Сколе. Здесь две из трех его идей фикс сошлись воедино! Пауки и вампиры. Понимаешь?

— Смутно, весьма смутно… — признался я.

— Ну, как же? Носферату живут черт знает сколько, некоторые особи имеют возраст в пятьсот лет! А может, и больше. Тот же Владислав Басараб Цепеш — доподлинно неизвестно, в каком году он родился… Может быть, в 1428 или в 1431, а может, и на лет сто раньше…

— Цепеш? То есть — Дракула? Это же сказки! — удивился я. — Серьезно, вы верите в Дракулу?

— Парниша! — погрозила она мне пальцем. — Еще скажи, что ты не веришь в хоббитцев и дедморозов?

— Нет, — я поднял вверх открытые ладони. — Дедморозов я,

предположим, видал. Но что касается хоббитцев и дракулов… То есть — Дракулы! Это, простите…

— Прощаю! В общем, пауки, как широко известно, любят домашнюю консервацию, — она жестом фокусника извлекла из какой-то полости дивана початую бутылку вина и торжествующе продемонстрировало ее мне. — А готовят они ее следующим образом: кусают свою жертву и заматывают в паутину. Паучиный яд тормозит все процессы в организме, и он не портится очень, очень долгое время! При этом стоит отметить — в нашей Хтони находили попаданцев даже из девятнадцатого века!

— Попаданцев? — поперхнулся я.

— А, такое словечко из Смольного, была там одна девчонка, она нам такое рассказывала, про души умерших людей из прошлого, будущего и других миров… Фантазерка, но премиленькая! Не обращай внимания, парниша. Ты суть уловил? Они не портились! А потом, когда, например, я их приводила в чувство… При помощи магии, конечно! То они очень сильно удивлялись и понять не могли — как так провисели двести лет на дереве в коконе!

— Охренеть, — сказал я. — Это у ваших арахнов такой яд? Вы понимаете, что этой информации цены нет?

Я мигом себе представил возможности такой хреновины в боевой аптечке! Жахнул укольчик раненому — и вуаля! Он точно не умрет! В паутину заматывают, да? Значит — закрутить в плащ-палатку и прикопать. Координаты — в тактическую сеть подразделения или на общий сервер, потом санитары найдут! А?

— Гляди-ка, глаза загорелись, — княгиня щелкнула пальцами, и пробка из бутылки с вином вылетела. — Что, тоже бессмертным хочешь стать?

— Открою вам страшный секрет… — заговорщицким шепотом проговорил я.

— Ну, ну?.. — она поманила пальцем один из квадратных стаканов с журнального столика, и он подлетел к ней. — Рассказывай.

Бутылка наклонилась прямо в воздухе, и вино потекло в стакан.

— Мы все — бессмертные, это мне совершенно точно известно, — ухмыльнулся я.

— Черт меня подери, — сказала княгиня, и стакан вина полетел к ее рту, и она уже вытянула губы трубочкой, чтобы выпить…

Но я гаркнул:

— БУ! — и вино вылилось ей на платье, она вскочила и хотела наброситься на меня с кулаками, но вовремя все осознала.

Потом — в комнате стало очень холодно, потом — жарко, потом затряслись диваны, шкафы и стулья, потом — ее волосы загорелись…

— Не страшно, что ли? — обиженно проговорила она, прерывая локальное светопреставление.

— Не-а, — сказал я. — Хорошо быть уруком, да? А Резчиком — еще лучше. Рассказывайте дальше про Мишеньку, мне жутко интересно, я уже чую звон денег в моих загребущих лапах!

— Фу, как мелочно! Деньги? Тебе деньги нужны? Сколько тебе нужно? Давайте, я вас тоже найму?

— Деньги — очень много, а еще — княжеский титул, эльфийскую принцессу и чашечку кофе, — кивнул я. — И будет порядочек.

— Фи! Эльфийская принцесса? Как можно, это ведь моветон! — Заславская вдруг замерла, и глаза ее стали очень-очень круглыми и большими. — Ого! То есть — ой-ей, какие страсти! Что, правда — принцесса лаэгрим и урук-Резчик?

— Знаете, что будет, если вы проболтаетесь кому не следует? — на всякий случай спросил я.

— Вы меня конфискуете, оттрахаете и… И все такое прочее? — эта княгиня была никакая, блин, не княжеская! Скорее, напоминала какую-нибудь престарелую примадонну советской эстрады, из настоящих, а не фанерных артисток. — Всё, всё, молчу! Точнее, не молчу, а рассказываю…

Она поерзала немного, а потом призналась:

— У меня тут еще есть коньячок, в шифоньере. Давай, я быстренько расскажу, ты уйдешь и позовешь ко мне того милого парнишу с этими толстенькими косичками, мы с ним будем пить на брудершафт!

— Э-э-э-э… Я могу обещать только, что донесу до него ваше предложение.

— Договорились, — хлопнула в ладоши княгиня. — Итак, слушай!

И она рассказала.

* * *

Михаил Гредель действительно мечтал стать бессмертным. И, похоже, у него были беды с башкой. Не одна беда, а именно — беды. Опыты над паучьим ядом я вполне мог понять, да. Но вот связи с носферату и, более того, приглашение одного из них в Сколе в качестве почетного гостя — это был уже зашквар чистой воды! Именно тогда и начал приходить в запустение городок. Те,

кто не был лично привязан к Ольге Заславской — сваливали со всей возможной скоростью. Потому что носферату — это носферату. Паразит высшего порядка! Он всегда нуждается в чужой крови и заемной жизненной силе. И чем эта сила разнообразнее — тем ему комфортнее существовать. На носферату уже не работали приколы типа «вкусно — не вкусно». Они выпивали и гоблинов, и троллей, и гномов, не ограничиваясь легкоусвояемыми людьми и эльфами.

Да, эти легендарные вампиры могли терпеть долго: полгода, год. Но потом срывались и начинали резню, и их жертвы исчислялись сотнями. Иногда — тысячами. А еще — у носферату существовала еще одна потребность: обращать. У них свербело. Им нужны были новые адепты. Обожание, преклонение, полное подчинение — вот от чего еще ловили кайф великие кровососы. И всё это обеспечивали своему патрону зараженные упыризмом бедолаги…

В общем, князь-консорт стал вливать себе упыриную кровь. Его даром пустоцвета была регенерация и использование элементов органики для восстановления и усиления организма, и он надеялся, что это поможет без превращения в упыря получить упыриную сверхсилу. Получалось или нет — сказать сложно, но то, что полного успеха от таких манипуляций не произошло — это однозначно. И тут Мишенька решил использовать один удивительный нюанс, который характеризовал этого самого упыря с совершенно неожиданной стороны.

Штука заключалась в том, что этот носферату, ужасное чудовище, кровосос и исчадие ада, был эльфийкой. Настоящей авалонской эльдаркой, белокурой, с огромными притягательными… Глазами! С точеной фигуркой и очень выдающимся всем остальным прочим, что биологи называют вторичными половыми признаками. У этой леди явно имелись проблемы с наличностью. И с башкой — тоже, иначе за каким хреном она поперлась в эдакое захолустье? Явно не только и не столько для того, чтобы делиться своей кровью с князем-консортом и сосать у местных жителей где ни попадя!

По крайней мере, Заславская была уверена — муженек отвалил этой странной особе миллион денег за проведение какого-то извращенного ритуала.

Эльдары ведь тоже — те еще долгожители. Многие даже мнят их бессмертными! А легенды про то, что разделивший ложе с настоящей девственной эльфийкой разделит с ней и ее вечную жизнь, были очень, очень стойкими. Я припоминал такие байки вокруг Арвен и Арагорна, за авторством старика Толкина, но и подумать не мог, что и тут они пустили корни! Хотя почему не

мог? Мог. Я тут жил около двух лет и уже прекрасно понял, что эфирно и информационно наши миры связаны гораздо сильнее, чем могло показаться на первый взгляд.

Правда, Ольга Евгеньевна была уверена, что авалонская шлёндра никакой девственницей не была и мало того, что с самого момента обращения жизни не видела без того, чтоб не отсосать у кого-нибудь чего-нибудь, ибо — кровосос, так еще и вроде как трахалась направо и налево. Но это все могли быть домыслы княгини, свечку она не держала, и на горяченьком гостью не ловила. Да и пофиг ей было: главная претензия заключалась в том, что эльдарская вампирка нагло развела ее муженька на бабки. А тот факт, что он с ней теоретически трахался, княгиню вовсе не смущал. Зато ее смущал тот факт, что с вампиркой мечтал потрахаться ее младшенький. И собрался эмигрировать в Авалон, и вызвал отца на дуэль из-за права владения парой эльфийско-вампирских сисег…

На этом моменте у меня начала болеть башка, и я начал терять нить повествования, а посему с грохотом встал и спросил:

— От меня-то вы чего хотите?

— А что вы тут намереваетесь делать? — ответила вопросом на вопрос княгиня.

— Я-то? Я-то намереваюсь отловить как можно больше пауков, выколупать из них железы с ядом и отдать на переработку… Кому-то там. Может, Боткиным или — Пироговым, или — Лестокам, или ушлым простолюдинам, мне плевать. Главное — чтобы денег заплатили много и быстро и согласились на мои обязательные условия.

— Какие условия? — удивилась княгиня.

— Заключать договоры о поставках напрямую в медсанчасти фронтовых частей. Никаких контрактов с военным ведомством, только из рук в руки.

— А так можно? А ты, парниша, идеалист, да? Всё добро причинять пытаешься? — Ольга Евгеньевна поджала ноги под себя и сказала: — Княжеский титул не обещаю, но дворянство выхлопотать могу. Аномалия выросла, поглотила кое-какие поместья… Если я пожалую тебе землю в юридике — ты автоматически станешь дворянином. Отбей земли у Хтони, уничтожь ее вовсе, вот моё пожелание. Мне плевать на ослабление магии, веришь? Я хочу нормально пожить, и чтобы люди мои нормально пожили. И знаешь что? Если Мишаня и его шлюха сдохнут — я не обижусь. Я обрадуюсь. Одним поганцем-кровососом станет меньше. Эльдарка она там или не эльдарка — это для дипломатии важно, лично мне — насрать на их экстерриториальность! А вот младшенького моего, Вовочку, его

живым доставьте, любой ценой…

— Не-а, — в который раз за вечер сказал я. — Не любой ценой. Я вашего оглоеда даже на десяток снага разменивать не собираюсь, если он дичь творить будет.

— Я разрешу вам открыть тут филиал. Первый филиал Орды в Юридике, а? И дворянство, и вассальная присяга арагонского типа! После окончания войны. Только найдите мне Вовочку!

— У меня два вопроса: как ваша семейная драма связана с Хтонью, и где мне их искать?

— Это один вопрос! — всплеснула руками она. — Неужели я непонятно всё это рассказывала? Всё же яснее ясного! Миша и эта его авалонская носферату прямо накануне вашего прибытия, буквально вчера… А может, даже и потому, что узнали о приближающейся Орде, взяли с собой сотню личной охраны Гределей и отправились в самое пекло! На гору Парашка…

Я гыгыкнул. Парашка и пекло — это не очень сочеталось. Глупости, конечно, Парашка — это от имени Параскева образовано, но чисто по-орочьи не поржать я не мог.

— Фи, — сказала княгиня. — Я уверена, там — это ваш эпицентр. И там они собираются провести ритуал, который вроде как дарует Мише бессмертие. Но по мне — они сильно навредят… И Вовочка — он помчался за ними! Такой талантливый и такой дурной… Влюбился в нее, представляете? И отправился спасать. Он думает, отец собирается принести ее в жертву, все еще считает ее невинной овечкой! А я думаю — Миша и его кровососущая шлюха скорее начнут потрошить парней из охраны, и вот их мне реально жалко!

Вот тут мне поплохело. Жертвы в эпицентре Хтони, да еще и носферату поблизости… Видал я такое, и результаты мне очень не понравились. И тем страннее выглядело поведение нашего командования: никакой конкретики, только общий приказ разобраться со Сколевскими Бескидами до конца месяца! Они что-то знали? О чем-то догадывались? Если они знали про носферату — то почему я не видел тут отряда опричников с метлами и собачьими головами? То есть — с автоматами Татаринова и файерболами? В чем же дело, ёлки-палки? В ее Авалонском подданстве и экстерриториальности, серьезно?

Словно в ответ на мой незаданный вслух вопрос снаружи раздался гул двигателей конвертоплана.

— Это к вам, — сказала княгиня. — Подкрепление прибыло. Очень кстати они будут, когда вы в Хтонь всерьез полезете, там такие мощные парниши… Идите встречайте, только не забудьте позвать ко мне этого милашку с толстенькими косичками!

В совершенно одуревшем состоянии я шагнул к окну,

распахнул раму и выпрыгнул наружу. Потому что ну нахрен эту княгиню, этот Сколе и всю российскую аристократию с их поехавшими крышами!

Глава 18
Голова профессора Робокопа

Огромные военные конвертопланы выгружали на главную площадь Сколе гаубичную батарею. Те самые «Питоны». Тех самых, ять, Ермоловых! Откуда я узнал? Так киберфеодализм же! Этот герб со львом, единорогом, мечом и звездочками мне уже мерещился, если честно.

С такими приколами я не удивлюсь, если батарея была из того самого дивизиона, который в свое время участвовали в штурме Ород-Рава, и именно их однополчан я крошил на опушке леса, пытаясь выручить любимую-ненаглядную Эсси из плотного кольца осады… Вот же черт! Что значит — ненаглядную? Это как понять? Это что — я до сих пор… Ну да, до сих пор. И никакие кудрявые журналистки тут не помогут. Тут поможет только время и расстояние, как можно дольше и как можно дальше. Или невероятное чудо, которое выдернет мою ушастую прелесть из-под опеки гор и лесов Баргузина и притащит прямо ко мне. И вероятность этого — крайне мала!

А поэтому — нехрен предаваться праздным мечтаниям в духе куртуазных романчиков для дебилов, нужно дела делать!

Рядом со дворцом, на лужайке парка, тоже садился конвертоплан. Чуть поменьше, чем транспортники, притащившие самоходки, но — агрессивных обводов, бронированный и знакомый до боли: черный, потрепанный, с нанесенными на бортах белым двуглавым орлом, собачьей головой и молотом. И с некоторым внутренним удовлетворением я наблюдал, как опускается с грохотом аппарель, и на газон выходят такие прям тоже знакомые до зубовного скрежета фигуры в опричной броне.

Усатый и небритый ротмистр Петенька Розен, фельдшер Поликарпыч, надежные и почти бессмертные Талалихин, Козинец, Грищенко… А еще — внезапно — Лаврентий Нейдгардт и Филипп Текели, и, ожидаемо — Роксана Ртищева. И еще какой-то тип, с дурацкой походкой как у робота.

А, черт! Это и был робот. Только башку ему присобачили человеческую. Или то человеку присобачили кибернетическое тело? В принципе, что в лоб, что по лбу — выглядело это жутковато: как у робокопа в фильме, когда с него шлем сняли. Мне в детстве потом такие кошмары снились, с этой робокопской башкой. Мне — в смысле Бабаеву. Ученику Резчика точно кошмары не снились, уруки вроде как вообще со сновидениями не дружат, и предпочитают без них обходиться. А вместо фильмов

я понятия не имею, что Садзынар своему падавану показывал. Может, Кузькину мать?

Кузька, кстати, был тут как тут! И Воронцов — тоже. Вот уж кто не растерялся: гоблин снимал прибытие подкрепления на видео, а Коленька кинулся приветствовать соратников. Он просто светился от счастья! Все-таки Николай свет Георгиевич в первую очередь был опричным боевым магом, а уже потом — отпрыском аристократического семейства, моим адъютантом и всё такое прочее. Я, кстати, только сейчас соотнес тот факт, что он — боевой маг, как и те лихие мажоры из «Муската». Это же страшный человек получается, если прибавить сюда фамильную предрасположенность к телепортации!

— Ваше превосходительство! — церемонно щелкнул пятками и наклонил голову Розен, приветствуя меня.

— Ротмистр, не ломайте комедию, — оскалился я. — Из меня превосходительство как из говна — пуля. Давно ли Талалихин с Козинцем давили меня мордой в холодный бетон хтонических развалин Проспекта? Давай без этих штучек, ты ведь прекрасно знаешь, что походный атаман я потому, что у генштаба не было другого выхода. Двадцать тысяч распиз… Э-э-э-э… Долбоё… Вот блин! Короче, понятно же, что Орда ни за кем другим не пойдет. Вот и назначили меня походным атаманом наемных войск! Я это звание не воинской доблестью и талантами стратега добыл, а баблом и первобытной харизмой, а?

— Тем не менее — в табели о рангах ты меня выше на… — Петя задумчиво крутанул усы.

— Апчхицать ступенек? Да и хрен с ним! Ты давай признавайся — вы за носферату приехали? — рубанул с места в карьер я.

— О, черт! Бабай, тише, чего разорался? Мы прилетели чтобы интернировать и эвакуировать подданную Авалонского королевства Фириэнэ Исилиэль! И передать ее в Авалонское консультсво в Москве! — он аж зашептал под конец. — И точка!

— Ой, да брось ты! Тут, в Сколе, каждая псина уже, похоже, знает, что за тварь эта твоя Исилиэль! Погляди — тут половина пустых домов, и это — в юридике! Видал когда-нибудь такое?..

— Эм-м-м… — Розен явно замялся. — Так ты в курсе событий? Знаешь, где ее искать?

— У меня для тебя дерьмовые новости, Петя! — улыбка моя была слишком широкой. — Я знаю не только ГДЕ ее искать, но и КОГДА ее искать, вот в чем самый кошмар!

Роксана подошла к нам, смерила меня уничижительным взглядом, склонилась к несчастному ротмистру, и в самое его ухо прошептала, касаясь губами кожи Пети:

— Милый, он хочет сказать, что прямо сейчас нам всем придется куда-то бежать сломя голову, без толкового плана, подготовки и снаряжения, и совершать подвиги, более похожие на приступ шизофрении.

Всё-таки умная женщина Розену досталась. Не завидую я ему!

— Что — правда? — ротмистр усы даже встопорщил от удивления.

— Ну-у-у, понимаешь, тут один местный князь-консорт мечтает о бессмертии, и потому буквально вчера взял с собой это авалонскоподданную соску… Крово-соску, конечно! И отправился сквозь Хтонь совершать там оргию с участием вышеупомянутой носфератской эльфийки и двух сотен личных дружинников. И если мы вспомним последнюю известную нам обоим историю, в которой фигурируют упыри и оргия… Пусть не оргия — пусть ритуал, но сути это не меняет — воспоминания в любом случае насквозь воняют дерьмом. Смекаешь, Петя, к чему я?

— Бр-р-р-р! — сказал Петя. — Бабай, без шуток — сколько у нас есть времени?

— Часа три? Не думаю, что Михаил Гредель или эта твоя Исилиэль научились договариваться с Хтонью. Им придется пробиваться к эпицентру Аномалии с боем. И если мы до сих пор не ощущаем на себе зубодробительных последствий ритуала — значит, либо у них не получилось совсем, либо они завязли и продвигаются медленно… А потому — разворачиваем широкомасштабное наступление на Хтонь для отвлечения внимания основных паучиных сил и организуем прорыв мощного ударного кулака из группы сильнейших бойцов в Парашку… На Парашку…

— Фу, Бабай, — скривилась Ртищева. — Парашка? Ты совсем не изменился!

— Хамло и быдло, мне сегодня одна пьющая аристократка об этом уже говорила, — я не стал объяснять Роксане про особенности местных географических названий. — А вон она, кстати, из окна машет. Поздоровайтесь — это Ольга Евгеньевна Заславская — княгиня, местная хозяйка, менталист, телекинетик, терморегулятор и вздорная женщина.

Роксана помахала Заславской как равная — равной, а потом глянула на меня испепеляюще:

— Ты с ней спал?!

— Дорогая! — отшатнулся Розен. — Как можно? Что за тон?

— Да, да, ты тоже не изменилась, — кивнул я, стараясь не смотреть на ротмистра. — Петя, мне тебя жалко. Я пошел шевелить Орду и собирать ударный отряд. Сможешь пообщаться с ермоловской артой об огневом вале? Хорошо было бы облегчить

нам путь к Парашке… Там десять километров по лесу, если напрямую. Не хотелось бы проламываться через паучьи укрепрайоны и поля из паутины.

— Могу, — сказа Розен, играя желваками. — Пообщаюсь. Ты же понимаешь, что весь мой отряд входит в группу прорыва?

— Понимаю, — кивнул я. — У вас опыт общения с носферату и вздорными женщинами поболее, чем у меня, так что претензий не имею. Да и в целом — я рад что это именно вы. Всяко — народ не случайный, проверенный!

Я по очереди подошел к каждому опричнику и всем пожал руки, даже Филиппу Текели — огненному мальчику, которого я в свое время в фонтан с золотыми рыбками макал. Он глядел на меня с некоторым восторгом, и я понятия не имел — какого хрена. Но сам факт нахождения его в отряде Розена уже ставил жирный плюс ему в репутацию. Не слюнтяй какой-нибудь, к настоящим боевым псам подался, а не на какую-нибудь синекуру при штабе.

— Ваше превосходительство? — раздался вдруг скрипучий голос. — У меня к вам послание от цесаревича и великого князя Феодора Иоанновича.

И все резко повернулись к тому самому робокопу с человеческим лицом. И, чтоб меня, я узнал это лицо! Это, черт побери, был Латиф Нахичеванский собственной персоной! Тот самый, которого капитально четвертовали в прямом эфире за терроризм, финансовые махинации и организацию массовых беспорядков и военных действий на почве расовой ненависти!

* * *

Последние пять минут я сидел и усиленно чесал репу. Почему? Потому что репа моя чесалась от обилия мыслей. Не каждый Божий день робокоп с башкой одного из самых молодых и искушенных махинаторов современности сообщает, что царской семье плевать на меня. В смысле — плевать на то, что я — отпрыск кого-то там из них. Никто родинки искать не собирается, и танцевать с сотней слонопотамов — тоже. Это не индийское кино, это Российское Государство.

Да и с Садзынаром, похоже, выходила капитальная шляпа: его точно убили Грозные. Просто взорвали ему мозг, походя, щелчком пальца. И никакие малевания на стенах, и никакие татау не помогли. Кто из царевичей это сделал — особого значения не имело, мстить правящей Династии — это удивительно дебильная идея, тем паче лично я старого Резчика и не знал никогда, а

Сархана он вздрючивал как Тузик грелку, и мой реципиент к учителю теплых чувств не питал, если вспомнить удивительное хладнокровие в тот вечер, когда тело старого урука горело в автомобильных покрышках. И на Резчика Садзынар Сархана судя по всему не учил толком, иначе в нашей общей башке хотя бы какие-то обрывки полезных сведений всплывали…

Так что посыл от Федора Ивановича Грозного мне очень даже понравился. Мол, всё правильно делаешь, мы не против, пока выше головы прыгнуть не пытаешься. Забавная зверушка. И звание походного атамана за подписью Августейшего Атамана — это своеобразный аналог такого поглаживания по холке! И Латифа он тоже прислал в качестве приятного бонуса. Бросил кость полезной собачке. От крысиного короля и принца помойки до полезной царской зверюги и походного атамана — нормальная карьера за два года, если взглянуть правде в глаза.

— Я помогу тебе с бухгалтерией, — сказал Робокоп-хан Нахичеванский. — У тебя с финансами твориться бардак. Твоя Вера Павловна — замечательная женщина, но она ничего не смыслит в макроэкономике, биржевых котировках и рынке акций!

— Давай-давай, — усмехнулся я. — Наговори еще кучу умных слов, которые должны доказать мне, что ты охренительный специалист! В Орде это так не работает, смекаешь?

— А как? — мимика на лысой башке Латифа выглядела реально стремно. — Как у вас это работает?

— За тебя поручился кое-кто максимально авторитетный, поэтому так и быть, я назначаю тебя главбухом. Кузя, пишешь? Под протокол это всё! Итак, голова Латифа Нахичеванского принимается на должность ордынского главбуха, одновременно для ЧВК, Самопомощи и Франшизы, по совместительству. С испытательным сроком на три месяца. Если я увижу что бабла стало больше, а проблем меньше — набью тебе в качестве поощрения на лысину татау с логотипом шоу «Умники и умницы», станешь этим ять, как его… Умником и умницей, короче.

— А если нет? — он своей роботской рукой попытался тоже почесать репу — свою, а не мою, конечно, но получилось откровенно хреново.

— А если нет — то запихаю твою башку в жопу! — пояснил я.

— У меня нет жопы, — печально проговорил Латиф.

— Жопу мы найдем, — пообещал я. — Но ты лучше не доводи до греха… Как тебе вообще в новом обличье?

Нахичеванский развел руками и состроил печальную гримасу:

— Мое туловище, мои руки и ноги, и мой писюн теперь

отмокают в ванне с жижей. И ждут меня. Мне грустно об этом думать…

Я ржал как сволочь и не мог успокоиться, а Латиф смотрел на меня как на идиота. Дождавшись перерыва между приступами хохота, я сделал над собой усилие и спросил:

— Тебе сколько лет, голова профессора Доуэля? Что за «писюн»? Кто так вообще говорит? Детсадовцы? Ты же, ять, преступный гений, страшный злодей! Чуть всю страну на уши не поставил, столько гадостей натворил, межрасовый конфликт спровоцировал, а тут — «писюн»!

— Мне двадцать, — сказал Латиф, которого уруки из табора Маухура Поджигателя после такого случая явно называли бы совсем по-другому. — И ничего такого ужасного я в этом слове не вижу… А для начала финансовых операций мне нужен доступ к управляющему планшету, и нужно понять как к вам… Тебе… Обращаться.

— Держи планшет, главбух! — я протянул ему свой ПК. — И помни — на кону твоя башка, твой писюн и чья-то жопа! А обращайся ко мне как и все остальные, по-простому. Мы ведь с тобой одного возраста как-никак…

* * *

Решение напрашивалось само собой: у нас тут теперь была целая толпа магов. А маги для Хтони — как морковка для ослика. Не воспользоваться этим фактом было бы большой тупостью. Я ведь хотел не только всех победить, но еще и набить карманы! А гоняться за каждым отдельно взятым пауком по мрачным, поросшим лесом горам мне вообще не улыбалось.

Если говорить откровенно, магова у нас СТАЛА целая толпа. Тот же Нейдгадт и Розен все-таки были пустоцветами — еще два часа назад. Перед самым нашим наступлением и они, и вроде-как-настоящие-маги Ртищева и Текели подкатили ко мне со странным предложением.

— Мы хотим в Орду, Бабай, — сказал Розен. — Я видел, на что способен Рикович… И я говорил с ним, три дня назад. Он сам предлоджил мне обратиться к тебе с этой просьбой. Иван сказал — так можно! Это не противоречит присяге.

— Рикович — не опричник, — погрозил пальцем я. — Он сыскарь.

На самом деле мне стало жутко интересно, как сработает чудо-интуиция, волшебная чуйка на людей и невероятная везучесть Петеньки, если я набью ему усилитель на руке. Но при

этом — будет совсем неинтересно понаблюдать, как его разорвет на тысячу чертей, если случится конфликт интересов…

— Ты ведь не собираешься поднимать восстание орков против Государя? — поинтересовался святая простота Лаврик Нейдгардт.

— Хо-хо! — сказал я. — Орда — способ самоорганизации и жизни орков внутри Государства Российского, бок о бок с другими расами. При всем бытовом расизме, несправедливости и социальном расслоении, именно тут, на этой одной шестой или там пятой части суши для орков созданы наиболее приемлемые условия. Какой толк ныть о том, как все плохо, если лучше не бывает? В просвещенных Европах для нашего брата жизни нет! Например — в Испанском королевстве — орков сжигают на кострах, с уруков перед этим заживо сдирают кожу, а троллям размозжают конечности. Во Французской республике нашего брата отправляют на гильотину — в метрополии, а в африканских владениях La Belle France — держат в скотском состоянии на рудных или самоцветных выработках или на плантациях. Добропорядочные гномы из Нидерландов и Ганзейского союза и вовсе отрицают наличие души у любого из орочьих племен, и не считают грехом убить каждого из нас при первой же оказии. Про Авалон и говорить нечего — там к гоблину или уруку относятся примерно так же, как к подтирке для задницы. Балканская Федерация мне не нравится — я кровососов на дух не переношу, у нас с ними гастрономические противоречия. Монтенегро вроде как приятное место, но там нет Сети и с горячей водой проблемы. А Азию я не рассматриваю для постоянного места жительства, есть у меня предубеждение против азиатчины! Я не поеду в Китай срать на огороды, гы-гы! Так что мой ответ — нет! Я не собираюсь поднимать восстание ни под каким видом. Мое отечество — от Белостока до Владивостока, вот! Разве что если меня решат четвертовать… Тогда да. Вон, Латиф мне ужасов понарассказвыал про писюны в ванне, тут кто угодно восстание поднимет!

— Ну и всё! — сказал Лаврентий и ляпнул кулаком в грудь. — Моя жизнь принадлежит Орде! Мне нравится то, что ты делаешь, Бабай. Я никогда не стану орком, но я могу стать настоящим ордынцем, и это никак не противоречит моей клятве опричника!

— Иди сюда, братко, — сказал я. — Иди сюда, я тебя обниму, а потом, клянусь вяленой говядиной, я сделаю тебе такую татау, что все эти вьющиеся над твоей головой пистолетики покажутся тебе хренью на постном масле. Ты у меня будешь крутой как Магнето, когда в главной роли снимался Майкл Фассбендер, конечно, потому что Фассбендер — нормальный мужик, не то что Пендальф, который так зверски предал мечты столь многих!

— А? Что? — Нейдгардт вертел головой, ища поддержки и разъяснения, и снова на помощь глупеньким мужчинкам пришла умная Роксана.

— Когда Бабай начинает нести такую дичь, это значит — он загорелся идеей и готов нас всех осчастливить со страшной силой. Как он говорит — «капитально»! Если что — я пас. Я не буду присягать этому больному ублюдку. Мне хватает моего таланта и моего мозга… И тебе, Петя, не советую.

— Дорогая, — сказал Розен. — В этом конкретном случае я попрошу тебя закрыть рот.

И я прекрасно понимал каким-таким волшебным образом у интеллигентного и обходительного ротмистра вдруг нарисовались огромные стальные яйца. Потому, что в этом мире правила магия! И они тут из кожи готовы были вылезти, чтобы приобрести ее в личное пользование как можно больше…

Интересно, как они взвоют, когда узнают, что я собираюсь изничтожить тут Хтонь? Пока что они не выли, а напротив — гомонили очень даже радостно, снимая с себя элементы бронекостюмов.

— В очередь сукины дети, в очередь! — заржал я. — Кузя, принеси мой чемоданчик! И заткнитесь все — Бабай работать будет!

* * *

Глава 19
Прорыв

Кард с хрустом проломил башку здоровенной мохнатой восьминогой тварине, во все стороны брызнула вонючая зеленая жижа, я тут же присел, пропуская над головой еще одного арахна — и обратным ходом клинка вспорол мягкое подбрюшье монстра.

Следом за крупными паскудами хлынул поток паучат, которые норовили вцепиться в ноги, запрыгнуть на спину, ухватить жвалами за рожу… Фу! Приходилось крутиться и вертеться, и сечь мечом во все стороны, и пинать ногами восьминогих засранцев со всей возможной скоростью, потому что проверять способности моего метаболизма по детоксикации после паучиных укусов мне не улыбалось.

— Три-браво, четырнадцать-виски, двадцать девять-чарли! — орал Розен, и его бойцы принимали одно из множества тактических перестроений, подходящих для ситуации. А потом наводил огонь артиллерии: — Квадрат бэ-семнадцать, беглым, три фугасных, а-а-а-агонь!

Чудовищно громко грохотали разрывы снарядов где-то там, за стеной деревьев, над самым ухом стрекотали автоматы опричников, завывал ветер, плескали во все стороны струи огня… Мы с Бахаром и Хурджином выполняли роль тех самых идиотов последней надежды, добивая самых прытких пауков, которые выжили после артобстрела и сумели пройти сквозь заградительный огонь и магические техники опричников. Я прекрасно понимал — ребята примерялись к своим новым способностям, и мы в два меча и один фонарный столб давали им такую возможность.

И выглядело это привыкание в боевых условиях довольно эффектно, да. И работало — эффективно. Подлесок из терна, боярышника и шиповника горел, от частых выстрелов из стволов елей во все стороны летели щепки, весь лес трещал и гудел, проснувшись от долгой хтонической спячки.

Пока мои долбоящеры под руководством есаулов где-то в паре-тройке километров за нашими спинами в буквальном смысле этого слова врубались в подернутую скверной Хтони чащобу, высекая огромную просеку шириной в километр и продвигаясь к Парашке напролом, мы пошли другим путем. Точнее — тем же, но впереди и быстрее. Ордынские маги — а я теперь с чистой совестью мог их так называть, — действительно стали потрясающей приманкой. Арахны лезли со всех сторон!

Если не тысячами, то сотнями — точно!

— Эх, трофеев будет! — радостно вопил Бахар.

Он вообще был весь в приподнятом состоянии духа. И я подозревал, что визит дрэдастого к Заславской всё-таки состоялся. Не, ну а чо? Женщина пусть и взрослая, но очень даже видная! Хотя и пьющая, м-да. А он — урук, то есть по определению не очень-то разборчивый парень. Может там и срослось что-то… Наверное, потому он и был так воодушевлен, и мощно размахивал мечом и топором, рубил в капусту арахнов. И дрэды на его башке разве что искры не пускали! Ало-золотые, понятное дело. Татау борнейского колдуна и мои художества причудливым образом взаимодействовали, превращая Двухголового в настоящую машину для убийства. Паучьи ноги и жвала летели во все стороны!

Ох и тяжко будет гоблинско-кхазадским трофейным командам выискивать среди всего этого безобразия паучиные железы с ядом…

Коля Воронцов, в отличие от знакомых мне боевых магов из «Муската», не дрался кулачками. Он использовал стрелковое оружие: два пистолета-пулемета чудовищного калибра, напоминающие УЗИ-переростки. С жуткой скоростью этот интеллигентный юноша перемещался по полю боя и — БАХ! БАХ! — дырявил артефактными пулями арахнов. Только пылевые смерчи оставались на месте, где его силуэт виднелся за секунду до смены позиции.

Если скорости не хватало — он телепортировался. Не как его отец, а на короткие дистанции, метров на двадцать или тридцать. Иногда — за боекомплектом, к Хурджину. Иногда — туда, где являлись шелобы — чудовищные паучеллы величиной с хорошую корову, полностью бронированные и атакующие не только лапами и жвалами, но и дистанционно — плевками ядом и паутиной из жопы. Отвратительно! А иногда — чтобы метким выстрелом сбросить с моего затылка особенно прыткого мелкого паучонка!

Я понятия не имел, как светлейший князь Георгий Михайлович отреагирует на тот факт, что его сынок нынче — ордынец… А он ведь узнает, это к гадалке не ходи! Но зато теперь мне не нужно было объяснять, по какой причине урукам не дозволяется пользоваться огнестрельным оружием. Тот же Бахар с двумя такими пушками в руках натворил бы ужасов в сопоставимых с Коленькиными масштабах!

Роксана и Текели работали по площадям. Филипп Абрамович, тот самый огненный мальчик, делал замысловатые пассы руками, и из крохотной искорки меж его ладонями загорался охренительно здоровый огненный шар. Состроив зверскую рожу и

высунув язык от усердия, он швырял его, например, в воронку от недавнего взрыва фугасного снаряда, выпущенного ермоловским «Питоном», а теперь заполненную мелкими паучатами. Паучата жарились и потрескивали.

Роксана ничего нового не выдавала: плющила тварей воздушными прессами, отшвыривала их прочь порывами ветра или, если вдруг они наваливались слишком сильно, выпускала свой рукотворный торнадо.

— Скотобойня, однако, — сказал Хурджин и перебросил из руки в руку заляпанный чем-то мерзким фонарный столб, который выдернул где-то в Сколе. — Так-то пауки скоро закончатся и мы пойдем вперед…

Отряд у нас получился действительно мощный. По лягушкам из пушек? Да, да, да, тот самый случай. На самом деле арахны были серьезным противником: жутковатый облик, физическая сила, яд, скорость, скрытность, огромная численность — Сколевские Бескиды не даром считались одной из самых опасных Аномалий Восточной Европы… Просто воевал с ними сейчас контингент с избыточным магическим и огневым превосходством. Стоило признать — благодаря всем принятым мерам прогулочка вышла довольно легкая. Необременительная такая прогулка по горящему лесу, в сотне метров от накрывающих скопления хтонического противника снарядов, в компании с одуревшими от новообретенных невероятных способностей соратниками. И без всякого шанса совершить завалящий подвиг для экстренного пополнения запаса маны… Адски легкая прогулочка, я бы сказал.

Ну да, дурака я свалял, понабивал татау сверх всякой меры… Так что, товарищ Сархан, сцепи зубы, поудобнее перехвати кард и вперед — крошить недобитков! Смахнув с лица кровь и паучьи внутренности, я огляделся, увидел новую волну мохноногих и лупоглазых паучелл, и зарычал, шагая им навстречу под аккомпанемент автоматных очередей и матерщины опричников:

— Но мы подымем гордо и смело
Знамя борьбы за ордынско дело!
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу!

Нам оставалось пройти километра четыре, не больше, и я старался не думать о том, что впереди наш мощный и великолепный отряд поджидала капитальная срака: Хранитель Хтони!

* * *

Следы пребывания в Хтони Михаила Гределя и вампирской эльфийки Исилиэль, а точнее — их охраны, мы увидели у подножия Парашки. Туда мы добрались в весьма измотанном состоянии, заляпанные в паучьих ошметках, грязи, хвойных иголках и кровище. Основную массу тварей удалось покрошить, спровоцированный массовых заходом в Хтонь магов Инцидент был задушен, и теперь Орда в почти полном составе собирала трофеи, а мы — двигались дальше.

И когда я уже всем нутром чуял биение сердца Аномалии — Эпицентра, мы увидели эти замечательные гирлянды. Точь в точь как в в кино про хоббитцев и кольцо: эдакие уютные коконы продолговатой формы, идеально упакованные, как багаж в аэропорту. Только вместо пластиковой пленки — паучья паутина.

На ветвях высоченной березы болталось что-то около дюжины таких сверточков. Конечно я спел, куда ж без этого:

— *Висит на березе,*

Колышется ветром…. — и потыкал концом карда в один из них.

— Заткнись, Бабай! И хватит тыкать! Это же люди! — вызверилась Роксана и снова запустила свой торнадо, который довольно бережно стряхнул паучьих пленников с веточек и опустил их на землю.

Опричники принялись за дело: орудуя уставными тесаками, они взрезали коконы и обнаружили там мужчин и женщин в милитари-комбезах и остатках доспехов. На лицах у них застыли странные гримасы, рты были искривлены, глаза — выпучены. Наверное — побочный эффект от домашней консервации… Хотя, у меня самого рожа была, наверное, не лучше, когда ко мне на спину тот паучонок запрыгнул! Ну вот гидосно мне от них, хотя уруки сами по себе народ небрезгливый, но есть в этих тварях что-то эдакое, прям передергивает. Лучше по Большой Клоаке часок-другой шляться.

Когда гределевских дружинников освободили от пут, Роксана и фельдшер Поликарпыч занялись медицинскими манипуляциями. Нельзя сказать, что все было быстренько и запросто, реанимационные процедуры длились довольно долго. Применялись традиционные для местной высокотехнологичной медицины средства вроде автоматического инъектора и этой странной коробочки, которая ползала по телу и билась током… А еще, судя по потокам эфира, Ртищева конденсировала ману из воздушной стихии и направляла ее по энергетическим каналам пациента. «Дружинник» практически всегда равно «пустоцвет», или — маг-слабосилок, поэтому такая подпитка служила прекрасным дополнением к медикаментозному лечению. И в

общем-то понятно, почему воздушники-аэроманты работали в этом направлении лучше всего… Воздух — вот он, повсюду! Филипп Текели даже и не подходил к раненым, хотя тоже был полностью инициированным магом. Ему для того, чтобы подпитать пострадавшего, пришлось был лес вокруг поджигать!

— А-а-а-а!!! — заорал дурным голосом один из реанимированных, приходя в себя. — О, Боже! А-а-а-а! Ох! Русские? Скажите что вы — русские, Господи!

— Слово и Дело Государево! — откликнулся Петенька. — Ротмистр Розен, Кавказский светлейшего князя Воронцова опричный полк!

— Господи, Господи! Немедленно, немедленно нужно сравнять с землей… Тактический ядерный удар, господа! — дружинник попытался вскочить, но тело его не послушалось, и он только нелепо дергался среди ошметков своей одежды и паутины.

— ША! — гаркнул я. — Давай спокойно: что за дерьмо там творится? Ты ведь Эпицентр в виду имеешь? Вершину Парашки?

Все немедленно заткнулись. Всё-таки этот «выход силой» — отличное подспорье. Самоучитель что ли какой-то по ментализму почитать? Или Риковича назначить ордынским внештатным репетитором? Хрен же отвертится если пан-атаман прикажет!

Дружинник — этот крепкий взрослый мужчина лет тридцати, с бледным лицом и красными глазами, шумно сглотнул, с кряхтением, при помощи Поликарпыча сел и проговорил задумчиво:

— Горазды вы голосить, ваше орчейшество, — он выпил воды из протянутой фельдшером фляжки и наконец оформил свою панику в связные фразы: — Дерьмо первостатейное, господа. Та эльфийка — ведьма, и не из последних… Мы-то знали что она упыриха, но что ведьма — вот это только потом стало ясно. Она нас одурманила, вот что. Мы как роботы стали. Бездумные! Эта сволочь и Мишаня, сукин сын, чтоб его черви живьем сожрали, сговорились нашего брата-дружинника погубить! Они принялись потрошить ребят, а? Каково? И мы ничего не могли сделать, потому что наш господин предал нас! Это неслыханно — приносить в жертву личную дружину…

— В жертву? — глаза Розена сузились. — Что значит — в жертву?

— Ритуал призыва, — сказал воин. — Холм сейчас — центр гексаграммы. Я видал, как призывают духов и демонов — та же дрянь, только в разы сильнее. Нас вышло двести человек из Сколе, мы шли как нож сквозь масло, отстреливая редких пауков, потеряли двоих убитыми и шестерых — ранеными, тащили их на себе. Представьте — двести одаренных… Пускай — пустоцветов,

что скрывать, я и сам — неинициированный гидромант, но… Две сотни — под нож!!! Кого или что они собрались призывать?

— Ять… — раздался общий вздох.

Мы переглядывались. Судя по всему — этот неплохой в целом мужик не врал. Да и зачем ему было врать, он ведь практически с жизнью попрощался! Из него консерву сделали, всё, аллес капут! И если человек только-только очнувшись сразу вываливает такие свои соображения своим спасителям — это чего-то да стоит. Но была тут одна несостыковочка, один — или даже не один, момент.

— А Хранители Хтони? — спросил я. — Никогда не поверю что у такой крупной и жирной Аномалии как Сколевские Бескиды нет дикого стремного Хранителя. Он или они точно не стали бы смотреть, как кто-то мутит что-то в самом Эпицентре.

— Она, — сказал дружинник и его передернуло от ужаса. — Вдовушка. Она нас всех и спеленала. Тут вы чертовски правы, ваше орчейшество. Она смотрит, смотрит и потихонечку подбирается поближе… Осторожничает, потому что ведьма — сильна, это и люди чувствуют, и твари. Но заполучить такую добычу для Вдовушки — лакомая задача, и я не знаю, кто с кем сладит — эльдарка с паучихой или паучиха с эльдаркой, по мне так — сожрали бы они друг друга и дело с концом.

— Имела жаба гадюку, однако, — хрюкнул Бахар Двухголовый и вдруг взгыкнул низким басом. — Имела жаба гадюку!

Мы с Хурджином тоже криво поухмылялись: ну надо же, оркам выпал шанс ввернуть эту расхожую фразочку! Остальные наше веселье не поддержали. Розен явно анализировал ситуацию: его зрачки дрожали, он опустил забрало шлема и теперь на экране мелькали диковинные формулы и пиктограммы, опричники помогали ожившим консервам, волшебники, похоже, используя специальные магические практики пополняли запасы маны. В пользу этой версии свидетельствовал тот же Филипп Текели, который уселся по-турецки напротив небольшого костерка и мычал что-то под нос, а эфирные вихри так и кружились вокруг него… Остальные одаренные тоже творили нечто подобное, только каждый на свой лад.

Только мы — орки остались не при делах. Правда — ненадолго.

— А-а-ай! — вдруг возопил Хурджин и топнул ногой.

— Нет, — сказал я. — Ну тебя нахрен. Не сейчас.

— Ох, латюкио патюкио макарена… — не успокаивался тролль, приплясывая. — Эх, шуры-муры трали-вали пасадена!

— Хурджин. Не надо… — взгляды окружающих были более

чем красноречивы, и я пытался остановить великого ордынского шамана, но тщетно. Он вошел в раж!

И орал, зараза, очень громко, и отплясывал заразительно. Огромным синим великанам — троллям, вообще присуща удивительная пластика движений, они — прирожденные танцоры!

— Ой, да хер с ним, Бабай! Погнали! — Бахар Двухголовый хлопнул в ладоши. — Потанцуем! Давай, давай! Эх, шуры-муры, трали-вали, чтоб меня!

И, лихо притопнув, погнал: ладони на затылок, ладони на плечи, на жопу — ну, вот это вот всё. И рожу корчил зверскую, как положено. Покруче чем маори во время хакку.

Если подумать — это было не самой плохой идеей. Хурджин все-таки шурупил в потусторонней хренотени больше нашего, и если уж решил, что без духов тут не обойтись — к его мнению прислушаться, пожалуй стоило. Так что я сунул кард за спину и воздел руки к небу:

— А-а-ай! — и погнал выплясывать следом за товарищами-орками.

Плевать, что подумают опричники, еще этих я не стеснялся! Если товарищу-ордынцу нужна макарена, значит — будет макарена!

— Эх, не дура бандура у мучачи! — орали мы в три дурных голоса. — Ох! Как-то сел на диво конь амигос! Э-э-э-э макарена, а-а-ай!

— Они в край стебанулись, — Роксана хлопнула себя по лбу. — Это же бред сивой кобылы. Петя, я думаю, что…

— А мне тоньше лезвия, что ты сейчас думаешь, — холодным как сталь голосом сказал Розен и вдруг рубанул воздух ребром ладони, и рявкнул самым командирским тоном: — Внимание всем! Слушай мою команду! Шагом марш танцевать! Это приказ.

— Но… — прохрипел Талалихин, однако Козинец ткнул его локтем в бок и тот заткнулся.

Уже через секунду на поляне плясали все, вертели бедрами и корчили рожи как положено. Даже Роксана. Потому что приказы не обсуждаются, особенно — приказы прирожденного командира, каким был Розен. Дружинники Гределей, бывшие еще пять минут назад паучиными консервами, похоже, совершенно обалдели от происходящего. По крайней мере, им так могло показаться, потому что буквально секунд через пятнадцать они обалдели еще больше.

— Любо, любо, — сказал высоченный полупрозрачный витязь в расколотом надвое шеломе, и с окровавленными лицом. — Плясать горазды потомки!

— Козлопение, — фыркнула статная женщина в богато украшенном средневековом платье. В груди ее торчало несколько стрел, но неудобства призрачной мадам они, похоже, не доставляли. — Орут аки оглашенные. Хотя синий волот клыкастый зело лепо чреслами-то…

— Параскева! Стыдоба-то какая! — одернул ее витязь. — Что, воины, почуяли скверну-то? Вот-вот уже баба мерзкая народу навьего Хладный Мост наладит, и сюда ее товарищи и слуги кинутся! И ничего вы своими вот этими огневыми палками не сделаете, ибо не выбухнет ничего в этих горах, пока Хладный Мост стоит…

— Сука, — сказала Роксана. — Сука, сука, сука. Мост между Аномалиями, да? С взаимопроникновением эффектов?

— Всё так, чаровница. И по мосту этому навьи со своими присными живо сюда идут, и встретить их некому будет, потому что народец измельчал и… А, погодите-ка, воины, это что же — вы с урхаями в союзе? — витязь ткнул пальцем прямо в меня. — Ну, коли тысчёнка урхаев с этими кочерыжками железными у вас найдется — может и дождетесь великой рати, может и сдержите навьев…

— Ой ты гой еси Святослав Владимирович, — вдруг сказал Розен и поклонился в пояс, и рукой бронированной махнул у самой земли. — И вы, государыня-княгинюшка Параскева! Благодарность вам от нас великая, за советы да за внимание ваше… Сделайте милость, скажите — что на вершине горы творится?

— Вот, какое вежество, Параскева! Не перевелись еще добрые мужи на земле русской! Такому и помочь не грех! Что знаю — обскажу, — Святослав прислонил руку в перчатке ко лбу, за каким-то хреном делая вид что заслоняет глаза от солнца. — А! Ну всё, ирода этого она ко пню привязала и сосать у него будет, а к ней со спины Вдовушка подбирается, гадовка эта восьминогая. Но Вдовушка не успеет, и вы не успеете. Хладный Мост уже тут…

— Но мы же должны как-то…?

— А вот Вдовушка ее оприходует, замотает и на дерево повесит. Если найдете и убьете авалонскую навью — будет верное средство, Мост сломается. Но с теми, балканскими навьями, которые через часок уже полчища свои приведут, тут решать придется… Много слуг с собой ведут, тысченок с пяток или с десяток, вон уже по небесам торопятся, отсюда видать! Ну, потомки, не посрамите памяти наших побед…

— Ой, Слав, какие победы? — возмутилась Параскева перед тем как раствориться в воздухе. — Святополк победил, а мы — померли, хватит брехать, побойся Бога!

— Ох, и правда, и правда… — смутился Святослав Владимирович. — Ну, справляйтесь, потомки…

И исчез.

— Охренеть теперь, — сказал я. — Навьи это что — упыри? И что значит — выбухов не будет?

Розен крутанул ус:

— Нам чертовски повезло, Бабай. Всей группе армий «Прут» повезло, всей Подолии и всему Государству Российскому. Такой шанс выпадает один раз на миллион. Понимаешь ли, у нас тут, за спиной, единственная сила, которая совершенно точно сохранит боеспособность, когда огнестрельное оружие перестанет работать и вообще — больше ничего не будет взрываться.

— Орда, — сказал я. — Орда, чтоб меня! Чтоб я сдох, если это случайность!

— Разворачивай боевые порядки, твое превосходительство походный атаман! — мрачно проговорил ротмистр. — Пять или десять тысяч новообращенных во главе с носферату — жуткая сила, и сомневаюсь я, что победа будет на нашей стороне… Мне понадобиться что-то около получаса — я поищу подходящее подкрепление, есть у меня пара мыслишек… Может и сладим с напастью. А потом мы двинем на Парашку, но чтобы найти эту Исилиэль и убить нам тоже нужно время, и…

— И орки будут стоять и умирать, однако… — Хурджин слушал очень внимательно. — Столько, сколько потребуется. Так-то мы это умеем.

И, не сговариваясь, мы втроем — два урука и тролль — рявкнули:

— Лок-тар огар! — и я совершенно точно знал, что на сей раз совершать великие подвиги придется кому-то другому, потому что свою Орду я не брошу. Я буду стоять и умирать вместе с ними.

* * *

а вот вам альтернативная версия макарены, как раз в стиле юридик и сервитутов, где два старых орка под аккомпанемент оркестра долбанутого на всю голову эльфа фигачат как положено)) https://www.youtube.com/watch?v=MMRVbhbIkjk

Глава 20
Киберсредневековое сражение

Псевдоинтерлюдия. Роксана Ртищева, аэромант Кавказского его светлости князя Воронцова опричного полка

Гребаное средневековье! Других слов магичка для происходящего в Сколевских Бескидах подобрать просто не могла.

Роксана побывала в разных переделках, и примерно представляла, что ей предстоит делать в сложившейся ситуации. Сдерживать напор носферату — вот что. Пока Петенька, Талалихин, Козинец, Грищенко и Поликарпыч вместе с Колей Воронцовым будут ловить эльфийскую девку, стараясь не попасться в лапы огромной паучихе, она с Лавриком и Филькой будет прикрывать толпу вонючих снага…

Впрочем, стоило признать — на толпу наемное войско не очень походило. Стройные колонны орков… Не только орков — гномов и людей тут было тоже предостаточно, но дела это не меняло: ордынские отряды маршировали в ногу, над их головами качались алебарды, развевались корявые черные хоругви с изображениями Белой Длани, есаулы с мечами в руках подбадривали своих подчиненных, и орали громче всех эту жуткую, кровожадную песню, которую она когда-то слышала от Бабая…

— Vstavaj, proklyat'em zaklejmyonnyj,
Ves' mir golodnyh i rabov!
Kipit nash razum vozmushchyonnyj
I smertnyj boj vesti gotov!

Нигде и никогда, кроме как от Бабая Роксана не слышала этой песни, а ведь она явно обладала пугающе огромным эгрегором, который чудовищным облаком заполонил эфир вокруг и давил на психику даже опытной магичке! И двадцать тысяч диких варваров, собранных со всех помоек Государства Российского напитывали этот эгрегор бешеной, подобной водопаду массой энергии! Она витала в пространстве, и резонировала, и наполняла души и тела всех двадцати тысяч воинов сумасшедшей отвагой.

Конечно, чертов Резчик был впереди планеты всей. Размахивал кардом, будто дирижируя, прыгал на месте, явно обезумев от моря норадреналина, что плескалось в его крови, тряс своей косматой башкой и ревел громче всех. Он собирался встретить врага в первых рядах, как легендарные вожди древнего Боевого урук-хая — Азог, Аттила, Аспарух!

— Да кем он себя возомнил? — фыркнула Роксана, отметая мысли о Бабае, его космах, широких плечах и литых бицепсах, и

попыталась сосредоточиться на главном: она ткала мощную магическую технику над вырубленной орками просекой — будущим полем битвы.

Собиралась гроза, черные тучи заволокли и без того мрачное небо над Сколевскими Бескидами. Филипп Текели — хороший мальчик — выпускал блуждающие огоньки в лес, они плясали меж стволов елей, ожидая своего часа. Одна команда — и чаща вспыхнет, отсекая упырям возможность флангового удара. Лаврентий Нейдгардт, явно красуясь новообретенными силами, помогал себе резкими движениями рук, двигая телекинезом огромные грузовики, расставляя их в некое подобие линии обороны, за которой смогли бы укрыться ряды ордынцев, если упыри прорвут строй и сомнут их… Хотя,что значит — если? Так всё и будет! Никакие орки с алебардами не удержат десять или пять тысяч новообращенных и гайдуков, которыми руководит несколько десятков носферату!

При этом эгрегор страшной песни, и Резчик со своими татау могли сказать веское слово в этом бою, но Роксана слишком хорошо знала носферату, и потому была уверена: если подкрепление, обещанное Розеном, не прибудет вовремя — вся ордынская рать найдет здесь, в этом лесу, свою смерть.

Ртищева парой хитрых щелчков пальцами создала две воздушные линзы, образуя своеобразный оптический волшебный прибор и глянула в небо. Духи, вызванные шаманом, не врали: упыри шли сюда с невероятной скоростью! Хладный Мост — очень странная техника, совсем непохожая на телепорт Воронцовых… Проведенный кровавый ритуал позволил тысячам новообращенных кровососов, гонимых волей хозяев, и сотням гайдуков преодолевать за один шаг по небу расстояние, равное трем или четырем сотням метров, если бы они шли по обычной дороге!

И вот теперь, с минуты на минуту, они должны были ступить с небес на грешную землю Хтони.

— Nikto ne dast nam izbavlen’ya:
Ni Bog, ni car' i ne geroj!
Dob’yomsya my osvobozhden’ya
Svoeyu sobstvennoj rukoj!!!

Роксана даже глаза протерла он неожиданности: орки наступали! Шагали вперед, прямо туда, где потусторонним синим цветом мерцал порог Хладного Моста! Да какого хрена они вообще делают? Так не воюют!

С другой стороны — это ведь была не обычная война… Здесь, в Хтони, развернулось не то техномагическое взаимоубийство, к которому она привыкла! Алебарды, черные хоругви, дикарские песни — и дроны с видеокамерами. Урукские «кочерги», снажьи топоры и

ятаганы, троллиные палицы — и грузовики с электродвигателями в качестве стены из металла и последней линии обороны. И, что характерно, Орда чувствовала себя в этих абсурдных реалиях весьма органично!

Отряды бабаевской ЧВК двигались в шахматном порядке, подобно римским манипулам, они изогнулись полумесяцем, огибая те семьсот или восемьсот метров, где ноги упырей должны были коснуться земли, ступив с Хладного Моста. Алебарды качнулись, рев тысяч глоток стал нестерпимым, он перекрыл даже завывания и вопли голодных, жаждущих крови новообращенных, которых гайдуки гнали перед собой по мосту, орудуя чудовищного размера боевыми бичами.

И в тот момент, когда толпа мужчин и женщин с обезумевшими глазами и мертвенно-бледными лицами, с отросшими верхними клыками и протянутыми вперед руками, на которых вместо ногтей уже начали формироваться черные страшные когти, выплеснулась с Хладного Моста, Орда, образовав сплошную фалангу, качнулась вперед, и эгрегор жуткой орочьей песни заполнил чуть ли не весь эфир, и налился золотым светом, так похожим на те яркие искорки, которые плясали на руках Резчика, стоящего во главе всего этого безумия.

— E-e-e-eto est' nash poslednij

I reshitel'nyj boj!

Za nashim atamanom

Podnimemsya ordoj!!!

Лязг железа и дикий мат взлетели к небесам. Два фантасмагорических войска, как будто вышедших прямо из кошмарных снов, столкнулись в жесточайшей рубке, кровь полилась рекой. Роксана медленно выдохнула и, взглянула на толпу сражающихся сквозь воздушные линзы, вычленяя среди них фигуры носферату, укрытые плащами из багрового мрака. Волшебница воздела руки к небесам и резко взмахнула ими:

— Получите, суки, — грубо сказал она.

И в тот же миг сверкнула молния и грянул гром.

* * *

Когда Ртищева стала управлять молниями с неба, я, честно говоря, даже подумал что мы сможем победить. В смысле — перемолоть их всех тут алебардами, завалить собственными телами, втоптать в землю, пользуясь численным превосходством и эффектом неожиданности… Хрена с два они ожидали тут встретить представительную делегацию по встрече в составе

многих тысяч злых орков, людей и гномов с заостренными тяжелыми железками в руках!

Мы поначалу им крепко наподдали, поймали хороший боевой азарт и устроили новообращенным молоденьким утыркам мастер-класс по изготовлению шаурмы! Вжарили по полной, со всей яростью, душой и огоньком!

Но, черт бы их побрал, этих кровососов, они были действительно невероятно быстрым, сильным и регенерирующим противником! Мы умылись кровью с ними, а они — с нами. Резня была просто чудовищная, в первые полчаса боя погибло несколько сотен воинов с обоих сторон, наши работали алебардами как заведенные, и орали «Интернационал», упыри перли вперед, и когда им удавалось вломиться в боевые порядки — устраивали настоящее месиво… Если на пути балканцев попадался татуированный есаул, или кто-то из ветеранов-инвалидов урук-хая, или — опытный боец из старой гвардии Орды, который помнил еще как «Орда» называлась «Едой и Напитками» — прорыв удавалось локализовать, врагов — вбить в землю и порубать в фарш. А если нет — то нет. Отряд обращался в бегство или погибал весь. Или и то, и другое сразу. И на его место выдвигался новый квадрат из переполненных слабоумием и отвагой чэвэкашников.

Мы с Бахаром работали в качестве пожарной команды — кидались туда, где положение было самым опасным, и в девяти случаях из десяти у нас получалось воодушевить стушевавшихся ордынцев. Они в нас верили!

Два войска — орочье и упыриное — являли собой как бы карикатуру друг на друга. У наших клыки торчали из нижней челюсти, у эти — из верхней. Наше фантастическое упрямство во многом держалось на харизматичных, усиленных татау опытных есаулах и эмоциональной накачке, их бешеный напор не спадал из-за злой воли носферату, которые толкали своих слуг на алебарды. Их боялись и ненавидели, но они путем демократических выборов поставили раком все Балканы и теперь использовали тамошний народ в качестве питательной среды… Нас — презирали и не понимали, и опасались, не без того. И мы решили встать в полный рост, вылезти из своих помоек и… И доказать всем, что можем поставить раком саму Хтонь, и тех, кто поставил раком Балканы — тоже.

Если бы не носферату — у нас бы получилось. Но эти падлы… Да что там — кое-кому из них удара молнии было недостаточно! Завидев, что ситуация на поле боя вот-вот качнется в нашу пользу, примерно полдюжины из этих дам и господ, которые до этого укрывались в последних рядах своего воинства,

трансмутировали. То есть — приняли боевую форму.

Я бы обосрался, если бы не был уруком, если честно.

Как выглядит носферату ДО трансмутации? Как шикарные, раскрасивые бледные дяди и тёти без возраста, в стильных готичных одеяниях, с серебряными и золотыми украшениями, полные чувства собственного величия и небывалого гребаного превосходства над всем и вся. Как выглядели те же дяди и тети в боевой форме? Как ублюдочный Джиперс Криперс и ацкий сотона в одном флаконе! Серо-зеленая кожистая страшная дьявольская рожа с дырками вместо носа, острыми ушами, наростами на башке и полным ртом острых, как иглы, зубов! Плюс — перепончатые крылья, перевитые тугими жгутами мышц когтистые конечности, сумасшедшая скорость реакции и сила как у… Как у пары троллей, не меньше! И этим тварям не нужно было пить кровь напрямую — вампиризмом они занимались при каждом смертельном ударе. Эманации уходящей из холодеющего тела жизни — вот чем они питались! И восстанавливались, и укреплялись за счет них. Вот эти летучие воплощения смерти и атаковали Орду в самый неподходящий для нас и подходящий для них момент…

Я, как назло, был занят: гайдуки в красных доспехах прижали меня вместе с отрядом Щербатого, их было двенадцать — и для орочьей полусотни этого хватало за глаза! Если новообращенных при помощи алебард наши крошили довольно ловко, то эти — профессиональные воины, доставляли проблем, и наравне с ними схлестнуться можно было только татуированным. Так что я старался вовсю, и лез на рожон, и матюгался по-балкански, стараясь выманить на себя как можно больше гайдуков.

— Дэти-н кизда мытий, попонеци! — орал я и неизменно имел успех: работы для карда хватало!

Гайдуки на такой словесный псевдо-балканский понос реагировали неизменно агрессивно. Похоже, мне удавалось задеть их болезненное самолюбие не смотря на акцент… А вот носферату — тем было насрать. Увлекшись рубкой с двумя молодчиками в красных доспехах, я упустил момент, когда подобно реактивному снаряду один из этих крылатых монстров спикировал на сводный отряд людей и снага, укомплектованный выходцами из Камышинской Вольницы, сходу проломив строй алебардистов и оказавшись внутри, распрямил крылья с костяными острыми наростами, и закружился, подобно лопастям мясорубки, превращая моих долбоящеров в кровавые ошметки…

А потом атаковали и другие носферату — еще и еще! Их всего-то было не больше десятка, этих тварей, и парочку из них конкретно поджарила Роксана, пусть и не до смерти, а еще

одного — приложил файерболом Текели, но… Но удар пяти таких живых пушечных ядер в стоящие рядом ордынские отряды качнул фронт! Носферату знали, что делали: они в первую очередь убивали моих есаулов, одного за другим, и в течение каких-то десяти минут погибло семеро татуированных вожаков, которые были становым хребтом Орды. Снага, которые плевать хотели на смерти даже тысяч своих соратников, очень болезненно отреагировали на убийство командиров…

Они не бежали, нет, мои славные, храбрые и тупые долбоящеры. Но там, за их спинами ведь была вторая линия, и почему бы в таком случае не сделать пару, тройку, двадцать шагов назад, это ведь не трусость, это желание ощутить поддержку, снова увидеть того, кто знает, что делать, кто сильнее, умнее и значительнее! Обескровленная, потерявшая тысячи бойцов первая линия прогнулась, а следом за ней — и вторая, в которой стояли уже потрепанные и выведенные в тыл части, или — неопытные, не нюхавшие запаха стали, крови и пороха…

Проходом в ноги я опрокинул одного из гайдуков, того, что пострадал в схватке сильнее, навалился сверху, ухватил его за башку и несколько раз крепко ляснул затылком о камень, а потом перехватил за ноги тяжеленное тело в красной броне, с силой крутанулся вокруг своей оси — и запустил во второго гайдука, который уже побирался ко мне с бичом в руках. Их обоих унесло куда-то за кучу наваленных тут же окровавленных трупов, а я подхватил кард и помчался следом за своими отступающими войсками.

— Заманивай их, братцы, заманивай! — заорал я во всю глотку, с разбегу подпрыгивая, опираясь ступней о плечо коренастого гнома и перелетая при помощи такого трамплина через головы бегущих. — К машинам!

Мне даже удалось сделать эпичную сальтуху, и, оказавшись впереди всего воинства, возглавить совершающих обманный маневр (а никак не панически спасающихся, вот такой внезапный выверт!) ордынцев! Даже лица моих снага просветлели, а люди и гномы и вовсе заорали наш «лок-тар огар» чуть ли не радостно!

— Дава-а-ай!!! — я крутил кардом над головой и бежал огромными прыжками, надеясь, что Хурджин и Лаврик Нейдгардт заметят меня и всё сделают правильно.

И они заметили! Хурджин и его тролли, до этого времени стоявшие в резерве, сотворили сразу две вещи: сам синий шаман ударил в свой великолепный бубен, и сонм духов устремился сквозь наши боевые порядки навстречу упырям. Упырь там или не упырь, но если в пылу сражения ты вдруг перед собой увидишь

лицо Маришки — померше в прошлом году продавщицы из галантерейного, с которой трахался в каптерке, то волей-неволей прыть замедлишь! И вот эти вот продавщицы, таксисты, проститутки, бабки с лавки у подъезда и прочие знакомые личности выбирали себе жертву вполне прицельно: Хурджин настропалил их весьма точно, так что призраки начали капать на мозг наступающим новообращенным очень даже капитально!

А тяжелая, закованная в броню троллиная пехота с огромными стальными палицами стала тем самым волнорезом, который сбил наступательный порыв передовых частей неприятеля. Удар двухметровым железным дрыном — это удар двухметровым железным дрыном, так что даже носферату, если они не успевал увернуться, приходилось тяжко!

Лаврик тоже вступил в дело: только я успел взобраться в кузов грузовика и оглядеться, убеждаясь что наш маневр прошел в целом успешно, и несмотря на потери многие и многие тысячи ордынцев уцелели и сохранили боеспособность, как Нейдгардт ударил!

Вся железная хрень, которая валялась на поле боя, взлетела в воздух и с дикой скоростью и свистом рассекаемого воздуха полетела в спины преследующих нас упырей! Такой подлянки в виде сотен и тысяч смертоносных жал они точно не ждали, и возмущенный рев и крики заполнили поле боя. Носферату отпрянули от наших позиций — метнулись к оставшимся у подножия моста сородичам. Всё-таки татау — страшная сила… Вот уж воистину по-библиейски: имеющим — прибавится. Есаулы-снага получили возможность быстрее, выше и сильнее махать ятаганом и внушать своим подчиненным веру в победу, а Лаврентий Нейдгардт, талантливый пустоцвет-телекинетик, вот такие штуки теперь может отмачивать!

Значительно поредевшее войско упырей замерло метрах в ста от нас. К ним подтягивались искалеченные и стремительно регенерирующие соратники, и это кого угодно могло напугать. Кого угодно, кроме черного урука, ясен хрен.

— К обороне, к обороне! — надрывался я, вскочив на кабину грузовика и оглядывая сосредоточившихся вдоль линии грузовиков ордынцев, которые постепенно приходили в себя, перехватывали поудобнее оружие, прикладывались к фляжкам и мензуркам с эликсирами, и бинтовали один одного, цепляли аптечки и кололи друг другу обезбол и стимуляторы. — Мы должны встретить их как положено, братцы! Посмотрите — их осталась едва половина! Мы им вломили, а? Жидковаты они против нас! А?! Давай, знамена ввысь! Пусть видят Белую Длань! Никто больше не отступает, слышите? Никто! Один за всех — и

все за одного! Пусть знают они все, что такое значит в Орде товарищество! Они думают, что настало наше время помирать? Да пошли они нахрен! Ы-ы-ы-ы, ять!

И скорчил рожу, и высунул язык, и согнул руку в локте, и продемонстрировал международный жест посылания нахрен.

— У-у-у-у! Ы-ы-ы-ы!!! — завыли дикие ордынские варвары, заматюгались и стали крутить дули, и показывать средние пальцы, и демонстрировать голые жопы врагу, превращая пафосный и эпичный момент в фарс!

Почему? Да потому что мы — Орда! Орки! Мы — не рыцари печального образа, не святое войско, не воины света и не герои. Нам просто в западло оставлять поле боя каким-то кровососам, не дождутся сукипадлы! Обосруться они отсюда нас выковыривать!

Тем более где-то там, на вершине Парашки настоящие, а не помоечные, герои — Петя Розен и его опричники, сейчас бодались с эльфийской вампиркой… А еще, к нам наверняка торопилось подкрепление, потому что ротмистр Розен — не тот человек, который будет лгать и внушать ложные надежды.

И словно в ответ этим моим мыслям за моей спиной раздался звонкий, мелодичный, и сука, чтоб меня, дико знакомый голос одного кудрявого эльфийского принца, который с великолепным пафосом прокричал:

— Laegrim! U-dano i faelas a hyn an uben tanatha le faelas!!! Irchi! Tangado haid!

Моих посредственных познаний в эльфийском хватило, чтобы понять, что там вопит Брегалад: *«Лаэгрим! Не выказывайте им милосердия, потому что вы не получите его взамен! Орки! Замрите, стойте спокойно!»* Конечно, как, мать его, добавить еще больше абсурда в схватку между вампирами и орками? К нам на помощь пришли эльфийские добровольцы…

Воздух наполнился густым, шелестящим пением сотен и сотен выпущенных стрел.

* * *

Уф. Средневековый баттл в киберпанке, м-да. Если хочется — то почему бы и нет. Наличие аномалий и магии поможет натянуть сову на какой угодно глобус)))

Глава 21
За зипунами

— В каком смысле — в коконе? — почесал затылок я. — То есть Вдовушка спеленала эльфийку?

— Именно! — Розен большим пальцем правой руки показал себе за спину. — Вон, Талалихин и Грищенко ее тащат. Мы подставили мерзавку под жвала паучихи, паучихе на вкус остроухая подружка не понравилась, ее аж перекособочило всю, но инстинкты есть инстинкты — замотала ее, повесила на дерево, и скрылась в какую-то мрачную нору в горе, страдать. Эльдары в принципе — с магической начинкой, а тут еще и мрачные гены носферату — так себе закуска… Вдовушку можно понять.

— Погоди-ка… То есть Хладный Мост — стоит на месте? Пока Исилиэль эта не снимет заклятье — он будет стоять? — я чесал башку уже обеими руками, меня просто распирало от чудовищности моего нового замысла, который рождался прямо тут, на этой просеке, среди крови, трупов и электрогрузовиков.

— Ну… Да! — кивнул Розен. — Но нам придется эвакуировать эльфийку, и передать в консульство Авалона. Я думаю, когда Исилиэль покинет аномалию — мост саморазрушится.

— Петя, — сказал я самым проникновенным тоном, на который только был способен. — Ты ордынец или не ордынец?

— Ну… — замялся ротмистр, осознавая, что его возросшие благодаря моим татау способности как интуита, воина и командира, а также — бешеный запас маны теперь требуют расплаты. — Ордынец, да!

— Тогда как ордынец ордынца тебя прошу: придержи эту стерлядь тут на пару суток, а? Это можно устроить? — я чувствовал, как у меня руки чешутся, как всю мою натуру прям свербит учудить жуткое действо-злодейство, и чуть ли не подпрыгивал на месте от обилия переполнявшей меня энергии. — Давай, господин ротмистр! Скажи — да! Давай!

И ротмистр сдался:

— Ну — да! Да! В конце концов — обстановка нестабильная, существует опасность нападения избежавших уничтожения боевых групп гайдуков или одиночных носферату. Мы, пожалуй, задержимся тут на сорок восемь часов, проведем рекогносцировку закончим зачистку Хтони…

— Розен, ты — молодчага! — подпрыгнул на месте я. — Всё, я побежал собирать Орду!

— Ты стебанулся? — ротмистр выпучил на меня глаза. — Куда собирать? У тебя три с половиной тысячи убитых и столько же тяжелораненых! Куда ты, мать твою, Бабай, собрался?

Интересно, а воспитанный и интеллигентный Петенька Розен больше не вернется? Испортила его Роксаночка? Или он как в Орду вступил сразу таким резким стал? Это типа черты национального ордынского характера, что ли?

— Мы пойдем на ту сторону навешивать трындюлей упырям! — радостно сообщил я. — У меня десять тысяч злых и заряженных бойцов! Сейчас мы кофе попьем, возьмем с собой в дорогу что-то перекусить — и пойдем через мост хреначить балканцев, смекаешь?

— Минуточку, — опричник даже отступил на шаг назад и ударил себя бронированным кулаком в бронированную же ладонь. — Кажется, до меня начинает доходить! Там ведь тоже ничего не стреляет и не взрывается, верно?

— Да-а-а! — обрадовался его догадливости я. — И я не я буду, если там, в той аномалии или на самой ее границе не расположился базовый лагерь балканцев, в котором полно ОЧЕНЬ ЦЕННОГО ИМУЩЕСТВА!

Последние слова я нарочито выделил тоном и громкостью, и это сработало именно так, как как я и рассчитывал:

— Где-врот! А-ять? Добыча-нах? Кто-ска сказал «ценное имущество»-х? Бабай, ты-нах без нас не того-ять! Не смей, врот! Имущество-ять это-ска… Такое-нах дело-врот… Много имущества-нах мало не бывает! — окровавленные, сильно потрепанные снажьи, гоблинские, уручьи, троллиные рожи одна за другой стали появляться на просеке как из-под земли, и я радостно заржал.

Мы орки! Нам похрен. Сейчас же не померли, правильно? Не померли! Может и потом не помрем. Ну, или помрем, всякое бывает. Умер, шмумер — лишь бы был здоровенький, как говорят кхазады. А добыча — это добыча, упускать ее — страшный грех, тем паче когда хозяева бесхозных ценностей практически в полном составе усеяли здешние холмы своими дважды мертвыми костями… И если кто-то из людей, гномов или эльфов соберется к нам присоединиться, дабы помочь нам в разграблении нажитого непосильным трудом упыриного имущества, что ж — милости просим!

— Господа есаулы! — рявкнул я страшным орочьим рожам, среди которых вполне себе мелькали человеческие физиономии и гномские бородатые морды. — Донести мое рацпредложение до Орды: я собираюсь перейти Хладный Мост, найти там упыриный лагерь, всех там поубивать, всё ограбить, всё поджечь…

— И всех оттрахать!!! — радостно завопил Лурц Желтая Майка, у которого поперек башки красовался свежезашитый корявый шрам в районе виска, а левая рука болталась на перевязи.

— Не, если тебе не впадлу трахать упырих, то… — я продемонстрировал открытые ладони. — Вольному — воля… Чисто гипотетически, в этом даже есть некоторая справедливость: они хотели сосать, а их оттрахали. Но я сам как бы не очень в этом плане, это уже без меня… Упырихи — они холодные и сыроватые, говорят. Сам не пробовал, и желания такого нет…

— Бабай, йопта! — заорал Щербатый, у которого теперь не хватало еще пары зубов в добавок тому самому, легендарному. — Хорош трендеть про траханье упырих! К делу, ага? Че там про грабежи и убийства?

— Ага… — прервался я. — Значит, взрываться там ничего не взрывается, но горит как положено. Потому — факелы, потому — любое горючее которое найдете, все берем с собой. Пожрать, подлечиться, заточить алебарды — и на построение. На это — два часа, и ни минутой больше! Только добровольцы, это понятно? Никого не заставляем, никого не уговариваем!

— И мешки-ять! Мешки побольше! — возбудились есаулы. — У гоблинов есть сумки клетчатые, фирмы «Мечта оккупанта», надо взять, в них много влезает-нах! А шо на заберем — то обоссым и подожжем!

Розен смотрел на всё это действие ошалело.

— Дурдом какой-то… Что, правда пойдете по Хладному Мосту за зипунами? — спросил он.

— В смысле — пойдем? Побежим! Ну, знаешь… Гром гремит, земля трясется, по небу Орда несется! — продекламировал я. — Прикинь, как балканцы охренеют!

Я был жутко доволен своей идеей, прямо наслаждался ситуацией. До тех пор, пока не остыл маленько и не глянул на поле битвы… Не битвы — побоища! Тысячи трупов лежали тут. Тысячи! Конечно, упыриных мертвецов было больше, чем ордынских. И я должен был скорбеть, да. Мозгом я понимал, какое дерьмо под моим началом тут произошло, и сознание рефлексирующего интеллигента Бабаева выло и ныло о том, что этих жертв могло бы и не быть, но… Но Бабаевым я давно не был. А Бабай Сархан, который Резчик, походный атаман и черный урук, вполне себе здраво понимал, что если бы здесь, на этой сраной просеке в Сколевских Бескидах не погибло три с половиной тысячи ордынцев, то там, в Подолии, умерло бы гораздо больше горожан и сельчан, или не умерло бы… А стало бы упырями, которые ударили бы в тыл нашим пацанам на

фронте!

Потому что новообращенные, напившись и нажравшись после победы над нами, стали бы гайдуками, а гайдуки — заматерели бы если не до уровня носферату, то до настоящих вампирских боляр — точно. И каждый из них смог бы обращать новых упырей… Вместо семи или восьми тысяч, которых мы тут положили по итогу, Государство Российское получило бы десятки и десятки тысяч кровососов в прифронтовой зоне! Так что — отставить сомнения, пан-атаман! Нужно пожрать, заточить кард, наделать татау тем, кто отличился — и вперед, через мост, к новой кровище, грязи и абсурду!

* * *

Я в последнее время не очень-то переваривал эльфов, но эти трое — они, определенно, заслуживали внимания. Стояли, выстроившись лесенкой дурачков — по росту. Остроухие джентльмены представляли собой отличное начало для любого расистского анекдота: собрались как-то лаэгрим, уманьяр и эльдар, подходят к уруку, и… И дальше — зависит от предпочтений рассказчика и его расовой принадлежности.

Конечно, первым на кого я обратил внимание, стал Брегалад из Ород-Рава, он же бывший эрниль Ронья-Росомах, который и командовал всем пришедшим к нам на помощь подкреплением: бригадой легкой пехоты — эльфийскими добровольцами. Кудрявый лаэгрим в чешуйчатом доспехе и зверином шлеме, сдвинутом на затылок, глядел на меня с восторгом и хорошей порцией самодовольства, его глаза просто сияли. Ну а как же? Он считал себя большим молодцом, и вполне заслуженно. Пришел и спас, бросил свой московский абсент и своих московских девок, собрал отряд — и нагрянул туда, где был нужен больше всего, и там оказался я, кто-то типа его образца для подражания и юношеского кумира, м-да. Спасти кумира — это ли не мечта преданного фаната, пусть и латентного? А латентный — это значит скрывающийся, не подающий виду, а не что-то там другое, непотребное.

Брегалад обниматься бы кинулся, но фасон перед товарищами держал. Невместно комбригу с атаманами всякими обниматься!

Еще один эльф — весьма знакомый мне отшибленный уманьяр с выкрашенными в полосочку волосами, по имени Таго Гваун Амилле, с которым мы вместе барагозили в Бурдугузе, ухмылялся весьма глумливо, хотя тоже был рад мне — искренне

Тут и причин его появления искать не нужно было: Промилле — почти такая же заноза в жопе у всего окружающего мира, как и я, и просто из-за особенностей своей бойкой натуры явно решил впрячься в первый же попавшийся блудняк, где можно было бы повоевать, заработать и получить новых впечатлений, и теперь наслаждался последствиями своего решения.

А вот третий меня капитально удивил. Я совершенно не ожидал увидеть здесь, в каких-то лютых хтонических подольских пердях всю его замечательную светозарную фигуру! Прекрасноволосый блондин со взором проникновенным и мордой лица как у модели с обложки мужского журнала по фитнесу… Он смотрелся в пропахших гарью и содержимым кишок реалиях Сколевских Бескид весьма контрастно. Финардил, чтоб меня, Хьянди! Эльдарский доктор! Какого, спрашивается, хрена? Эльдар в войсках Российского Государя? Как там, в бессмертной классике: «Кой черт его понес на эту галеру?»

Сан-Себастьянский эльдар холодно улыбнулся и сделал изящный жест своей холеной ладонью с идеальными ногтями, изображая доброжелательное приветствие.

— Только попробуй вытворить это без нас, — с места в карьер начал Промилле, поигрывая кинжалом в руках. — Я тебе вырежу гайяскутус на спине, так и знай, если ты пойдешь по Хладному Мосту и не возьмешь нас с собой.

— Правда, Бабай! Не смей! — следом за ним подкинулся Брегалад. — Ты же видел на что способны наши соединения вместе! Идеальная спайка!

Финардил молчал и посматривал на меня в своей манере. Он-то явно был не против, чтобы все орки пошли и сдохли где-то там, на Балканах. Желательно — быстро и окончательно. Это ведь такая выгода: никакого обслуживания по страховке! Присмотревшись к его светлой броне, похожей на латы лаэгрим, но гораздо более вычурной и щегольской, я решил, что доктор и тут руководит чем-то вроде медсанбата — капелька красного цвета и командирские нашивки точно говорили о чем-то подобном.

Но вслух произнес другое:

— А в жопу стрелу моим оглоедам никто не всадит? Если нет — то милости просим. Предупреждаю сразу — миндальничать на той стороне мы не будем. Устроим там максимальный беспредел, с пожарами и трупами. Если кому-то такое мероприятие не по душе — прошу оставаться по эту сторону моста… — я по очереди пожал руку каждому из них и добавил: — Большая ордынская благодарность, мужики. Признаю — без ваших луков и стрел нам, скорее всего, пришла бы клямка.

Луки у них на вооружении имелись капитальные! Как у Рэмбо, только — очень современные, с какими-то системами блоков и усилителей, прицельными приспособлениями и прочей чертовщиной… Смертоносные штуковины!

— Клямка? — удивился эльдар.

— Кабздец, — пояснил Промилле. — Им бы пришел кабздец. Это как пить дать! Носферату, гады, летать умеют, в этом — ключевая проблема, понимаешь ли… В этом — и в скорости. И вот именно поэтому я и рекомендую тебе, друг мой Бабай, взять с собой эльфийских добровольцев…

— Нет проблем, я же сказал! — кивнул я. — Стройте своих ребят рядами, я толкну перед ними вдохновенную речь речь, и если кто-то захочет — то сможет пойти с нами отвешивать люлей упырям где-то там…

— Почему это где-то там? — вздернул бровь эльдар. — Известно где — в Хунедоаре. Только там такая Хтонь, с такими эффектами… Еще на Инис Мона, но из Инис Мона сюда Хладный Мост не дотянуть. Тут не две сотни, а две тысячи человек прикончить пришлось бы, и то — может и не получилось бы ничего.

— Главбу-у-у-ух!!! — заорал я дурным голосом. — Где главбух? А, вот где… Латиф, давай, шустренько собери мне всю информацию по Хунедоаре, и карту местности принеси, на ватмане… Полчаса у тебя!

— Но где я… — киборг действительно образовался передо мной чрезвычайно быстро, и теперь хлопал глазами, в шоке от поставленных задач, которые явно не укладывались в его понимание обязанностей главного бухгалтера.

— Да пофиг… Найди, роди, купи, от руки нарисуй. Шевели своей железной задницей в темпе вальса! — замахал на него руками я, а потом повернулся к Финардилу, Брегаладу и Промилле. — А вы чего стоите, господа эльфы, как три тополя на Плющихе? Если вы собираетесь поучаствовать в рейде совместно с ЧВК «Орда», то, вне всякого сомнения, переходите под мое оперативное командование… Я тут старший по званию и вообще — самый внушительный. Так что — слушайте, что будет дальше! Через двадцать минут состоится концерт по заявкам под названием «Атаман Бабай Сархан толкает речь перед эльфийскими добровольцами!» А через два часа все долбоящеры, самоубийцы, адреналиновые наркоманы, придурки, сумасшедшие и прочие пассионарии под моим началом начинают пробежку по Хладному Мосту! Все понятно? Тогда чего стоим? Давайте, давайте, организуйте там своих ушастеньких как положено, в Сколе потом памятник всей этой дичи будет стоять, я вас уверяю!

Любят вашему брату памятники ставить и улицы называть… Может и орков упомянут, впервые за кои-то веки.

Не знаю, на что они там рассчитывали, когда приходили ко мне втроем и отрывали от важного процесса заточки карда, может — на кофе с шаурмой? У Брегалада лицо было какое-то загадочное, но пока что мне плевать было на все загадки, я собирался за зипунами!

В общем, ушли эльфы слегка обескураженными. По крайней мере — два из трех. Промилле-то, черт полосатый, незаметно подмигнул и большой палец оттопыренный показал, мол так их, мажоров этих!

А я сел по-турецки прямо тут, под слегка обгорелой ёлочкой, недалеко от оборонительной линии из грузовиков, взял в руки точильный камень — и начал готовиться к походу за зипунами по-своему. Правил лезвие карда, с аппетитом жевал протеиновые батончики, запивал их водичкой. И на правое предплечье посматривал, удовлетворенно хмыкая всякий раз, когда, сверкая золотом, обрисовывалась новая татау. В последнее время мне удалось добиться успехов в концентрации: я почти мог заставить все эти чудо-иероглифы работать по собственному желанию… Ну ладно — не работать, а проявляться после трудов ратных. Но и это уже немало! Скоро, глядишь, и недюжинные Резчиковы способности начну волевым усилием активировать, и тогда уж — ух! Гробы подорожают.

Черепов я набил много! Мелкие пиктограммы с клыкастенькими головешками новообращенных упырей опоясали предплечье еще одним стильным браслетом. Отдельно выделялись черепа трех гайдуков. Это был славный бой! Место на правом предплечье стремительно сокращалось, его практически и не было уже, и такими темпами через пару годиков бурной жизни можно будет говорить не о татуированных браслетиках, а о целом рукаве!

Я не мог не отметить, что заматерел капитально: одолеть в схватке сам-на-сам гайдука еще год назад для меня было чем-то невероятным! Прекрасно помню, как благодаря чистому везению и моментному порыву одолел ублюдков на крыше «Орды» в Сан-Себастьяне, когда они замерли в своей технологичной броне после телепортации… И как выручила меня Эсси во второй раз, в той сраной квартире, пальнув в упыря из штуцера с другой стороны улицы… Теперь же я уверенно втаптывал их в землю, если мы сходились один на один. Ну да, не в одно касание — лупили они меня будь здоров, но — я оставался живым, а их черепа появлялись на моем предплечье! Если гайдуков было двое — тут картина менялась, но и я во чисто поле в одиночку не

ходил! Алебарды соратников или вмешательство кого-то из командиров выравнивали ситуацию…

Носферату — это, конечно, другая песня, тут я пока что пасовал, выживая только за счет дикого разгона нервных реакций на короткое время, что позволяло или уклониться от первой стремительной атаки, или парировать ее. А там — как пойдет. Мы все-таки прикончили пятерых, но только и исключительно — общими усилиями магов, эльфов и ордынцев. И понеся очень большие потери. Даже истыканные стрелами как ёжики — иглами, хорошо прожаренные файерболом или молнией с небес, они продолжали шевелиться и убивать всех вокруг, так что мы мозжили их до состояния однородного месива, потом — обливали бензином и поджигали. Была идея еще и кислотой места их убийства поливать…

Надо будет Кузьме сказать — пусть займется. А если кислоты не найдет — пусть обоссыт, не добьет — так унизит.

Зуд прошел, золотые искорки перестали проскакивать по коже, новые элементы татау проявились окончательно. Кард был заточен до бритвенной остроты, протеиновые батончики — дожеваны, вода — допита. И я почти уже собрался встать и пойти толкать речугу сводному ордынско-эльфийскому экспедиционному корпусу, как вдруг мои ноздри уловили будоражащий душу и тело, едва уловимый хвойный аромат. Эка невидаль — хвойный аромат посреди обугленного елового леса, да? НЕТ!

Не бывает в Сколевских Бескидах запаха байкальских лиственниц!

— Даже не думай мне закрывать глаза руками, Эсси, — сказал я и счастливо оскалился. — На сей раз подкрасться не удалось! Я тебя за километр учуял и теперь намереваюсь сожрать от радости!

* * *

Глава 22
Пожар в борделе

Мы держались за ручки, как парочка выпускников, которые решили, что влюбились в момент вручения дипломов о завершении общего среднего образования. Ну, знаете, платьишка вот эти все, ленточки, трогательная атмосфера последнего школьного бала…

У Эсси вместо пышного платьишка была чешуйчатая броня, а вместо ленточки выпускника — патронташи с артефактными патронами. Винтовка и композитный лук с саадаком в качестве аксессуаров вполне дополняли элегантный образ, модный среди эльфийских добровольцев в этом сезоне. Что касается моего костюма, так и на выпускной, и за зипунами, и в пир, и в мир, и в добрые люди я уже два года как одевался однохренственно. Джинсы, тяжелые ботинки, футболка, бронник с белой дланью, гирлянды из гранаток и рюкзак с приятной и полезной во всяких злодействах мелочевкой.

Шли себе вдвоем по Хладному Мосту, среди облаков и других атмосферных явлений, за один шаг преодолевая сотни метров, посматривали друг на друга время от времени искоса, и делали вид, что никакой гребаной Орды и никаких не менее гребаных эльфийских добровольцев за нами не крадется.

Крались они, конечно, настолько, насколько могут красться пятнадцать тысяч тяжеловооруженных воинов и пятнадцать же сотен лучников, сверх меры нагруженных луками, стрелами, винтовками и боеприпасами. Зачем так много всего? Дык мало того что в Аномалию идем, еще ведь и в тыл противника! Всяко может быть!

— Знаешь, мы ведь в России живем, — повела плечиком Эсси. — И лесная магия — не самый убойный аргумент в границах нашего государства. Даже если этой магии — двадцать тысяч лет. Есть кое-что помощнее!

— Любовь? — с надеждой спросил я, а потом не удержался и взгыгыкнул.

— Чего ты ржешь? — толкнула меня бедром эльфийка. — Вообще-то любовь — тоже! Я тебя всё это время любила, и ты меня — тоже! Уж я-то знаю! Но этого было недостаточно для того, чтобы я всё кинула и побежала к тебе. И чтобы ты не спал с кудрявой журналисткой! И с блондинистой магичкой!

— А-хм! — сказал я.

— Значит, с магичкой не спал? Или спал — но раньше? Ой,

мне пофиг, на самом деле, — махнула рукой Лесная Владычица (бывшая?) и стрельнула на меня своими волшебными, родными, самыми обычными и распрекрасными карими глазами. — Учти — больше ты ни с кем кроме меня спать не будешь. Всё!

— А с котиками? — этот момент надо было уточнить.

— Что — с котиками? — удивилась она. — Причем тут котики?

— Ну, знаешь… — я вздохнул мечтательно. — Холодной зимней ночью нажарить себе яичницы с салом и черным хлебом, налить кружку пива, употребить всё это в охотку, и залезть на горячую печку — с котиком! Лежать там под одеялом с ним, слушать как котик мурчит, и пузо его шерстяное почесывать! Лепота-а-а!

— Э-э-э-э… — Эсси задумалась. — Ладно. С котиком можно. Ты так это описываешь, что я даже задумалась: может мне за тебя замуж не выходить, а кота завести?

Я закашлялся, подавившись следующей репликой и пытаясь не охренеть от ее фразы про замужество. Но, если рассуждать гипотетически и в рамках некого не слишком удаленного будущего, так я как бы и не против, если она не против! Нужно было срочно как-то менять тему, потому что прямо сейчас, все-таки, обсуждать такие вещи я был не готов. Много дел на носу! Тех убей, это подожги, здесь ограбь, там кого-то оттрахай… Нет, оттрахивать непонятно кого не будем, этот вопрос закрыт, ладно… В общем, я спросил:

— Так что это за убойный аргумент, который вытащил тебя, солнышко ты мое лесное, из зеленых объятий Ород-Рава?

— Ха! — эльфийка склонила голову. — Что, не догадаешься? Нет, Бабай, ну что ты как нерусский, серьезно?

Мне пришлось снова откашливаться и махать ей рукой, мол — продолжай, я весь внимание. Эсси продолжила:

— А всё очень просто! — она выглядела очень довольной от того, что поставила меня в тупик. — Ответ очевидный: Государь наш, Самодержец всероссийский, Иоанн Иоаннович Грозный! Представь себе: лично явился к границам леса, треснул посохом по земле и напомнил про священное и неумолимое право каждого жителя Государства Российского независимо от пола, расы, имущественного, социального и религиозного состояния служить в войске государевом и защищать наше хранимое Богом Отечество. Или — хранимое Эру Илуватаром, от перевода зависит, это по вкусу… А когда вековые кедры зашумели — он нахмурился и пальцем погрозил, и кедры моментально заткнулись, и я такое облегчение почувствовала, ты не представляешь… И обрадовалась. Ну надоело мне уже быть

частью родного биогеоценоза! Я, может, личность — сильная и независимая! Как пелена с глаз спала, и все вот наши с тобой приключения в Сан-Себастьяне вспомнились, всё вообще — как я без Леса жила! Конечно, если бы это самое просветление случилось три или два месяца назад — не знаю, как бы я поступила… Много, очень много дел было. Но я их к тому времени в общем-то закончила. Как ты говоришь? Причинила счастье народу лаэгрим! Ужасненько нанесла радости! Объединенный Совет Ород-Рава создала, и привела к общему знаменателю. И вся эта клановая раздробленность канула в Лету, наконец-то! Впервые со времен Элу Тингола! Кажется, для маленькой дурочки и неправильной принцессы план даже перевыполнила… Так что, когда я узнала, что Брегалад набирает добровольцев — я пошла и записалась. И всё! Вот она я! Простая лучница, добровлец! Брегалад предлагал командирскую должность… Я в гробу видала командирскую должность. Накушалась!

— Вот так просто? — удивился я. — Соскочила с престола и убежала на войну? С другой стороны… Слово и Дело Государево! Три волшебных, ять, слова. Самое мощное заклинание от Белостока до Владивостока и от Колывани до Эривани! А сколько остроухих бошек почтенных старейшин слетело с плеч, пока кланы к покорности пришли?

— А немного, на самом деле, — беспечно отмахнулась Эсси. — Они обдристались, когда я взялась за дело по-настоящему. Как ты это говоришь? Крокодительство? К такому почтенные старейшины точно были не готовы… В общем, у кланов осталось имущество и земли, но никаких административных и военных функций. Вуаля! Единая Ород-Равская юридика теперь имеет место быть!

— Обдристались, значит? — я снова гоготнул. — Моя девочка! Расскажешь потом, ага?

— О, да! С красочными подробностями, — эльфийка энергично покивала. — Пока на моей далекой родине бал правит хорошо известный тебе Первый Советник Элрохир Кедеэрнович Ронья, и неплохо справляется, должна сказать… Он всегда неплохо справлялся, просто ему нужна была встряска! И новые горизонты. Думаю, лет на пятьдесят его второго дыхания точно хватит.

— Пятьдесят? — я почесал затылок. — Маловато будет. На тебя у меня больши-и-и-е планы!

— Посмотрим на твое поведение! — она снова стрельнула на меня глазками. — Думаю, за пятьдесят лет Брегалад упьется абсентом, наиграется в архитектора и вернется. Видишь, как

вышагивает? Ему по душе почет, уважение и признание. Руководя Ород-Равом он наделает дел! Точно тебе говорю — мы его потом дожмем!

Сомневаться в ее словах не приходилось. Сказала — дожмет, значит — дожмет! А я ей помогу! Мы синхронно обернулись на идущего во главе колонны кудрявого эльфийского принца и он даже вздрогнул и на всякий случай замотал головой и продемонстрировал перекрещенные руки в знак полного отрицания, хотя услышать нашего диалога точно не мог! Перестраховывался Брегаладик. Знал, мерзавчик, на что мы вдвоем способны…

— Какой план? Как упырей унижать будем? — подергала меня за руку эльфийка. — Расскажешь?

— Ты ж вроде простой стрелок? Тебе зачем? — не мог не поддеть ее я.

— Ой-ой-ой, можно подумать! — сказала она и показала мне язык.

— Гы-гы-гы, Эсси, я по тебе зверски скучал, знаешь? — я попытался ухватить ее за талию, но девушка вывернулась. — Просто это, как там в песне… Без ми-и-илой принцессы мне жы-ы-ы-ызнь не мила-а-а!

— Врешь! Врешь и не краснеешь! И поешь как и раньше — отвратительно!

— Уруки не умеют!

— Врать?

— Краснеть! — решительно заявил я. — И петь! А план такой: мой главбух… Помнишь Латифа Нахичеваньского? Да-да, та самая сукападла что устроила весь этот дурдом, да… Он у меня главбухом теперь работает… Да не смотри ты так, не надо его убивать, он не полностью главбух, одна голова его главбух, а самого Латифа — его же четвертовали! По телику же еще показывали, в утреннем эфире! Я тебе говорю — четвертовали! И башка теперь по приказу царевича Федора пашет как проклятая, а туловище, руки, ноги и писюн…

— Хи-и-и…

— Что? А! Да! Говорю, царевич Федор держит в заложниках его туловище, руки, ноги и писюн!

— Хи-и-и хи! — она постепенно краснела и уже махала ладонями у лица, чтобы немного прийти в себя.

— Так что Латиф будет вкалывать как проклятый ради того, что вернуть свое бренное туловище и…

— Нет, пожалуйста, не произноси этого больше вслух! — взмолилась Эсси.

Но я был безжалостен и произнес это самое слово громко и

отчетливо. Какого хрена я должен страдать один? Пусть все мучаются. Зато про план она больше не спрашивала. Обманный маневр удался. Штирлиц знал, что лучше всего из разговора запоминается последняя фраза!

Вот бы еще упырей также запросто удалось в замешательство писюном ввести, было бы совсем превосходно!

* * *

На самом деле главбух расстарался. Он действительно освоил функционал кибернетического тела в плане рисования, и маркером на брезенте набросал карту Оазиса в Хунедоарской Аномалии, который упыри использовали в качестве своей базы. Почему там? Потому, что полное табу на огнестрел и взрывы давали кровососам невероятные преимущества в случае внезапной атаки! Не так уж и много в этом мире идиотов, которые рассекают с кардами и алебардами, и применяют римские построения и монгольскую ясу в пацанских разборках уровня Куликовской битвы.

На Балканах такие придурки водились только в Монтенегро. И туда Хладный Мост никто не перебрасывал. Его использовали для подавления мятежей в других регионах… Просто представьте: горанцы или помаки, вооружившись за счет доброжелательных дядей из России, Авалона, Франции или Испании винтовками и гранатометами, и организовавшись в партизанские отряды вдруг сталкивались с Инцидентом из ближайшей Хтони, напрочь вырубавшем всё их стрелковое и тяжелое оружие. А вместе с Инцидентом приходили по Хладному Мосту упыри и всех убивали, потому что обычный человек без автомата в руках противопоставить вампиру может что? Правильно. Ни-хре-на!

А как спровоцировать Инцидент, и как слить эффекты двух Аномалий — это упыри знали прекрасно… И не нужно снимать вооруженные современной техникой линейные части Федерации с фронта, и отвлекать главнокомандующего Дьёрдя Ракоци, великого огненного мага. Носферату справлялись с внутренними врагами сами, предпочитая перемалывать цвет и гордость балканских народов — молодых и сильных мужчин о военную машину Государства Российского. Группа армий «Прут» под руководством князя Вяземского наступала медленно, но верно, занимая деревушки и мелкие городки на чужом берегу пограничной реки и двигаясь широким фронтом.

Поэтому в нашем рейде была и стратегическая важность: мы отбились от этих сраных карательно-диверсионнных сил быстрого

реагирования, и теперь, прикончив их базу в Хунедоаре, могли здорово помочь антиупириному и антиосманскому сопротивлению на Балканах. И, соответственно — фронту!

Оазис в Хунедоарской Хтони имелся один, и занимал какое-то каменистое поле, сравнительно небольшое… Не знаю, какая там была площадь точно, но максимум — один или два квартала Нового Города Сан-Себастьяна. Ради экономии места упыри выстроили тут что-то вроде Москва-Сити в миниатюре: пять недонебоскребов, центральный из которых имел двадцать этажей в высоту, угловые — по пятнадцать. Они были объединены несколькими крытыми переходами друг с другом и с центральней башней. Эдакая Цитадель Зла! Хладный Мост как раз имел основание на крыше центрального элемента этой странной конструкции из стекла, стали и бетона, с готическими фасадами и вычурными украшательствами типа ажурных парапетов и портиков, странных пилястров и и страшенных горгулий на углах зданий…

— Бахар, твоя бригада берет башню номер один! — скомандовал я. — Щербатый, ты и твои бандиты — башню номер два. Шестерка — на тебе третья башня, Тройка — ты громишь четвертую. Я займусь центральной… Спускаемся вниз, этаж за этажом, всех убиваем. Потом поднимаемся вверх, этаж за этажом — всё грабим. И сваливаем по мосту обратно! Господа эльфы, а вас я попрошу остаться… На крышах! В качестве оперативного резерва и прикрытия. Думаю, с во-о-он той базы на границе Хтони сюда попробует кто-то пробиться. Там регулярные части, если верить моему главбуху… Танковая дивизия, или что-то вроде того. На танках они смогут подъехать, а драться все равно придется пешком, из зданий мы выходить не будем, а стрелять в Хтони уже они не смогут! Так вот, чтобы ни одна балканская падла…

— Все понятно, Бабай, — кивнул Брегалад. — Мы прикроем…

И вдруг замолчал. И все замолчали. И синхронно посмотрели вниз — туда, где под нашими ногами виднелось огроменное брюхо черной паучихи и ее суставчатые ноги. Вдовушка — монструозная тётя величиной с грузовик, тоже решила прогуляться по Хладному Мосту! Вниз головой и цепляясь за него с другой стороны.

— Сука, — сказал Промилле странным голосом. — А так можно было? И какого она вообще хрена…

— Взаимопроникновение! — пояснила умная Эсси. — Она решила что на той стороне ей будет комфортно. Решила заготовить свеженьких балканских консервов…

— Я чуть не обосрался, — сказал Щербатый.

— А я — обосрался, — заявил Кузя и шмыгнул носом.

А тупой и храбрый я тут же скомандовал:

— Шире шаг! Мы ворвемся в главную башню следом за ней! Уверен — такой херни они точно не ожидают!

* * *

Орда выплеснулась с Хладного Моста на полную кровавых ошметков крышу башни и с криками «Лок-тар огар!», «Ура!», «Бей-убивай» и «Эгегей, япона мать!» ринулась во все стороны. Мы с Эсси, Кузей, Лурцом и Хурджином шли по следам паучихи, которая явно решила обосноваться здесь всерьез, и плевать ей было, что сия башня стояла в Оазисе.

Вдовушка оплетала все вокруг паутиной, развешивала гирлянды из упырей и их прислужников, и вообще — явно уже считала себя тут полноправной Хозяйкой. Редкие солдаты с уставными тесаками и упыри из недобитков — очевидно, не воины, а интеллектуальные работники, уцелевшие после нападения паучихи, падали под ударами наших клинков, дубин и стрел. Вдовушка как будто специально нас не трогала — мы несколько раз видели ее черную жопу с ядовитым острым жалом, но тварь всякий раз выбивала окно и переползала на какой-то другой этаж, или замирала там, снаружи, на элементах декора, решая свои хтонические вопросы внутри своей хтонической башки.

Хрен знает, что это значило… Может, опасалась нашей многочисленности? Пара тысяч бойцов, плюс татуированные есаулы, плюс Резчик, плюс троллиный шаман — серьезная угроза даже для Хозяйки Аномалии… Или уже — двух Аномалий? Или одной — но другой? Черт знает что тут происходило с этой паучихой, но штурм башни сверху вниз она нам капитально облегчила!

Да и мы его себе тоже облегчили, перебив подавляющее число диверсионно-карательного корпуса упырей там, в Сколевских Бескидах. Теперь мы шли вниз и убивали паникующего противника на каждом из этажей. А то, что кое-кто из кровососов не носил оружия — плевать! Он и помпу медицинскую для регулярных антивампирских инъекций не носил, значит — лечиться не намеревался, гад такой… Значит — повинен смерти! Кроме упырей тут попадались и балканские военные: добры молодцы в странном тигровом камуфляже. Они честно пытались оказать сопротивление при помощи штык-ножей и редких офицерских сабель — но что такое штык-нож против

снажьего пожарного топора, троллиной стальной палицы или урукского карда? Ну, и нас было банально больше. Мы ведь поубивали их заранее, на той стороне моста, и это было очень предусмотрительно, да?

Судя по вылетающим из окон соседних башен телам и занимающемуся зареву пожаров — наши там отжигали как положено! Надеюсь, рассудок не теряли — все же мы пришли сюда за зипунами, а не устроить бессмысленную резню недорезанных карателей…

— Кузя! Твою-то мать, ты к системе подключился или где? — заорал я, с размаху рубая кардом по голове лысого как бабья коленка вампир-болярина.

Боляре — это такие твари чуть круче гайдука и значительно слабее носферату. Их в процентном соотношеннии меньше всего, по той же самое причине, по которой большая часть погибших на дорогах водителей имеют стаж вождения более 15 лет. Самоуверенность! Гайдуки, вышедшие из яселек и ставшие полноценными детсадовцами, внимательно слушают своего воспитателя и вождя — носферату. Буквально в рот ему смотрят! Боляре же проходят через своего рода эмансипацию — взматерев, они избавляются от болезненной зависимости от обратившего их носферату и начинают самостоятельную жизнь. И, не имея возможности обзавестись своей сектой обращенных последователей, весь смысл своего существования видят в высасывании как можно большего числа жертв, чтобы поскорее стать носферату и войти в число вампирской элиты. Ну, и огребают при этом… Или — до этого. Нередко носферату сами разделываются с заматеревшими гайдуками, ибо — нехрен!

Этого болярина Эсси успела пришпилить к стене двумя стрелами, а Хурджин капитально приложил ему палицей, раздробив кости таза, так что мне оставалось только разрубить и отрубить ему всю голову… Все-таки работать командой — гораздо сподручнее, а сработанной командой — сплошное удовольствие! Сюда б еще Шерочку с Машерочкой — и вообще заглядение было бы! Разматывали бы мы таких боляр секунд за двадцать, точно! Если бы нашли, конечно… Болярин — товар штучный, редкий…

— Кузя!!! — я стряхнул с карда капли крови и всякие ошметочки. — Где ты лазишь, скотинка?

— Че злисся? — раздалось откуда-то с потолка, прямо надо мной. Там, вынув пластиковую панель и уцепившись обеими ногами за какую-то железяку болтался вниз головой гоблин и вазюкал пальцем в планшете, к которому были подключены какие-то провода. — Я ваще-то трудюсь тут в поте лица… В поте

морды? В поте рожи? В поте чего я трудюсь-то? Эсси, вот у тебя — лицо, это ваще понятно. У Хурджина — харя! У Бабая, ясен хрен — рожа! А у гоблинсов — что?

— А у гоблинсов, — сказал я, подкрадываясь к нему. — У гоблинсов вот-вот начнутся большие проблемы, потому что ты клятвенно обещал что найдешь нам расположение хранилищ и складов сам! И потому я не взял с собой Латифа!

— Ой, еще консервных банок бы с собой насобирал! — пошевелил ушами гоблин. — Я тут вон че нашел! Разъездеформация! Развезнасракция! А-а-а-а ухи-ухи-ухи!!! Пусти, Бабай, я читал сегодня словарь!!! Сведения я нашел ценные, и про имущество, и по Хунедоаре! Эсси, скажи ему! У меня и так ухи большие красивые, чего он тянет!

Ухи я отпустил, потому что в целом Кузя был прав и вообще — большой молодец! Я даже дал ему протеиновый батончик, чтобы он не хныкал. Потому что он нашел кое-что действительно важное, с чем предстояло разобраться несколько позже. И кое-что полезное прямо сейчас: схему подвалов здания битком набитых тем самым ОЧЕНЬ ЦЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ!

Награбленные драгоценности и всякие волшебные штучки-дрючки, которые местные вампиры тащили в свою цитадель после карательных рейдов, ждали прямо под нашими ногами!

— Полный вперед! — скомандовал я. — Идем напролом, вниз, по лестницам! Вперед, за золотом и штучками-дрючками!!!

— Лок-тар огар!!! — откликнулись соратнички и мы ломанулись вниз по лестницам.

Редкие вампиры и военнослужащие-люди из местного гарнизона, конечно, пытались оказать сопротивление, выстраивая оборону на лестничных маршах и площадках. Они опрометчиво думали, что какое-то количество снага, людей и гномов — это довольно слабый и привычный противник, по сравнению со страшной-ужасной паучихой, которая сновала то тут, то там, хотели устроить нам Фермопилы, пользуясь узким пространством… И были за такое многократно биты толпой.

Мы прорвались в подвалы минут через сорок, и жадный зеленый прилив затопил местные арсеналы, хранилища и кладовые… Тут действительно нашлось чем поживиться! Доспехи, оружие, артефакты, драгоценности, звонкая монета из благородных металлов — то, что никогда не потеряет ценности ни в одном из миров! Это вам не циферки на банковском счету…

Жадные, загребущие руки ордынцев вскрывали сундуки, взламывали сейфы, потрошили коробки и ящики… Я, впрочем, занимался тем же самым, когда Эсси в своем росомашьем шлеме вдруг поднесла руку к виску и доложила:

— Брегалад говорит — танковая колонна выстраивается вдоль границы Хтони, в четырех километрах отсюда! Он предполагает, что станут лупить болванками!

— Какие разумные сволочи! — восхитился я. — Взрываться-то и выстреливать оно будет у них там, а лететь, соответственно — сюда! Какая-то героическая падла сообщила, что у мы здесь орудуем!

А потом заорал во всю глотку:

— Хватайте всё, что можете унести, мужики! Пора сваливать! — и стал сгребать в рюкзак разные приятные мелочи типа артефактного оружия и золотых слитков, а потом спохватился: — Ох, ять! Это ж на двадцатый этаж теперь всё переть!

И мы перли, и вокруг нас всё горело, и рушилось, и летали снаряды и бегала суетливая паучиха, но бросить такую огромную кучу всего — это было не в наших, орочьих силах.

* * *

Всего в этом томе осталась еще одна глава и одна интерлюдия, вроде как. Посмотрим, как пойдет.

Глава 23
Амбиции

правки в течение дня. или двух дней

Мы вернулись поздно ночью, тяжко нагруженные добычей, а еще — ранеными и мертвыми. Мы никого им не оставили! Потери были минимальными, больше всего ордынцев погибло от обстрела болванками… Я гордился нашими парнями — то, что мы устроили там, на той стороне Хладного Моста, всё это дело — с самого вторжения вампирских карателей и до нашего рейда на Хунедоару — это точно достойно отдельного живописного полотна… Ну, или боевичка от «Гоблин Пикчерз». Уверен — Кузя в лепешку расшибется, но сваяет нетленку, которую зальет в сеть во славу Орды!

Стоило отдать должное и эльфам: они ушли с крыши центральной башни последними. Стояли, не кланялись снарядам, прикрывали наш отход… Не только стрелами: среди добровольцев оказались сильные природные маги, которые сумели качнуть хтонический лес вокруг Оазиса и направить его разрушительную силу на гусеничные бронированные машины балканской армии. Да, и у балканцев было чем ответить, но как только обстрел башен перестал быть игрой в одни ворота — интенсивность канонады сильно снизилась…

В общем — мы сделали то, о чем и помыслить не могли великие стратеги и обученные полководцы из генштаба. Мы разгромили врага в его логове, ограбили крупную базу, все там обосрали и обоссали и оставили сюрприз в виде Вдовушки, которая, похоже, решила обосноваться на той стороне всерьез. По крайней мере, когда мы возвращались, под нашими ногами ползло целое скопище недобитых в Сколевских Бескидах паучат.

Очень отвратительное и очень паучительное зрелище.

* * *

Вернувшись, мы сгрузили добычу в Сколе, предоставив главбуху и Кузе с гоблинами заниматься учетом и подсчетом, а сами занялись похоронами. Остатки вражьих тел мы просто скинули в овраг и закидали землей. Носферату были растерты в кашу и сожжены сразу, остальные вроде как из кусков прорасти не могли, так что пара бульдозеров из Сколе решило этот вопрос.

Эльфы в сражении на этой стороне потерь не понесли вовсе, а

на той — потеряли семерых убитыми и несколько десятков — ранеными. Они занимались погребением по своему обряду, за пределами Хтони, на берегу речки Опир.

Мы же устроили все по нашим, ордынским обычаям, прямо на месте сражения. За обычаи у нас отвечал отец-основатель и пан-атаман — то бишь я. Так что именно мне пришлось стоять в окружении толпы орков, людей и гномов, которые стояли с факелами широким кругом, заполняя собой просеку, насколько хватало глаз. Мерцающий свет факелов разрывал ночную тьму, искры летели в укрытые хтонической хмарью мрачные небеса. Ряды тел, упакованные в автомобильные покрышки и политые горючим, давали полное и ужасающее впечатление о количестве погибших в бою с кровососами ордынцов.

Тысячи — вот сколько их было. Я взял факел из рук Хурджина факел и поднял его вверх и прокричал?

— О, вижу я отца своего… — и тысячи факелов поднялись вверх, и тысячи мужчин повторяли за мной: — О, вижу я и мать свою, и сестер с братьями! И друзей моих, и соратников, с кем стоял плечом к плечу! О, вижу я, как наяву, предков моих всех до единого, и павших товарищей своих! Они призывают, и зовут мое место занять рядом с ними, в небесных чертогах, где вечно живут храбрецы!

— … где вечно живут храбрецы! — вторила мне многоголосым, грохочущим голосом Орда.

— Победа или смерть! — я бросил факел и огонь вспыхнул, жадно облизывая автомобильные покрышки.

— Лок-тар огар! — факелы полетели метеоритным дождем, и вскоре вся просека полыхала, хороня храбрецов, которые грудь в грудь рубились с исконным врагом всего живого, и остались настоящими ордынцами до самой смерти.

А когда огонь догорел — народ рявкнул:

— ХАЙ!!! — и мы все пошли по своим делам.

Я понятия не имею, что должен был значить этот ритуал. Просто ребята думали, что так надо, поскольку Кузя или кто-то из его банды еще тогда, после смерти Садзынара Резчика, оказывается, снимал огненные похороны старого урука. Видео разошлось по сети, и теперь в каждом филиале под Белой Дланью наши пацаны считали, что так положено хоронить мертвых в Орде. Атаман-де такой пример показал!

Честно говоря, я был очень рад, что весь этот дурдом закончился, и теперь есть время на крохотную передышку. У меня совершенно точно имелось одно очень, очень важное дело! Есть время для смерти и есть время — для жизни, это я очень хорошо усвоил в этом мире, иначе сбрендил бы очень быстро.

* * *

Солнечный свет пробивался сквозь мутный пластик окошка в стене палатки, одинокая пчела с деловитым жужжанием пыталась пробиться на волю, раз за разом штурмуя непостижимую и непреодолимую преграду. Я протянул руку, взял с пола бутылку с водой, и, стараясь не облиться, напился.

Моя ладонь отправилась в путешествие по смуглой, бархатной спине девушки, спускаясь все ниже и ниже, я вдохнул манящий хвойный запах от ее волос и подавил желание проявить еще больше активности и прервать сон Эсси. Пусть отдыхает!

Эсси спала, доверчиво прижавшись носом к моему плечу, её пушистые ресницы вздрагивали, зрачки под веками беспокойно бегали — эльфийка могла вот-вот проснуться, так что я бережно прикрыл её простыней — нечего! Это были тяжёлые, странные дни, и мне не хотелось будить подругу раньше времени. Подругу? Невесту? Эх, нам бы времечка немного, без суеты, слабоумия и отваги, и со всем бы разобрались… Но где его взять, это времечко? Война идет!

Ненавижу войну. Люблю драки и ненавижу войну, вот такой вот пердимонокль. Драка — это честно. То, что мы устроили в Сколевскихз Бескидах, и там, в Хунедоаре — было дракой, пусть и чертовски гигантской. То, что творилось на Пруте — было войной.

Государь поймал меня, вот о чем я думал. Настоящая золотая клетка, выбираться из которой нет никакого желания!

И на кой хрен такие серьёзные мысли лезут в голову в самой расслабленной и приятной обстановке? Что за выверты сознания? Шутить шуточки и глумиться, наматывая на кулак кишки очередного монстра, находясь при этом по уши в дерьме — это запросто…

Рассуждать о будущем и скорбеть об утерянной свободе, любуясь самой прекрасной и самой желанной девушкой в мире? Которая лежит тут рядом, так близко что я чувствовал тепло её молодого, стройного тела, едва прикрытого белой простынью? Запросто, это мы тоже умеем, можем, практикуем.

Я отогнал навязчивую пчелу от своей ненаглядной и снова потянулся к бутылке с водой. Организм явно восстанавливался после адского напряжения последних дней и требовал питательных веществ и жидкости. Вот же — биоробот, чтоб его! Организму романтичность момента не объяснишь…

Мозгу, впрочем тоже. Он продолжал мне выдавать теории заговора одну за другой, и я уже хотел разбудить Эсси, но снова послушав, как она мирно сопит своим носиком — передумал.

Пусть сопит!

Но каков все-таки его царское величество Иоанн Иоаннович, а? Никогда не поверю, что его эффектное появление у зеленых живых стен Ород-Рава было вызвано только и исключительно желанием призвать жалких полторы или две тысячи стрелков в войско! Пф, да одна земская Москва за первые три месяца боевых действий выставила пятьдесят тысяч добровольцев, которые пополнили действующую армию без проволочек, влившись в ряды подразделений, в которых и проходили срочную службу. И это только Москва! Сейчас группа армий «Прут» представляла собой миллионную военную машину, по-русски медленно набиравшую обороты, и не без проблем, кроваво наступавшую, но, очевидно — очень и очень грозную. В ее силах было перемолотить и втоптать в грязь любого противника. Или даже двух! Дайти только срок…

Военная техника, боеприпасы, вооружение и снаряжение, боевые группы магов после ускоренных курсов военного дела и полевого слаживания, людские резервы — всё это шло к Балканскому фронту сплошным потоком… А ведь был еще Кавказский фронт, и тамошняя двухсоттысячная группа армии «Колхида»!

Что такое полторы тысячи в масштабах России? Да, да, та самая легендарная легкая пехота, эльфийские добровольцы! Имя и имидж многое значат, конечно. Но полторы тысячи ушастых ребят с винтовками — это всего лишь полторы тысячи ушастых ребят с винтовками.

Так что имелись и другие причины, однозначно. Например — Эссириэ Ронья, Первая со времен легендарного Элу Тингола единая владычица лаэгрим! Грозным не нужна была такая себе местная Аэлирэнн байкальского разлива. На кой черт правящей династии сильный лидер всех российских эльфов? И на кой хрен Грозным верховный вождь и Резчик для всех российских уруков. Да, да, с тех пор как Маухури принял меня в табор, такие идеи витали в эфире, поскольку Резчики, к тому же — молодые, резвые и харизматичные, это товар штучный. Без ложной скромности.

Но Грозные просчитали и ее, и меня. Царевич Федор направил ко мне Латифа, одобрив рост могущества Орды в ущерб гипотетическому возрождению Боевого Урук-Хая, а Государь — дал возможность Брегаладу воссоздать овеянное славой подразделение, чтобы предотвратить появление единой военной структуры лаэгрим под началом Эсси… Интернациональная гномско-оркско-человеческая Орда и всеэльфийское добровольческое движение в ущерб местечковому узкорасовому национализму и шовинизму, во как! Хитрые люди нынче Россией управляют!

И совершенно случайным образом оба наших занимательных подразделения оказались размещены в Подолии, чуть ли не на расстоянии вытянутой руки друг от друга… Мы зачищали Аномалии, выжимали червей и дробили в ступах челюсти. Эльфийская бригада занималась отловом диверсантов, в том числе — кровососов, и это было понятно: кому же еще по лесам гонять как не остроухим! И никак наши отряды не пересекались, пока Розен не попросил подкрепления!

Хитрый план? Определенно… На глобальном и на индивидуальном уровне. Мы нужны были династии. Мы — в смысле расовые меньшинства и всякое отребье в целом и я с Эсси — в частности. Например для того, чтобы иметь возможность дрючить магов и аристократов руками тех, кого и так все ненавидят. Я очень хорошо помнил, как царевич Федор ходил дрючить Нахичеванских, и кого именно он взял с собой заламывать опальным ханам руки, ташшыть и непушшать.

Эсси оставалась свободной от уз Леса ровно до тех пор, пока добровольно служила Государю, вот как я это себе представлял. Иммунитет от тяжкого бремени короны Ород-Рава она получила бы даже в составе ЧВК «Орда», например. Но в тот момент, когда мы перестанем быть Государевым войском и снова превратимся в частную лавочку — всё! Она снова автоматически вернется в свой статус Лесной Владычицы… А оно мне надо? А оно мне не надо. Так что и я, и моя Орда будем выполнять команды Грозных аки верные псинки. Пока не найдем свое средство против этого самого био-гео-цео как его там? А мы его найдем, более того — оно точно есть! Хе-хе…

— Чего ты там хихикаешь? — поинтересовалась эльфийка и потянулась так сладко, что ее приятные стройности, изгибы и округлости снова открылись моему взгляду и я мигом переместил вторую, условно-свободную руку ей на бедро а правую… Правую тоже — переместил. — Что за каверзные планы возникли в голове этого на вид недалекого и простоватого верзилы?

— Это я-то простоватый? — возмутился я, но руки не убрал. — Верзила — это ладно, это понятно! Недалекий — тоже вроде не очень обидно, вот ведь он я, рядышком! Но простоватый? Позвольте! Я — тонкая натура и многогранная личность!

Меж тем руки мои продолжали свое путешествие, девушка млела и едва ли не мурлыкала. Почти как тогда, в том волшебном шалаше в лесу Аркоа-Ронья… Хотя и с большими отличиями: вокруг этой палатки расположилась буйным табором моя Орда, и горе всем, кто вознамерится побеспокоить нас и поторопить — десять дней отдыха были нам обещаны самим князем Вяземским!

— Признавайся, что ты задумал? Я ведь по твоим глазам

вижу — ты тут о высоком размышлял и строил планы о завоеванию мира! — она вывернулась из моих объятий, грациозно изогнувшись, и уселась на краешке постели, поджав ноги и закутавшись в простыню.

Ну как — закуталась? Всё там было видно, на самом деле, так что руки мои снова зажили своей жизнью.

— Иди сюда, Эсси, — сказал я. — Я тебе сообщу свои планы — на ушко!

— Знаю я тебя!.. — сопротивлялась она скорее для проформы, и уже через секунду лежала у меня на груди — вся такая изящная, ладненькая и чертовски привлекательная.

— Ага, ага… — я прислонился губами к ее ушку и честно-честно прошептал: — Как тебе кажется: его превосходительство походный атаман Бабай Сархан, князь Хтонический — звучит неплохо? Я просто подумал, что для того, чтобы чувствовать себя более-менее свободно в нынешних реалиях — это именно тот минимум, который мне нужен…

— Князь Хтонический, значит? — глаза ее расширились. — Я даже не представляю какого масштаба дичь на этот раз ты замыслил, если говоришь об этом вполне серьезно!

— Ну, сейчас я замыслил кое-что совсем другое… — пробормотал я и, наконец, запустил руки в густые, мягкие волосы эльфийки, нашел ее мягкие губы и… И дальше все получилось — так, будто мы и не расставались на эти дурацкие полгода. Все было просто прекрасно, вот что я скажу!

* * *

Псевдоинтерлюдия. ***Великий Государь, Божиею милостью царь и великий князь, Великия и Малыя и Белыя Руси самодержец, Литовский, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Рязанский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, и всея Северныя страны повелитель, владетель Кавказский, Эстляндский, Курляндский и Лифляндский, и иных многих государств и земель Восточных и Западных и Северных Отчичь и Дедичь и наследник, и государь, и обладатель — Иоанн Иоаннович Грозный.***

Курага была особенно хороша. Иоанн Иоаннович, сидя на крыльце своей крымской резиденции в Феодосии брал сухофрукты по одному, рассматривал сквозь них жаркое южное солнце, а потом с наслаждением съедал, демонстрируя крепкие белые зубы. Чернослив, на самом деле, тоже был неплох.

— Ни слова про говядину! — сказал он и пошевелил пальцами, предлагая топчущемуся у подножия ступеней гостю подниматься и присаживаться. — Ты слишком громко думаешь про говяжью отбивную. А мне для пищеварения вот порекомендовали. Лесток порекомендовал, между прочим… Знаешь Лестока? Конечно, знаешь, ты ему втридорога ингредиенты продаешь… Бери курагу! Не говядина конечно, но тоже ничего.

Урук пригладил непослушные волосы рукой, а вторую тут же запустил в блюдо с угощением и запихал в рот полную горсть, и принялся смачно жевать.

— А-ха-ха-ха! — властелин двухсот миллионов жизней и двадцати тысяч квадратных километров территории вдруг молодо и весело расхохотался. — Нет, Бабай, прекращай строить из себя дикаря! Меня-то не обманешь, шалишь!

— Правда — вкусная курага, ваша величество! Объедение! — в глазах молодого орка плясали дурные искорки.

— Ладно, ладно, — Государь хлопнул в ладоши и крикнул, хотя в этом не было ровным счетом никакой необходимости: — Эй, там! Две говяжьих отбивных, с молодым картофелем и спаржей! Что, Бабай, будешь спаржу?

— Лучше бы две отбивных, — этот проходимец даже ладонями своими великанскими потер от предвкушения.

— Ишь… Эй, там! Давайте по две отбивных! Но спаржу ты всё равно съешь. Хорошо для профилактики урологических заболеваний… Это мне Боткин сказал. Знаешь Боткина? А-а-а! Чего это я? — Государь потянулся за сушеным инжиром, а потом отдернул руку: — Ты ведь не царских отбивных сюда откушать напросился, верно? Так настойчиво просить аудиенции — это нужно иметь наглость!

— Имею, — кивнул урук. — Без этого никуда. Без наглости я бы никогда не решился прийти к вам и попросить княжеский титул…

— А? А-ха-ха-ха! — царь снова молодо рассмеялся. — Я думал — принцессу в жены и полцарства! Но у тебя оно как бы и так неплохо складывается… Поди ж ты — княжеский титул? Орку? Каков жук! Ну, ну, излагай… Если мне не понравится — собаками тебя затравлю, а?

Урук проворчал что-то, и Грозный, конечно, все прекрасно услышал, и усмехнулся. Но все-таки произнес:

— Давай, скажи вслух. Не стесняйся.

— Чего стесняться, если вы и так всё знаете? Задолбетесь травить, говорю! Проще уж вам пальцами щелкнуть и пуф! Вместо мозга у меня плавленый сырок.

— Скучно, — пожал плечами Грозный. — Это невыносимо

скучно. Излагай, говорю! Не смей царю зубы заговаривать.

— А-хм! — прочистил горло странный орк. — А что, если бы в один прекрасный момент на всех Балканах всё перестало бы стрелять и взрываться, и вы бы об этом моменте были предупреждены, а все остальные — нет?

Государь недобро прищурился и уставился своими страшными глазами в орочьи бельмища. А потом откинулся на стуле, хлопнул себя по колену ладонью и снова рассмеялся:

— А-ха-ха-ха! Согласен! Князь Хтонический, думаешь? Неплохо звучит! Сделаешь — будешь князем! А теперь — ешь давай!

* * *

Конец пятого тома.

Ставлю птичку «Завершено», чтобы открыть скачивание. Текст будет еще правиться в течении нескольких дней. Новости про продолжение и все такое завтра в блоге напишу.